

**Слова в Великий пост  
святитель Иннокентий, архиепископ  
Херсонский и Таврический**

## Слово в неделю о мытаре и фарисее

С нынешнего дня, братие, Святая Церковь начинает приуготовление к Святой и великой Четыредесятнице, почему и начала оглашать слух наш трогательным воззванием к покаянию. Заблаговременно начинает Церковь свое дело; ибо великие дела и приготовления требуют немало. У кого есть намерение сразиться с сильным и многочисленным неприятелем, тот заранее собирает силы для его низложения; а какой враг опаснее и хитрее нашей плоти, которая непрестанно воюет на дух наш? Кто предпринимает врачевание упорной и застарелой болезни, тот заранее берет на свои руки недужных и разлучает со многими вещами; а какая болезнь старее и упорнее греха, живущего в нашем сердце?

Итак, не будем удивляться и сетовать, если еще до наступления поста будем не раз слышать из уст Церкви воззвание к покаянию, это – глас здоровья душевного для немощных; глас победы для имеющих выйти на сражение! Напротив, чувствуя всю нежность матернего попечения Церкви о нашем спасении, усугубим внимание и послушание, войдем в ее благие намерения о нас и последуем за ее руководством, как немощные следуют за советами врача, воины за указаниями опытного полководца.

Что же представляет пред очи наши Святая Церковь, изводя нас ныне на поприще покаяния? Представляет двух человек: фарисея и мытаря; фарисея, хвалящегося своими совершенствами, осуждающего тех, кои не имеют их, и за это самое осужденного Богом, и мытаря кающегося, со смирением исповедующего свои грехи, и за это самое отходящего в дом свой оправданным. Не без великого намерения, братие, представляются ныне вниманию нашему эти, а не другие лица. В них должно быть означено, что надобно делать и чего удаляться нам при покаянии. В самом деле, в отношении к покаянию, все мы разделяемся на два вида: одни думают, что не имеют нужды в покаянии, и потому, или не приносят оно, или каются поверхностно; таковых Церковь вразумляет

примером фарисея. Другие из нас находят для себя нужным покаяние, и желали бы принести оное, но не знают, чего требуется от кающегося. Таковым Церковь подает наставление в лице мытаря. То и другое наставление весьма ясно и понятно для каждого! Посему нам надлежало бы только обратить ваше внимание на картину мытаря и фарисея, и сказать от имени Церкви: смотрите и поучайтесь! Но поскольку плотской человек наш, для коего покаяние есть смерть, умеет в этом случае и ясное делать темным, то попытаемся пресечь ему пути к тому.

Примером осужденного фарисея Церковь хочет, – мы сказали, – вразумить нас, что вся наша праведность не имеет цены пред Богом правды, если не соединена со смирением, что всем нам для получения милости Божией одно средство – покаяние и вера в Искупителя. Но, разве кто-либо не верит сим истинам, и решится представлять из себя надменного праведника? Подлинно, братие, явно никто не захочет быть фарисеем, но в сердце многие остаются фарисеями, сами, может быть, не примечая того. Иначе, скажите, почему некоторые, не отвергаясь, впрочем, веры в Спасителя и упования жизни вечной, вовсе не являются во лечебницу покаяния?

Как ни судить, а в основании такого поступка лежит нечто явно фарисейское. Почему многие и являясь в духовное судилище покаяния, кажутся более судиями, нежели судимыми, скорее дающими, нежели приемлющими? И тут нельзя не заметить духа фарисейского. Почему, наконец, самые добрые, по-видимому, христиане большей частью при покаянии так сухи, хладны, неподвижны, как бы делали что самое обыкновенное, не имеющее ни важных причин, ни важных последствий? Не плод ли и это самодовольства своим состоянием, незнания той тяжести, которую слагают, той бездны, из коей исходят, того дара, который приемлют, то есть не явный ли плод тайного фарисейства? Итак, видите, как много из нас находится духовных фарисеев, и это при самом поверхностном рассмотрении наших поступков?

Что же может держать людей в ослеплении фарисейском и не дает видеть им своей греховности? То, что можно иметь (и

многие действительно имеют) весь вид праведности, не будучи на самом деле истинно праведными. Не чувствовали никогда сильных и открытых припадков зла, живущего в сердце, не имели несчастья преступать нагло пределов правды и долга, не выходили из повиновения Уставам Церкви; хранили порядок в жизни и делах, старались заслужить похвалу у людей, заслужили оную, чувствуют нередко одобрение самой совести, – и вследствие всех сих заслуг, добродетелей, похвал, думают, что они совершенно здоровы душой, а думая таким образом, естественно, не требуют врача духовного. Вот происхождение всякого фарисейства! Оно утверждается на мнимых добродетелях, и потому тем труднее руке человеческой поколебать его. Кумир праведности кажется так благолепен, что невольно требует поклонения и жертв.

Но, кто бы ты ни был, надменный своей правдой, ты должен оставить ее! Ты не видишь в себе зла, но можешь ли сказать, что ты видишь в себе все? Апостол Павел, без сомнения, не менее твоего трудился над своим сердцем и жизнью; но что говорит? «Ничесоже бо в себе сеем, но ни о сем оправдаюся» (1Кор. 4:4). Почему и сего недостаточно к оправданию? Не по избытку ли смирения это сказано? Нет, по существу самого дела, потому, что «болий есть ...сердца нашего, Который весть вся"! (1Ин. 3:20). – Невидное нам, видно Ему. Когда Он оправдит нас, тогда токмо мы будем правы. Но Он что говорит нам? Он говорит, и говорит всем, не грешникам токмо, но и самым праведникам: что «аще речем, яко греха не имамы, себе прельщаем, и истины несть в нас» (1Ин. 1:8). Хвались после сего своею правдой, и думай много о ней!

«Верую, – скажешь, – свидетельствую Божию о моей нечистоте, потому и хожу на исповедь, но не могу приписывать себе тех грехов, коих во мне нет». Но есть ли, хотя один грех? Без сомнения, есть. Внемли же, что говорит Апостол? «Иже... согрешит... во едином, быст всем повинен» (Иак. 2:10). Как это может быть? – спросишь. – А как бывает с телом, что один член болит, а все тело нездорово? Если в теле так, кольми паче в душе; ибо душа не имеет такой сложности, как тело, в ней все одно. Притом, кто дал одну заповедь, тобой нарушенную? Не

Тот ли, от Кого произошли и все прочие заповеди? Коль скоро ты не уважаешь Законодателя (а не уважаешь, нарушая Его заповедь), то уже не уважаешь и всего закона. И что значит все заповеди, как не раскрытие одной и той же заповеди: быть святым, "якоже Он свят есть"? (1Пет. 1:16). Посему, нарушив одну заповедь, ты нарушил все: «Иже... согрешит... во едином, быст всем повинен» (Иак. 2:10)!

Но совесть твоя не может указать тебе и на один грех, тобой сделанный? Благодарим Господа, сохранившего тебя от явных грехов; но не думай спасти через это кумир твоей праведности. Есть другой способ обнажить его срамоту и низринуть с высоты. Внемли! Если бы ты часто видел над горою дым, из нее выходящий, а по временам и искры, что бы ты заключил об этой горе? Не то ли, что внутри ее вулкан? И решился ли бы ты, несмотря на всю красоту и видимую прочность горы, основать на ней свое жилище? Суди таким же образом о своей душе и сердце. Ты не можешь, никак не можешь отрицать, чтобы из этого доброго сердца не выходил по временам дым худых мыслей, чтобы в сей честной душе не появлялись иногда искры нечистых вожделений. Итак, знай, что внутри тебя вулкан зла огнедышащий. Он покоен до времени, ибо недостает потрясений со вне: но тем не менее в нем целый ад зла. И здесь ли, на этой ли горе, на сей ли праведности ты думаешь основать здание вечного твоего спасения? Явится искушение, подойдет враг, – и то, что было вознесено до облак, низринется до ада; что прельщало взоры, представит груды развалин.

И не то ли самое видится в жизни некоторых людей совершенно неукоризненного поведения? С высоты честной жизни они вдруг низвергаются в бездну какого-либо тяжкого порока, даже предаются всем родам нечестия, а потом отчаянию и самой смерти. Что значит это? Вдруг ли происходит такое превращение? В самом ли деле всемогущая благодать Божия так скоро уступает место и победу греху и диаволу? Нет, в сем случае происходит именно то, что бывает с огнедышащими горами: выходит наружу то, что давно скрывалось внутри. Если бы зла давно не было в сердце, то оно

не разразилось бы так внезапно и с такой свирепостью, не заняло бы всех входов и исходов жизни, не убило бы вдруг души и тела.

Не будем же превозноситься нашей правдой. Все мы ходим над бездной, и без Ангела Хранителя можем сто раз пасть и разбиться в прах. Ах, что было бы с самыми честнейшими, по мнению света, людьми, если бы благодать Божия предоставила их силе зла, в них живущего!

Но, нельзя же отвергать, что многие из христиан имеют действительные добродетели и обладают немалым совершенством духовным».

И кому же иметь добродетели, как не христианам? Чего не сделано, дабы мы все были добродетельными? Сколько талантов дается для сего каждому? И все ли употребляются в дело? Вместо того, чтобы считать долго, что имеешь и что приобрел, сочти лучше, сколько принял. Нет человека, который бы сделал более, нежели сколько для него сделано, приобрел больше, нежели принял. Чем же гордиться? Ты употребил в дело пять талантов, но можешь ли сказать, что принял только пять? Можешь ли поручиться даже за то, что все это не поддельное золото, коим ты так восхищаешься?

Как обыкновенно мы смотрим на добродетели? Почти всегда в увеличительное стекло; напротив, пороки наши представляются нам в стекле уменьшительном. Отбрось пристрастие, – и многое тотчас переменится: там, где ты видел один блеск ослепляющий, увидишь пятна и тьму. Пророк удивлялся некогда красоте храма Иерусалимского, представленного ему в видении, и вдруг услышал голос: «раскопай стену» (Иез. 8:8–10).

Прокопав, он увидел в храме мерзости, коих можно ожидать только в домах разврата. Прокопай и ты, недугующий духом тщеславия, прокопай стену твоего самолюбия, вникни в тайные побуждения и цель твоих блистательных подвигов, – и, может быть, ты ужаснешься того храма твоей святости, пред коим теперь благоговеешь.

Малые добродетели кажутся нам великими нередко и от того, что мы сравниваем их с пороками других, как поступил и

фарисей, говоря, что он не хищник, не прелюбодей, как другие. Правильное ли это сравнение? Добродетель должна быть сравниваема не с пороком, а с добродетелями. Сравни же теперь свой пост с постом Иоанна Крестителя, свою веру – с верой Авраама, и так далее. Быть не может, чтобы при этом сравнении ты не нашел в себе многих недостатков. Сам фарисей, вероятно, не стал бы превозносить себя, если бы вместо мытаря взял для сравнения с собой кого-либо из святых, коими так богата история народа Божия.

Немалым, наконец, пособием против духа гордости духовной может служить и представление великости предназначения, нас ожидающего. Твои добродетели служат предметом похвал для подобных тебе людей, но для человека ли ты должен быть добродетелен? В этом мире и малое может казаться великим. Но будет ли таковым в том новом мире, куда пойдешь ты и должны идти все? Мы должны некогда жить с Ангелами, вступить в общение с Самим Богом. Довольно ли чист и для сего? Устоит ли твоя добродетель пред очами Божиими?

Исайя провел всю жизнь в подвигах духовных и удостоился избрания в пророки; но когда увидел себя пред престолом Божиим, то возопил с ужасом: «окаянный аз... человек сый и нечисты устне имый... и... Господа Саваофа видех очима» (Ис. 6:5), и не прежде успокоился, как Ангел очистил его прикосновением угля с жертвенника. Ставь, когда придет к тебе дух гордости, ставь себя скорее и ты не пред сонмом мытарей или фарисеев, а пред престолом Бога Всесовершенного, – и ты возопиешь гласом Исайи о своей бедности и нечистоте, и всеочищающий уголь Тела и Крови Богочеловека соделается для тебя необходимостью.

Но довольно против фарисейской праведности. Должно сказать что-либо в наставление и тех, кои чувствуют свою греховность и желают принести покаяние, но не знают, как лучше совершить это великое дело. Вам, братие, кто бы вы ни были, нельзя дать лучшего совета, как взирать на кающегося мытаря и поступать, как поступал он. Его глубокое смирение, его надежда на милость Божию, его исповедание своего

недостойства должны быть всегда у вас пред очами. Если бы и за сим потребовалось какое-либо новое вразумление, то в следующую Неделю Святая Церковь представит еще пример покаяния в блудном сыне, который был совершенно мертв грехами, но потом ожил для Бога и жизни вечной. Идите его путем, и придете в дом отеческий! Аминь.



## Слово в неделю мясопустную

Вчера мы творили молитвенную память о всех, от века преставльшихся, отцах и братиях наших; а ныне сами переносимся мыслью в будущее и поставляем себя вместе с ними пред престолом грозного Судии, имеющего решить вечную участь каждого из нас. Судя по сему, если в какой день, то в настоящий прилично нам размышление о своей жизни, исследование своей совести, слезы и плач о грехах наших. Ибо можно ли помыслить о Страшном Суде Божиим и не обратиться в то же время к своей совести? Можно ли обратиться к своей совести и не заметить тотчас, что мы покрыты множеством грехов, что мы все не в таком состоянии, чтобы со светлым лицом явиться пред Того, Кто испытует сердца и утробы? Посему-то одна мысль о Страшном Суде Божиим приводила в трепет самых праведников; и, без сомнения, если какой день, то настоящий проводили они от утра до вечера в слезах и воздыхании.

У нас – напротив! Нет, кажется, ни одного дня в году, который проводился бы с таким невоздержанием и плотугодием, как нынешний. Можно подумать, что мы составили заговор против святого учреждения Церкви, и хотим показать, что ни во что вменяем тот Страшный Суд, изображением коего думает она запясть стопы наши на широком пути мира и плоти!

Причиной сей несчастной противоположности и небрежения о дне, столь важном и священном, не другое что, как то обстоятельство, что нынешним днем оканчивается употребление обыкновенной нашей пищи. Можно ли было ожидать, чтобы причина столь не важная отняла всю силу у святого учреждения Церкви, привела в забвение Страшный Суд Божий и произвела именно противное тому, что предполагала Святая Церковь?

Но, дело точно так, ибо другой причины нет. Церковь со своей стороны употребила все, могущее возбудить в нас чувство покаяния; самые трогательные и угрожающие песни ее

собраны именно в службе на нынешний день; одно ныне чтенное Евангелие и Апостол могли бы вразумить самого закоренелого плотоугодника. Но нас, увы, ничто не трогает и не возбуждает от пагубного служения плоти и миру. Над нами во всей силе сбывается грозное слово Спасителя, изреченное о народе Иудейском: «рыдаю вам, и не плакаете»! (Лк. 7:32).

Где искать причины нашего, столь пагубного нечувствия? Не в том ли, между прочим, что многие из нас вовсе не знают, что в нынешний день совершается воспоминание Страшного Суда Божия? К сожалению, многие действительно не знают сего; но что значит самое это незнание? Увы, и оно не оправдывает, а еще более обвиняет нас. Ибо кто виною этого незнания? Мы сами. Сколько песней церковных в настоящий день, из коих каждая изображает Суд Страшный? Одно Евангелие нынешнее недостаточно ли вразумить в сем всякого, кто только не лишен слуха? И что прикрывать ложью наше неведение? Что ныне день Страшного Суда, это мы не знаем; а знают же все, от велика до мала, что ныне последний день мясоиястия. Как же мы все так твердо узнали одну половину учреждения церковного и вовсе не знаем другой? Знаем твердо то, что служит в угождение плоти, и не ведаем того, что на пользу духа и совести! Не явный ли это признак, что мы дорожим одной своею плотью и угождением чреву, а что необходимо ко спасению души, о том нерадим безумно? Сия-то именно склонность к чувственному губит нас и ныне, как и всегда; она-то делает для нас бесплодными все благие учреждения Церкви.

Ибо нынешний ли один день так несчастно превращается нами? Увы, это превращение есть только начало другого, большего. Я разумею наступающую Неделю сыропустную. Какая участь может быть более жалкой, чем участь сей недели? Она предназначена, по намерению Церкви, служить приготовлением к Великому посту и, так сказать, введением в него. Церковь показала при сем случае всю материнскую заботливость о нас. Чтобы приучить нас постепенно к подвигу постному, она лишила нас на сию неделю половины снедей, дабы внезапным и сильным переворотом не потрясти слишком самых чувственных привычек наших. Что же вышло у нас из

сего снисхождения Церкви? Вышел новый повод и случай к плотоугодию и невоздержанию. В целом году нет ни одной недели, которая была бы исполнена стольких шума и молвы, столького объядения и пьянства, столького празднословия и кощунства, стольких пороков и беззаконий, как наступающая. Если о какой седмице, то, вероятно, о сей плачут ежегодно Ангелы Божий, радуются ангелы тьмы; если когда ад и геенна приобретают для себя наиболее жертв, то в это несчастное время. Увы, если бы учредители сей недели могли предвидеть то, что мы делаем из нее!

Но они невинны: они желали нашего спасения и сделали для сего все, что могли. Прочтите или выслушайте со вниманием богослужение каждого дня в наступающей седмице. Как внятно там объяснена цель учреждения Недели сыропустной! Сколько на каждый день святых мыслей и чувств! Церковь, можно сказать, взяв за руку ведет нас с распутий мира и приближает к поприщу святого поста; но все сие остается втуне. Ибо мы в продолжение сей Недели стараемся быть и бываем везде, только не в церкви. После сего благое учреждение церковное как бы вовсе не существует для нас.

Но если бы только не существовало! И это было бы бесчестьем для имени христианского и злом для нас, но все еще не так великим. Нет, когда мы, отягченные невоздержанием в ястве и питии, дремлем, то враг спасения нашего не спит и не дремлет. Чего не успел он сделать из этой священной седмицы? Точно, как перед концом мира, зная, «яко время мало имать» (Откр. 12:12), он окажет, по свидетельству Тайновидца, всю лютость и все лукавство: так поступает он и в продолжение наступающей седмицы. Угрожаемый постом и покаянием, он употребляет все силы, расставляет все сети, разбрасывает все приманки, чтобы уловить как можно более жертв. И многие ли избегают этих сетей? Самые, в другое время, степенные лица почитают как бы за какой долг дать в это время волю своим чувственным пожеланиям; самые старцы не почитают за стыд являться подобными несмысленным детям. А юные? Увы, если когда гибнет цвет этого прекрасного возраста, то в это несчастное время!

То есть в какое время? То самое, которое, по намерению Церкви, должно служить приготовлением к посту, и следовательно само уже является некоторого рода постом и днями сетования, то время, которое следует непосредственно за воспоминанием Суда Страшного, ныне совершаемым! Сему-то выучиваемся мы в нынешний день! Такой-то плод производит в нас явление грозного Судии! О бесчувствия! О окаменения душ и сердец!

Между тем, сия пагубная привычка так укоренилась во всех нас, так сроднилась с нами от младенчества, вошла в нравы, в самую природу нашу, что говорить против нее значит почти явно терять слова и время. Ибо, вот, мы теперь рассуждаем о сем, скорбим и сетуем; вы сами не можете не признать справедливости наших слов и нашей скорби. Но найдется ли, хотя один из нас, кто бы принял сии слова к сердцу и решился поступить сообразно намерению Церкви, презреть обычай мира и провести наступающую седмицу не в угождении чреву и в увеселениях мирских, а в приготовлении себя к святому посту и покаянию? Ах, печальный опыт едва не отнимает у нас всей надежды на сие; и если мы говорим теперь, то не столько по чаянию плода от нашей беседы, сколько для исполнения своего долга. Ибо обязанность пастырей говорить и возвещать истину даже и тогда, когда бы и никто не хотел слушать ее.

Если бы, впрочем, нашелся теперь, хотя один, который бы, вняв нашему слову, или паче указанию Святой Церкви, решился провести наступающую Неделю в воздержании, молитве и целомудрии; то мы возблагодарим и за сие Господа; ибо и одна душа – приобретение великое; и за одну душу Спаситель излил Кровь Свою, так же, как за всех. Мы уверены, что такой человек найдет более душевного наслаждения в своей чистоте и воздержании, нежели сколько прочие находят в шумных забавах мирских и в плотоугодии, которое редко не доводит предающегося ему до омрачения чувств и недугов телесных.

Что же сделают все прочие? Они сделают то же, что делали прежде, в прошедших годах: окружают себя всякого рода снедями; измышляют новые роды забав и утех, постараются, подобно древним сластолюбцам, везде оставить «знамение

веселия» (Прем. 2:9) своего. Мне кажется, что уже дают слышать себя безумные игры и смех празднующих, уже видятся «человеки яко древие ходящя» (Мк. 8:24), уже стонут распутия и стогны от бесчиния и наглостей, уже вместе с людьми ликуют невидимо духи злобы, нечистоты и лукавства; что сама смерть уже готовится невольно поглощать жертвы, падающие сами собою во уста ее от своего невоздержания.

Если вас, братие мои, сколько-нибудь трогают подобные мысли и выражения; если вам, как христианам, дорога честь Святой Церкви и собственное спасение душ ваших; если Страшный Суд Божий, ныне представляемый пред очи наши, не есть для вас яко вещь чуждая и вас не касающаяся, то дадим обет теперь же провести наступающую седмицу без тех безрассудств и невоздержаний, с коими она обыкла соединяться у нас, провести ее как уже начало и преддверие Святого поста, а не как верх угождения плоти и страстям нашим. Аминь.

## Слово в неделю сыропустную

«И сие ведяще время, яко час уже нам от сна востати. Ныне бо ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом. Ночь (убо) прейде, а день приближися: отложим убо дела темная, и облечемся во оружие света». (Рим. 13:11–12).

Сими поучительными словами апостола Павла Святая Церковь напутствует нас, братие мои, на поприще Святого и Великого поста. Между прочими побуждениями к покаянию во грехах наших, она указывает и на большую удобность к тому для нас в продолжение наступающих святых дней. В самом деле, хотя спасение наше никогда не далеко от нас, но с наступлением Святой Четыредесятницы дело спасения до того приближается к каждому, что, можно сказать, невольно и неотступно требует себе места в душе и сердце. Подлинно, время Великого поста во всех отношениях должно сравнивать с прекрасным днем для веры и благочестия; равно как седмицу, ныне оканчивающуюся, со всех сторон нельзя не уподобить темной, бурной и хладной ночи. Каких дел тьмы не совершается повсюду в продолжение этой седмицы! Сколько душ, волей и неволей, низвергается в пропасть греховную! Сколько людей, коим всю жизнь надобно бывает оплакивать несколько минут нынешнего безумного веселья! Из самых осторожных и бдительных над собою и своими деяниями, не многие могут похвалиться тем, что в течение прошедших дней, они не потерпели никакого ущерба в чистоте сердечной и спокойствии своей совести.

Но, благодарение Господу, «ночь убо прейде, а день приближися»(Рим.13:12)! Нынешний вечер положит конец соблазнам и опасностям душевным: завтра мы проснемся уже в другой стихии и как бы в другом мире. С одним появлением святого поста, все примет новый, лучший вид: и люди, и вещи, и одушевленное и самое бездушное. Как после потопа Ноева, хляби зла заключатся сами собою и явится суша. Есть уже, к чему пристать вляявшимся в море житейских сует и соблазнов! Есть уже, на чем утвердиться самым расслабленным от

плотоугодия стопам и коленам! Ибо Церковь не может уступить миру в усердии. Если он, злохитрый, употреблял все средства сводить нас с ума, брать в плен страстей без сражения, то Святая Церковь еще более найдет способов образумить нас и пленить паки в сладкое послушание веры и любви, яже о Христе. Мы нечисты и осквернены похотями греховными: у престола Благодати, в храмах, заструится множество свежих источников для нашего духовного омовения. Мы покрыты язвами и срупами: у матери нашей Церкви готовы для нас все пластыри и обязанности целебные. Мы гладны духом: она учредит такую трапезу, которая могла бы напитать самих Ангелов. При таком обилии средств духовных, самый невнимательный к своей душе принужден будет сознаться и сказать, что ныне, – в продолжение святого поста, – «ближайшее к нам спасение», нежели во все прочие дни; ибо со дня завтрашнего, самый мир с его соблазнами, гонимый видимо и невидимо силою Святого поста и молитв церковных, удалится от нас, сокроется, потеряет силу ослеплять и влечь во ад.

Не будем же, возлюбленные, и мы хладны и невнимательны к своему спасению; воспользуемся драгоценным временем поста для врачевания душ и сердец наших от яда греховного; дадим матери нашей Святой Церкви действовать над нами во спасение наше, как она знает и может; отвратим очи и сердце от всего, что питало в нас похоть плоти и гордость житейскую; вникнем прилежно в свою жизнь и совесть и поспешим сойти с того пути, который явно ведет в пропасть адскую. Ей, братие мои, сделаем все сие для вечного блага душ наших! Ибо не напрасно Апостол Христов восклицает: «яко час уже нам от сна восстати» (Рим.13:11). Время пробудиться всем нам от нечувствия душевного и подумать, где мы и что с нами, куда идем и что ожидает нас. Время уже потому, что нет почти ни одного греха, который не был бы содеян нами в том или другом виде. Какая из способностей наших не употреблена во зло, не унижена и не осквернена страстями? Чем еще будем раздражать Господа и Спасителя нашего? На что пустимся и что еще употребим для вечной гибели нашей? Какому кумиру суеты не кланялись мы до земли стократно? Если посмотреть

на нас очами и не пророка, то давно нельзя не сказать, что от ног до главы нет в нас целостности. Самая чаша греха, с ее мнимой, скоропреходящей сладостью и с ее действительным смертоносным ядом, уже видимо оскудела для нас. Еще ли будем наполнять ее снова и отравлять ею все существо свое?

«Час уже нам от сна востати»! Вначале, когда мы были неопытны, еще сколько-нибудь извинительно было гоняться нам, подобно малым детям, за призраками суеты земной, и воображать что на стропотных распутиях греха ожидают нас одни утехи и радости. Теперь, после стольких горьких опытов, совершенное безумие было бы позволять врагу нашему обманывать нас снова. Ибо что приобрели мы в удалении от Бога? Что доставил нам мир с его многообразной похотью? – Предположений, замыслов, надежд, обещаний была бездна; а на деле оказалось все суета сует. У большей части из нас незаконная жизнь отняла и то, что имели они от природы и благоприятных обстоятельств; некоторые из грешников, по-видимому, еще высятся и цветут: но как вял и безжизнен этот цвет несчастный, как ощутительно веет от него тлением и пагубой! Снаружи, вокруг сих, так называемых, счастливцев мира, почести, богатство, довольство и утехи; а внутри, – спросите о том их самих, – внутри пусто и холодно, мертво и отвратительно: совесть обличает, сердце тоскует, душа болит, самое тело видимо страдает и просит пощады от яда греховного. И после сего мы еще будем гоняться за нашей тенью, еще будем ловить ветер, еще строить на воздухе, еще пить яд потому только, что он сладок?

«Час уже нам от сна востати»! Время образумиться и пожалеть нам мать свою, Святую Церковь, которая доселе болела сердцем от нашего забвения ее святых Уставов и от нашей жизни нечистой; время вспомнить и пожалеть нам Ангела Хранителя нашего, который с того времени, как мы начали помнить себя и действовать, с плачем доселе ходить за нами по дебрям страстей и беззаконий, не видя нашего исправления; время устыдиться и пожалеть нам Самого Спасителя нашего, Который с утра до вечера ежедневно простирает к нам со



Креста руки и доселе не может привлечь нас к Своему сердцу; время, время, братие мои, сжалиться нам над самими собою и обрадовать покаянием нашим небо и землю, Ангелов и всех добрых людей, кои скорбели и скорбят о нашем развращении, молились и молятся, да не погибнем во грехах наших!

«Час уже нам от сна востати» ибо, ужели до конца жизни оставаться нам в плену страстей, греха и диавола? Ужели ждать нам, чтобы под стопами нашими разверзлась наконец бездна адская и поглотила нас во веки? Ах, братие мои, она разверзется некогда и, может быть, весьма скоро, если не перестанем прогневлять Господа грехами нашими: но что будет тогда с нами? Вспомните богача Евангельского, вспомните пламень геенский; поставьте себя мысленно в положение сего несчастного, и судите, в каком безумии виновен тот, кто, имея, как мы теперь, всю возможность избежать жребия столь ужасного, будет продолжать идти прямо к бездне адской? – Час убо, "час всем нам от сна востати"! Аминь.

## Слово в понедельник недели 1-й Великого поста

Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче; утреннует бо дух мой ко храму святому Твоему!

Итак, сами по себе, собственными силами не можем мы достигнуть не только истинной свободы от грехов и праведности пред Богом, но даже отверзть себе двери покаяния, то есть перестать жить беззаконно! Правда ли это, – подумает иной, не испытавший на себе действия и силы истинного покаяния? Если я мог подвергнуть себя грехам, то почему же не могу оставить греха и начать жить праведно? Свойство свободы моей в том и состоит, что я волен делать, что хочу. Грех не отнимает у меня свободы, не отнимает поэтому и возможности перестать грешить. – Рассуждение, довольно благовидное, только показывающее, что размышляющие таким образом никогда не принимались за дело покаяния, как должно. Примись, и тогда узнаешь, что значит грех, что делает он с твоей свободой, и как трудно возникнуть от рова страстей. Грех точно не отнимает у тебя свободы, как необходимой в составе души способности, но производит с ней то же, что ржавчина производит с железом. Как заржавелое железо теряет крепость и силу до того, что чего прежде не могли сломить великие усилия, то будет ломаться и рваться от малого напряжения, хотя объем и количество железа те же; так у грешника остается весь призрак свободы; в некоторых случаях он свободнее, по-видимому, самого праведника, который всегда связан совестью и страхом Божиим; но внутренней мощи на добро нет, и при малом усилии к какому-либо благому подвигу, грешник слаб, как дитя. Отчего так? Оттого, что со свободой нашей, – употребим другое сравнение, – происходит от греха то же, что бывает с магнитом, когда его употребляют неправильно. Магнит теряет силу привлекать железо и указывать страны света, а свобода наша теряет силу привлекать волю и желания к себе и направляться вместе с ними по закону совести. Таково свойство греха и вместе наказание за него, что грешник после каждого беззакония теряет

часть способности творить правду. Потеря сия, с продолжением греховного состояния, доходит, наконец, до того, что бедный грешник делается совершенным рабом своих страстей и злых навыков. Для него невозможно уже без чуждой помощи не только восстать из рова страстей, – трудно даже помыслить о возвращении на путь правый. Если мы, ходя путем беззакония, не испытали еще сего на самих себе доселе; то это верный знак, что мы никогда еще не начинали истинного раскаяния во грехах наших. Может быть, оно и было на устах наших, производило даже некую временную перемену в наших поступках и отношениях, но до самого источника зла в нас явно не достигало, в самое сердце и душу нашу не входило. В противном случае и нами ощущено бы было то же самое, что ощущали на себе все истинно кающиеся: мы увидели бы ужасную силу греха и страстей, познали бы всю немощь нашей воли и нашего ума, пришли бы к тому же чувству безнадежности, в коем был некто, когда вопиял: «Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему»! (Пс. 141:8).

Посему-то первая и последняя надежда у людей истинно кающихся не на самих себя, не на свой ум и свое сердце, а на благодать Божию. Они смиренно исповедают, что аще не Господь Сам созиждет дом души их, то напрасны будут все труды и подвиги над его исправлением: без помощи свыше, при всех усилиях наших, он вечно останется в развалинах. А такое чувство собственной немощи непрестанно заставляет их обращать очи свои горе, взывать молитвенно к Богу крепкому и живому, да ниспошлет благодать покаяния и да подаст силы возненавидеть грех, разорвать узы страстей, возлюбить, стяжать и сохранить чистоту и правду, кои для грешника соделываются чуждыми и противными.

Сии самые чувства выражаются в том умиленном песнопении, которое мы предложили в начале нашего собеседования с вами, братие мои. поскольку Святая Церковь повторяет его каждую седмицу, то углубимся в него еще несколько нашим размышлением.

«Покаяния отверзи ми двери, Жизнодавче!»

Ты Сам, – как бы так говорит кающийся грешник, – Ты Сам, Жизнодавец, зришь, что я несчастный давно перестал уже находить сладость в ядовитой чаше греха и беззакония; Сам видишь, как искренно хочу я переменить мою нечистую жизнь и многократно уже собирал все силы свои, чтобы расторгнуть узы преступных навыков моих, возникнуть от пагубной сети, в которую уловил меня враг мой, но что выходит из всех моих усилий? Чем кончаются все, столь часто повторяемые обеты и решимости: оставить грех и обратиться на стезю заповедей Твоих? Увы, не успею омыться слезами покаяния, как паки упадаю в благо нечистых помыслов и студных деяний! Лютый враг мой, кажется для того токмо и дает мне несколько свободы духовной, дабы отнять ее потом и сокрушить все, что ни сделано мною во время покаяния. Прежде мог еще я, безрассудный, надеяться на свои силы, воображать, что, когда ни захочу, перестану грешить: но теперь, после стольких несчастных опытов, вижу, что я совершенный раб греха, что страсти мои бесконечно сильнее меня, что если мне остаться с одним моим умом и сердцем, то враг мой будет влачить меня из дебри в дебрь, доколе не повергнет в пропасть адскую. Оставляю убо надежду на себя самого и все упование мое возлагаю на Тебя, Господь и Спаситель мой, на Тебя, Коего всемогущество беспредельно и милость бесконечна, на Тебя, Который можешь Духом Твоим святым пересоздать самое злое сердце мое. Призри на бедного, беспомощного, но желающего спасения грешника, и даруй ему духа покаяния, которое как тень, непрестанно удаляется от меня, когда я обращаюсь к нему: «Покаяния отверзи ми двери!» И не только отверзи, но введи меня в него; введи и удержи в сей бане пакибытия дотоле, пока не омоется вся греховная нечистота моя, не уврачуются все язвы совести, не изгонится из души все злое и не останется в ней единый Божественный образ Твой.

Так молятся истинно кающиеся. Так должны молиться и мы, если воистину хотим освобождения от грехов наших и от навыка к беззаконию, освобождения действительного и всегдашнего, а не на словах токмо и на время. Будьте уверены, братие мои, что никто не может сделать сего, кроме Всемогущего; ибо тут, – при

перемене наших нравов и жизни, – должно совершиться чудо, не меньшее того, какое было при создании нас из ничего. Даже создать нас, осмелимся сказать, было легче, нежели воссоздать, ибо тогда ничто в нас не мешало всемогуществу Творца; а теперь, при духовном воссоздании нашем, Ему надобно побеждать и искоренять зло, живущее в нашем сердце, изменить на лучшее самую свободу нашу, которая, будучи крайне слаба в грешнике на добро, тем сильнее на зло и противление благодати Божией.

Но, возвергая печаль и упование наше на Господа, не будем, братие мои, и мы праздными зрителями собственной гибели от греха. Мы не можем возродить себя духом, также как не можем паки внити в утробу матернюю, но можем и должны пламенно желать сего возрождения и просить о том Господа; можем и должны устранять от себя все, что препятствует ему в нас, и что не дает силе благодати оказать над нами ее действие. Это самое внушает нам песнопение, нами рассматриваемое, дальнейшими словами своими. Ибо, что говорится далее? – «Утреннует бо дух мой ко храму святому Твоему!» Видите, чем занят истинно кающийся! Оно не спит и не лежит праздно, подобно грешнику нераскаянному, а утреннует, то есть, восстает с ложа, когда еще все спит; начинает свое дело, когда еще нигде не видно движения. Что же занимает его так постоянно? Дело его спасения: «Утреннует бо дух мой ко храму святому Твоему»; то есть ко всему, что может служить на пользу души, ко умерщвлению в ней греха и страстей. И действительно, у истинно кающихся первым и последним делом становится попечение о душе своей. Никто, как они, так часто не посещает храма Божия, не слушает с таким вниманием молитв церковных, не читает так усердно Священного Писания, не спешит так на помощь ближнему. Как миролюбцы ищут увеселения и рассеяния, так кающийся ищет слез и умиления душевного.

По сим-то признакам судите, братие мои, и о самих себе. Если ты, вникая в свое поведение, не можешь сказать по совести: «Утреннует бо дух мой ко храму святому Твоему», – то в тебе нет искреннего желания раскаяться в грехах своих. Ибо

что же бы это было за желание, которое не обнаруживается никакими действиями? В таком случае напрасно будем повторять и первые слова святой песни: «Покаяния отверзи ми двери!» Ибо Тот же милосердый Спаситель скажет: доколе Мне отверзать ее для вас напрасно? Затворите прежде сами двери и врата страстям вашим и соблазнам мира; и тогда грядите ко Мне с мольбою о духе истинного покаяния. Аминь.

## Слово во вторник недели 1-й Великого поста

Помилуй мя, Боже, помилуй мя!

Не кажется ли кому-либо, братие мои, что Святая Церковь в продолжение настоящих дней слишком часто и многократно оглашает слух наш сим воззванием умиленным? Если бы кому пришла подобная мысль, тот пусть примет труд вместе с нами обозреть, хотя мало, всю человеческую жизнь нашу от ее начала до конца. Может быть, что кажется теперь слишком многократным во храме, то самое не будет после того казаться излишним и дома, и не только во время поста и покаяния, но и в другие дни, среди самых празднеств, будет само собою приходить на мысль и по временам исторгаться из самых уст.

Для сего взойдем, во-первых, к самому началу бытия нашего на земле. Что там? – Мрак и нечистота, похоть и страсти. «В беззаконшх зачат есмь, и во гресех роди мя мати моя», – вопиет за всех нас святой Давид (Пс. 50:7). Зачатый в беззаконии, я и сам потому беззаконен; рожденный во грехе, я и сам потому грешник. И не сие ли самое означали болезни моего рождения? За что страдали и рождающая и рождаемое, если не было вины и нечистоты? Не это ли самое выражал и вопль мой при появлении на свет? Что вопияло тогда во мне? Не разум, не память, не воображение – вопияла вся природа моя. Чем смущалась она и от чего страдала? От внутреннего прирожденного расстройства, нечистоты и виновности. Первый вопль мой обращен был не к земле, а к небу, – к Тебе, Жизнодавец, Который образовал меня в утробе матерней, и Который един мог воссоздать меня и вне утробы матерней.

Представляя все сие теперь в моем уме, вникая мыслью в образ моего явления на свет, я и теперь поникаю лицом долу, стыжусь нечистоты моего происхождения, боюсь наследия, мною принесенного, и вопию: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Будь милосерд к бедному созданию, которое явилось на свет со всеми нечистотами отцов и праотцов, которое вместо наследия принесло с собой ужасную преклонность ко злу, коему

предстояла и предстоит борьба со множеством скорбей, соблазнов и искушений! «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Во вслед за первым рождением от плоти и крови, последовало другое, высшее и лучшее – рождение от Духа. Несмотря на мою нечистоту и бесчувственность, меня, тотчас по рождении, приняла в объятия свои Святая Церковь; омыла скверну природы моей в купели Крещения; освятила благодатию Духа; запечатлела знаменiem креста; облекла в белую одежду невинности. Из чада гнева я стал чадом Благодати.

Но где теперь сие царское облачение? Где дары; на меня излиянные? Увы, и я, подобно невесте у Соломона, должен сказать: «положиша мя стража в виноградех: винограда моего не сохраних»! (Песн. 1:5). Не сохранил я благодати Крещения, не пребыл верным Тому, Кому сочетался! Осквернил белую одежду невинности! Потерял благодать и Духа! Одно взял мир; другое похитили страсти; то пропало от нерадения и беспечности; весь я подобен человеку, впадшему в разбойники: от ног до головы нет во мне целости. К кому обратиться за помощью, кроме Тебя, всеблагий Творец и всемогущий Промыслитель мой? «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» «Заблудих, яко овча погибшее: взыщи раба Твоего»! (Пс. 118:176). «Изведи из темницы душу мою, исповедатися имени Твоему»! (Пс. 141:8). «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей»! (Пс. 50:12).

За летами моего неразумного младенчества, о коих самый первый мудрец не может не сказать ко Господу с Давидом: «скотен бых у тебе» (Пс. 72:22), – наступили лета отрочества и юности. Время наидрагоценное, в которое человеку, при раскрытии в нем разума и воли, можно сказать, самому дается быть в некотором смысле творцом духовного бытия своего. В это время и я, подобно прародителям моим, находился в раю невинности, и предо мною было древо жизни с обетованием и древо смерти с заповедью. Мог я не простирать руки к плоду запрещенному; властен был я остаться на пути правды и непорочности. Все удерживало меня: и благодать Крещения, и глас совести, и родители, и воспитатели; но, увы, ничто не



удержало! И мне змий искуситель представился достовернее моего Творца и Благодетеля; и для меня древо смерти показалось «добрым.. в снедь, ...угодным очима еже видети, и красно... еже разумети» (Быт. 3:6), и я, – стократ неразумнее прародителей моих, ибо имел их опыт пред собою – и я, несчастный, вкусил «дерзностно горькие снеди»,<sup>1</sup> – и потерял рай.

Ах, братие мои, кто не пожелал бы, чтобы возвратились дни его юности, драгоценные те дни, когда от нас зависело вступить на путь Господень, или уклониться на распутья греха и суеты мирской? Но сии дни не возвратятся; и каждому из нас, вспоминая их, остается точию восклицать из глубины души: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» «Грех юности моя, и неведения моего не помяни... Помяни мя... ради благодати, единой благодати Твоя» (Пс. 24:7).

Наступило время мужества и лет зрелых: мы взошли в различные связи семейства, дружества, знакомства, вступили на путь служения общественного, облеклись различными обязанностями; многие из нас засвидетельствовали клятвой, что они будут верными истине, непреклонными хранителями правды для себя и для других. Чего бы надлежало ожидать от нас после сего? Надлежало бы ожидать твердого и неуклонного исполнения своих обязанностей, мужественной борьбы с пороком во всех его видах, благоразумного употребления даров счастья, кому они посланы, и великодушного перенесения ударов несчастья, кого они постигли, что мы всегда будем готовы на всякое дело благое, удалены от всякой лжи и неправды, будем воздержны и строги к самим себе, великодушны и милосердны к ближним нашим, кротки, искренни и любвеобильны ко всем и каждому, непамятозлобивы к самим врагам.

Но, братие мои, скажите сами, многие ли могут похвалиться сими качествами? Кто, бросив самый поверхностный взор на свои обязанности, не скажет: ах, я не исполнял и не исполняю их, как должно! При святом алтаре – я не предстою с той чистотой и благоговением, кои подобают служителям Бога Вышнего; в суде – я не храню правды и истины с тем

самоотвержением, коего требует участь подсудимых собратий моих; во святилище наук – я дорожу не столько истиной, сколько суетной славой моего имени и готов нередко защищать ложь, для меня приятную; в купле и продаже – я своекорыстен, на господстве – жесток и своенравен, в низкой доле – лукав и строптив. Сколько времени погубло и гибнет у меня напрасно! Сколько данных от Бога талантов погублено и теряется все! Многократно я решался на доброе, и доселе творю худое. Вижу, что иду не тем путем, а иду непрерывно. И когда окончится во мне эта злополучная борьба совести со страстями? Где конец моему душевному плену и рабству? Творец всемогущий, к Тебе молитва моя! Помилуй бедное создание Твое! Дай силы расторгнуть узы греховных навыков и страстей! Отврати очи мои, во еже не видети суеты! Коснись грехолюбивого сердца, да престанет биться для праха и тления! «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Спаси меня от меня самого!

Наступят и лета старчества: тело мое ослабеет, чувства одно за другим будут закрываться; и льстящий теперь мир сам начнет убегать от меня. Но и все это обратит ли меня к Богу и вечности? Употребится ли мной хотя сей жалкий остаток жизни на дела благая? Не разделят ли и его между собою те же похоти и те же страсти? Ах, сколько старцев, кои с летами видимо юнеют в злобе и любви к миру! Сколько стоящих у дверей гроба и смотрящих вспять! Не буду ли подобен им и я? Не пройдут ли и мои последние годы и дни в суете и ослеплении, как проходят у многих? Господь милосердый, не попусти мне впасть в сие ужасное ослепление! Пощади от сего адского нечувствия! «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Вслед за немощами, придет, наконец, последняя болезнь; ляжем на одр, с коего не встанем более: врач отступится, священник приблизится, сродники и присные окружают одр наш и будут ожидать нашей кончины. В сей грозный час, среди последнего томления тела и духа, среди всеконечного смятения мыслей и чувств, какой глас желали бы вы, братие мои, чтобы изшел из уст ваших? – Мне бы не хотелось для себя другого, кроме: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!» Помилуй грешника, коего жизнь исчезла в суете и грехах! Яви последний знак

милосердия и даруй, да изыду из темницы плоти моей с чувством покаявшегося на кресте разбойника!

Ударит, наконец, час общего всемирного пробуждения от сна смертного: надобно будет вставать из утробы земной, облечься в тело новое и неразрушимое, и, вместе с делами своими, явиться на Суд Страшный для услышания приговора над собою на всю вечность. Тогда, среди неба и ада, между Ангелами и духами отверженными, что будешь чувствовать ты, бедная душа моя? Не возопиешь ли в последний раз: «Помилуй мя, Боже, помилуй мя!»

Да, братие мои, на Страшном всемирном Суде Божиим, не прежде, конец сей покаянной молитвы: она прекратится тогда, как пред лицом вселенной навсегда решится судьба каждого из нас. После сего уже не будет ей места. В раю, у праведных останется одна радость и одно вечное славословие имени Божия. Во аде, для грешников один вопль отчаяния и скрежет зубов.

Какая из сих участь ожидает нас? – Един Господь весть. Но, если пребудем таковыми, каковы есмы; если умрем во грехах наших: то явно, где часть и с кем жребий наш. Воззовем же к Господу Богу из глубины души все и каждый: помилуй нас! Дажь всем нам прежде конца покаяние! Аминь.

## Слово в среду недели 1-й Великого поста

«Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою»! (Пс. 140:2).

Увы, как в нас все слабо и нечисто, даже самое лучшее и совершеннейшее! Если что драгоценного осталось в природе нашей от ее совершенств первобытных, то – молитва, посредством коей человек мгновенно возносится над всем земным и тленным, становится превыше небес и всего сотворенного, приступает к престолу Самого Бога и входит с Ним в непосредственное общение. Вместе с молитвою тотчас поникает долу в душе все злое и мрачное, оживает и получает силу все чистое и благое; вместе с молитвою ум светлеет, чувство умягчается, воля свободнеет, совесть яснее, душа успокаивается, самое тело приходит в порядок и становится не так земным и тяжелым. Молитва есть как бы некое соприкосновение с Божеством, низводящее в нас силу сверхъестественную и изменяющее все существо наше на лучшее.

Но, увы, прирожденные порча и нечистота падшей природы нашей так велики, что проникают самую молитву нашу до того, что нередко отъемлют у нее всю силу, делают ее мертвой и бесплодной. И если бы только бесплодной! Бывают и такие молитвы, кои обращаются в грех молящемуся. Посему-то Святая Церковь, между прочими предметами прошений, научает нас молиться о самой молитве нашей, да будет она тем, чем быть должна: «да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою» (Пс. 140:2).

Отчего «да исправится»? От тяжести и обременения: от грубости и нечистоты, вялости и безжизненности.

Принудив себя, самые чувственные люди могут простоять несколько времени на молитве. Но и для людей нечувственных стояние на молитве, особенно продолжительное, всегда составляет некий труд, после коего необходим отдых даже телесный; так, что без сего они не способны скоро заняться чем-либо другим. Не знак ли это, что дух молитвы так удалился от

нас, что она соделалась нам как бы чуждой и несродной? Ибо сама по себе молитва должна бы составлять для нас не тяжесть и работу, а отраду, покой и наслаждение. Посмотрите на мир Ангельский: там нет ни наших нужд и искушений, ни наших скорбей и печалей, а однако ж Херувимы и Серафимы, окружающие престол Божий, выну взывают: «свят, свят, свят Господь Бог Саваоф» (Ис. 6:3); взывают и никогда не находят в том утомления. Почему? Потому что молитва составляет необходимую потребность бытия их. Утомиться молиться для небожителей значило бы то же, что нам утомиться дышать.

Искать ли нам с тобою, возлюбленный слушатель, вдруг для себя этой неусыпающей молитвы серафимской? Да примут сей высокий дар те, кои могут вместить его! Для нас, на первый раз, не малым даром будет уже и то, если молитва наша престанет быть как камень на выи, гнетущий нас к земле; если мы, хотя среди повременной молитвы нашей, не будем подобны птице, лишенной крыл, которая хочет подняться на высоту и тотчас падает долу.

Итак, «да исправится, Господи, молитва наша пред Тобою»! Да будет хладное и бесчувственное сердце мое, по крайней мере, подобно кадилу, на которое зрю я во время богослужения! Как в кадиле, по наполнении его огнем, фимиам неудержимо стремится вверх, к сводам храма, так да парят мысли и чувства мои к престолу благодати Твоей, когда Святая Церковь возжигает их огнем своих молитв и песнопений! Как кадильница становится легче, когда улетает из нее фимиам, так да соделываюсь после молитвы и я легчайшим в духе и сердце, бодрейшим на совершение дел благих!

Второй недостаток молитв наших есть их грубость и нечистота. Сами по себе мы даже «о чесом бо помолимся, якоже подобает, не вемы» (Рим. 8:26). Но и наученные, как подобает молиться, Самим Господом, мы не молимся, якоже научены. Нам внушено молиться – да приидет царствие Его и да будет воля Его же, яко на небеси, тако и на земли, (Мф. 6:10) а мы хотели бы, посредством самой молитвы нашей, распространить на все наше собственное владычество и все подчинить своему слепому произволу. Нам позволено

испрашивать только хлеба насущного, то есть такого количества благ земных, какое необходимо для нашего краткого пребывания на земле, а мы желали бы захватить в свои руки все блага мира, радовались бы и веселились, если бы ни у кого не осталось хлеба, только в наших житницах. Нам воспрещено и являться пред лице Божие, не примирившись с братом своим, не оставив долгов клеветам нашим, то есть всем, кои в чем-либо виновны пред нами, а мы, злопамятные, бываем готовы, иногда среди самой молитвы, просить отмщения так называемым врагам нашим. И каким врагам? Кои нередко страдают гораздо более от нас, нежели мы от них. Все это и многое еще худшее, производит то, что молитва наша вместо благоухания веры и любви, распространяет вокруг нас смертоносную воню гордости, злобы и любостязания.

Как после сего, приступая к молитве, не вознести мне прежде всего со смирением гласа о том, «да исправится молитва моя... пред Тобою», Господи! Да удалятся от нее все земные и нечистые помыслы! Да познаю истинные нужды мои, паче же всего, да не забудется мною в сие время моя бедность греховная и необходимость исправить мою жизнь, и да соделается духовное обновление мое первым и последним предметом моих желаний и прошений пред Тобою! Если же бы я, неразумный, забыв все сие, явился когда-либо, Господи, во храм Твоем с желаниями чувственными, с прошениями, коих исполнение для меня пагубно, то да будет сердце мое во время сей нечистой молитвы, яко кадило угасшее! Когда уже нет в нем фимиама веры и любви, то да не изыдет из него, по крайней мере, тлетворная воня злобы и лукавства! Да прильпнет тогда язык мой к гортани моей, и буду яко не могий проглаголати!

Наконец, молитвы наши, и в самом очищенном виде их, большей частью слабы, безжизненны и потому бездейственны. Молимся иногда и о благах духовных, например о пришествии Царствия Божия, но так слабо, как бы сии блага или не существовали на самом деле, или не стоили большой цены. Просим иногда себе освобождения от грехов и страстей, но так холодно, как бы наша порочная жизнь была зло нисколько не важное, от коего не худо и свободиться, но с коим можно,

однако же, без большого вреда прожить до смерти. Предаем, повидимому, судьбу свою и присных своих в волю Божию, но почти так же, как именуем и пишем себя покорнейшими слугами всех и каждого, то есть на одних словах, не думая, что мы обязывались сим к чему-либо. Такая слабая и безжизненная молитва вместо того, чтобы оживлять и укреплять нас на пути жизни, нередко еще более обессиливает нашу совесть, погружая нас в беспечность духовную. После такой молитвы мы бываем так же слабы на добро, так же немощны на сражение с соблазнами и страстями, так же безутешны среди скорбей и искушений и нередко почти далее от нашего спасения.

Как и чем помочь этому бессилию и безжизненности в молитве? Так же, как помогают кадилу угасающему – раздуванием прежнего или подложением нового огня. Где взять дуновения и огня для сего? Некую часть того и другого можно находить, при помощи Божией, в себе самих. От усиленного, часто повторяемого размышления о злополучном состоянии грешника, каковы мы, может произойти некое веяние мыслей, не неспособное к возбуждению угасающей молитвы. От движения чувств душевных, – при мысли о Боге, вечности, Спасителе нашем и страданиях Его, -может родиться в сердце теплота, разрешающаяся в молитву. Но да не обольщает себя никто, всего этого мало для того, чтобы молитва наша сделалась яко кадило благоуханное. Для сего необходимо веяние свыше – самой благодати Божией; потребен невестественный огонь Духа Святаго, Который, по выражению святого Павла, проходит «до разделения нашей души и духа, членов же и мозгов» (Евр. 4:12), потребляя в них все нечистое и греховное. Кому сей Дух «по достоянию дхнет», того, по выражению Святой Церкви, «вземлет от земли»<sup>2</sup>; тогда молится уже не столько сам человек, сколько Дух Божий, ходатайствующий в нем и за него «воздыхании неизглаголаннми» (Рим. 8:26). А человек? Он среди сей молитвы Духа, по свидетельству людей, испытавших сие состояние, бывает как металл, проникнутый огнем. Тогда никакая нечистота не может прильпнуть душе, или исчезает тотчас сама собою: тогда весь мир забыт; нет другого чувства,

кроме всенаполняющего и всезаменяющего присутствия Божия; нет других желаний, кроме как у Петра на Фаворе: жажды оставаться навсегда в сем блаженном состоянии. Плоть, одуховившись, или молчит, яко не сущая, или парит вслед духа и готова бывает вся излиться в слезах, излететь в воздыханиях. Тогда уже не ум и воля, а все существо человека, яко кадило, пред лицом Божиим. Сего-то состояния искал и вожделевал святой Давид, когда вопиял в молитве своей ко Господу: «разжжй... утробы моя»! (Пс. 72:21). И когда сей пренебесный огонь нисходил на него, то сердце его отрыгало «слово благо», и язык его становился тростью «книжника скорописца» (Пс. 44:2).

Вопросит кто-либо: чем и как привлекать в сердце таковую благодать Духа? Паче всего, возлюбленный совопросник, смирением и чувством своего ничтожества, постоянным молитвенным вожделением благодати Божией, чистотой мыслей и намерений! Сердца смиренна и духа сокрушенна никогда не уничижит Господь (Пс. 50:19)! Души, вожделевающей молитвы и благодати, никогда не оставит без помощи Дух Святой! Аминь.



## Слово в среду недели 1-й Великого поста

Опять время поста и покаяния! Опять «ближайшее нам спасение, нежели егда веровахом»! (Рим. 13:11). И ныне это драгоценное время наступило гораздо скорее обыкновенного, так что самый мир в дни немногие принужден был кончить то, что любил прежде продолжать до последней возможности. Как будто Тот, Кто управляет кругом времен, провидел для нас особенную нужду в покаянии и поспешил послать для сего к нам Святой пост. Не тем ли паче мы должны вступить в него с большим усердием и любовью?

Есть и другое знамение во благо. Прохождение поприща постного начинается, как известно, от врат потерянного рая, ибо рай потерянный и падение Адамово воспоминается Церковью ежегодно в прошедший день недельный. Ныне в сей же самый день, как бы у самых врат потерянного рая, сретил нас Спаситель наш, Материю носимый, Симеоном приемлемый, Анною песнославимый. Для чего сретил при самом вступлении в Святой пост? Дабы мы охотнее вступили в него, бодрственнее проходили и, смиренно видя, как Он, Господь и Владыка всех, подчиняет Себя исполнению Ветхозаветного закона обрядов, научились быть послушными матернему водительству и Уставам Святой Церкви.

Итак, приимем пост не как врага и противника, не как мучителя и истязателя, а как наставника, как друга, как врача, как освободителя, как приносящего нам блага. В самом деле, чего не в силах доставить пост любителям своим? Посредством поста Моисей соделался способным получить скрижали Завета на горе Синайской. Посредством поста Илия удостоился зреть славу Божию на горе Хорив, а потом быть взятым от земли на небо. Посредством поста Даниил заградил в рове уста львов, а три отрока остались невредимыми в печи от пламени. Пост воспитал пророков, охранял апостолов, укреплял мучеников, совершал подвижников, всегда и везде исправлял и врачевал грешников. Постом Сам Спаситель приуготовлял Себя к победе над искушителем, ибо сказано: «постився дний четыредесять и

нощй четыредесять, последи взалка» (Мф. 4:2); тогда приступил к Нему диавол. Искушитель воображал, что пост произвел ослабление и что это самый удобный случай к нападению, а на деле вышло иное: все искушения его расторгнуты, яко паутина, единым дуновением уст Божественного Постника.

Да не заблуждает никто из нас, воображая, что пощение может быть вредно чем-либо. Неприятно оно может быть для плотского человека, привыкшего к пресыщению, но вредно, – нет. Напротив, если наше здоровье страдает от чего-либо, то наиболее – от пресыщения и невоздержности. Пост, напротив, исправляет и врачует то, что расстроило и повредило объядение. Многие болезни проходят от поста без всяких лекарств. Если же пост бывает не полезен кому-либо, то причиной сему неправильный образ пощения. Ибо как некоторые постятся? Воображая, что пост состоит только в качестве, а не в количестве пищи, они, посему, отказавшись от непостных яств, тем неумереннее предаются употреблению яств постных, отягчают себя ими без меры. Удивительно ли, что в таком случае пострадает и голова и стомах (желудок)? Но причиной сего, явно, не пост, а постное, так сказать, объядение.

Даже неприятность от поста для чувственности нашей отнюдь не так велика, как воображают некоторые, вовсе не испытывавшие поста. На первый раз неудовлетворяемая привычка – принимать в известное время пищу, конечно, будет напоминать о сем и тревожить тебя; но побежденная раз-другой, она оставит тебя в покое, уступив место другой привычке – поститься. А в привычке, поверьте мне, и все дело. Телесный состав наш сам по себе, можно сказать, столько же имеет нужду в покое, как и в пище. И как бы он не имел нужды в посте? Пост то же для чрева, что отдых. Для всех сил наших есть время отдыха: должно быть и для чрева. Непрестанная работа изнуряет. Так бывает и с чревом. Не облегчаемое постом, оно, наконец, теряет силу делать свое дело. Отсюда множество болезней, кои все лечатся, хотя мы не примечаем того, наиболее постом. Ибо, хотя бы мы принимали лекарства,

но если не будем в то же время поститься, то они не окажут действия. Явный знак, что пост есть главное лекарство.

Итак, вступим в поприще постное, ничтоже сумняся, ничтоже бояся. Если мы лишимся на время некоторых утех чувственных, то сколько взамен их представится утешений духовных! В церковном круге – Святая Четыредесятница то же, что весна в круге времен года. Как весна есть самое лучшее время для тела – тут и оно с природой как бы юнеет и цветет: так пост есть лучшее время для духа – тут он с Церковью невольно оживает и утешается, хотя на время. Пост – это рай духовный. Сколько песнопений, услаждающих сердце! Сколько молитв, возносящих дух горе! Сколько благоуханий невещественных! А трапеза церковная, предлагаемая каждую седмицу – я разумею Причащение! Подобной не имеют самые Ангелы на небе. Есть чем занять дух! Есть чем напиться, усладиться, успокоиться!

Одного только должно желать, чтобы мы проходили поприще Великопостное как должно, дабы не лишиться плода его. Для сего молим вас размыслить о себе и своей жизни, дабы видеть, что нужно посредством поста исправить. Без сего мы будем похожи на путников, кои идут по пути, не зная, куда он ведет и что будет в конце с ними. Да не будет из нас никто подобным путником! Для сего и мы со своей стороны употребим не только молитву, но и слово наше, или паче Божие, ибо мы что говорим, взимаем из Писания. Вас же молим словами пророка поновить поле, то есть душу и сердце ваши, дабы нам не сеять на тернии. Аминь.

## Слово в четверг недели 1-й Великого поста

«Постимся постом приятным, благоугодным Господеви: истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления» (Стих, в понедельник Великого поста).

Церковный стих сей справедливо можно назвать поучением церковным на все святые посты. Наши слова и проповеди, по самой слабости их, бывают нередко продолжительны, а поучение Церкви столь же кратко, сколь сильно и действительно. Тем нужнее посему обратить на него все внимание и размыслить о том, чему учит в отношении к посту Святая Церковь. «Постимся постом приятным, благоугодным Господеви!» Значит, есть пост неприятный и неблагоугодный Господу! Какой это пост?

Тот, когда ты не вкушаешь обыкновенной, а может быть, и никакой пищи; но своим гневом и строптивостью изъедаешь душу и тело подручных твоих, слуг или домашних. Тот пост, когда ты во храме падаешь на землю и просишь себе отпущения грехов, говоришь, чтобы они прощены были так же, как ты прощаешь все прегрешения против тебя; а выйдя из храма, пойдешь в суд, чтобы преследовать бедного должника твоего, взыскать с него до последней лепты, посадить его в противном случае в темницу, разорить весь дом его и семейство. Тот пост не благоприятен Господу, когда ты по внешности как будто смиряешь себя и говоришь, что ты первый из грешников, а внутренно, не зная меры своим мнимым достоинствам, ставишь себя в мыслях выше всех, творишь из себя судию вселенского, готового судить и пересуждать всех и все. Тот пост неприятен и неугоден Богу, когда ты хочешь и ожидаешь, чтобы за малые поклоны и несколько воздыханий твоих отверзлись для тебя все сокровища благодати Божией, уврачеваны были все язвы твоей совести, чтобы тебя ввели на самую вечерю царскую и напители Телом и Кровью Христовой; а сам, при всех столах и воплях нищих братьев твоих, не

расположен уделить им и малой части от избытков твоих, хладнокровно оставляешь без всякой помощи больных и страждущих, медлишь ввести под кров твой странных, скупись разделить с алчущими – не тело и кровь твою (пусть они остаются с тобою), а те горы и холмы снедей, от коих едва не распадаются житницы твои. Тот пост неприятен и неугоден Господу, когда ты боишься поднести к устам твоим чашу горячей воды; а не боишься, что из этих уст продолжают, по-прежнему, выходить, как дым из печи, слова праздные и гнилые, насмешки горькие и уязвляющие, намеки, полные соблазна и заразы душевной. Все таковые и им подобные постники да не дерзают надеяться милости от Господа; пост их не только не благоугоден, но, по выражению Пророка, есть мерзость пред лицом Божиим.

Лучше бы ты вкушал что угодно, но в то же время питал тех, кои и не в пост едва не умирают от голода; лучше бы ты продолжал украшаться твоими одеждами по-прежнему, но в ту же пору излишним, праздно висящим и снедаемым от моли, одеянием твоим прикрыл наготу нищих братьев, кои стонут от холода; даже лучше, когда бы ты не прерывал обычных твоих забав и увеселений, но, прохладаясь сам, доставлял бы утешение и отраду тем, кои давно забыли, есть ли какая радость на земле.

**Истинный пост есть злых отчуждение, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, оглаголения, лжи и клятвопреступления.**

Удаление от всех сих пороков должно бы составлять для нас не пост, не принуждение и труд, а дело самое естественное, покой и радость, но, проникнутая еще в предках наших грехом и своеволием, приученная нами самими к нарушению законов воздержания, природа наша до того сроднилась со страстями и похотями, что следовать страстям и злой воле для нее сделалось почти так же естественным, как телу принимать ежедневную пищу. Посему, кто хочет быть свободным от грехов, для того надобно непрестанно удерживать себя от зла и принуждать к добру, так же, как постящиеся воздерживают себя от пищи и понуждают к богомыслию. Сие-то воздержание от

страстей и пороков, по учению Церкви, составляет пост истинный и благоприятный Господу. Внешние посты не всегда необходимы, а сей внутренний пост необходим во всякое время. Внешние посты преходят и оканчиваются; а этот духовный пост непрерывен и должен окончиться только с нашей жизнью, когда мы, совлекаясь брэнной и грехолюбивой плоти, облечемся в нетление и бесстрастие.

Итак, хочешь ли поститься воистину? Воздержи прежде всего язык твой от всякого слова праздного, тем паче гнилого и неподобного. Начни пост духовный с сего малого члена телесного, который, однако же, есть великий враг и упорный противник. Победив его упорство, ты силен будешь «обуздать и все тело» (Иак. 3:2). В противном случае язык твой, как дикий и свирепый конь, будет влачить тебя, вместе и с постом твоим, по дебрям лжи, злобы и лукавства.

Хочешь ли поститься воистину? Оставь вместе с пищей всякую ненависть, досаду, ропот и пререкание; сделайся во всем и ко всем тихим, кротким, смиренным, благоснисходительным и любовным. Этого требует во время поста уже самое приличие. Иначе, если ты, по-прежнему, будешь стропотен и сварлив, то иной и нехотя подумает, что ты, как малое дитя, сердишься за то, что тебе возбранено Церковью употребление любимых тобой яств.

Хочешь ли поститься воистину? Удали от себя вместе со снедами и все прочие прихоти плотские. Ибо ветхий и греховный человек твой ослепляет и губит тебя не одним пресыщением тела. Излишество в пище наносит еще вред только тебе одному; а прочие виды плотоугодия и сладострастия вредят, кроме тебя, и многим другим. Оставь же их все, удали от ложа твоего дышащую сладострастием и вольнодумством книгу; со стен комнат твоих соблазнительные изображения, а затем выбрось из самого ума и памяти (сколько можно на первый раз, ибо вдруг сего нельзя сделать: ум не то, что стены дома), выбрось, говорю, все любострастные образы и утверди вместо их в памяти и воображении твоём Крест Христов и образ твоей смерти.

Хочешь и поститься воистину? Раздери, если есть у тебя, всякое несправедливое писание на завладение чужим имуществом; прекрати дело, по сему случаю заведенное в суде; уступи, сколько можно, даже из собственных прав, чтобы не влачиться по судам, подобно еврею и магометанину. Надобно же, чтобы христианин отличался чем-либо не в храме только, а и на суде.

Хочешь ли поститься воистину? Обозри, чем можешь служить, во имя Господа, меньшей братии твоей о Христе, и немедленно приступи к делу благотворения; дозволи вход в житницы твои для тех, кои без всякой вины своей едва не умирают от голода: одень нагого, прими сирого, призри недужного, посети заключенного. Ибо надобно же произойти каким-либо плодам от такого великого древа, каков Великий пост. Каким же лучше, если не плодам человеколюбия, когда ты сам посредством поста ищешь милости Божией?

Такой пост будет благоприятен для Господа! Соединяющий таким образом воздержание душевное с телесным не погубит мзды своей. Или лучше сказать, он уже приемлет ее здесь и теперь. Ибо для чего мы постимся? Без сомнения, не для того, чтобы сберечь у себя несколько неупотребленных снедей, а чтобы укротить свою плоть, облегчить душу, оживить совесть, приблизить к себе благодать Божию. Но когда мы сделаемся в мыслях чище и целомудреннее, в словах правдивее и назидательнее, в нравах кротче и великодушнее, в делах справедливее и благотворнее; то цель поста сим самым, при помощи благодати Божией, будет в нас уже достигнута, – сначала, конечно, слабо и несовершенно, а потом – более и совершеннее; доколе не сделаемся во всех отношениях таковыми, каковым должно быть последователям Христовым.

В противном случае, пост наш будет подобен лекарству, при употреблении коего больной, по неразумию и невоздержности, предается всем прежним привычкам, производящим его болезнь. Чего ожидать от такого лекарства, кроме ожесточения болезни, тем опаснейшего, что мы, по надежде на врачевание, будем думать, что выздоравливаем? В таком случае лучше уже не поститься вовсе, ибо тогда, по крайней мере, не будем обольщать себя тем, что мы находимся вне опасности. Аминь.

## **Слово в пяток недели 1-й Великого поста, пред освящением колива в память святого великомученика Феодора Тирона**

Кто бы сказал, для чего ныне поставляется среди церкви святое коливо и воспеваются над ним хвалебные песни в честь святого великомученика Феодора Тирона? Ежегодная память его не в настоящий день: она или предшествует ему, как и ныне уже прошла, или последует за ним. Притом из уважения к безмолвию настоящих дней поста, с них, по Уставу Церкви, переносятся на другие дни самые праздники в честь святых, дабы гласом радости не воспятить вздохам и слезам покаяния. А для памяти святого Феодора нет сего закона: для него совершается именно противное тому. Видно, память сего великомученика так соединена с наступающими днями, что никак не могла отделиться от них.

Что это за связь и в чем она? Не многие, вероятно, в состоянии дать ответ на сие, хотя каждый, не раз в продолжение своей жизни бывал в настоящий день в церкви и видел, что в ней ныне совершается. А если бы теперь же спросить, почему то или другое делается в театре или на балах, то из тех же незнающих людей оказались бы, думаю, многие очень знающими и могущими отвечать на все вопросы. Так мало заботимся мы иметь ясное понятие о том, что когда совершается в Церкви Божией! И в этом ли одном случае мы такие неискусные? Можно быть уверенным, что многие не знают также, почему в следующий день недельный будет возглашаться в церкви анафема, почему среди Великого поста совершается поклонение Кресту Господню, для чего в первые дни Страстной Седмицы читаются все четыре Евангелиста, зачем в Великую Субботу после литургии совершается освящение хлебов? И что говорить об особенностях в Уставе Церкви? Мы не стараемся знать даже того, что в обрядах ее касается непосредственно нас самих. В сороковой день, например, по рождении нашем, нас приносили во храм для посвящения Господу; мы не чувствовали тогда, что говорилось



и совершалось весьма важное и поучительное на всю жизнь. Многие ли, придя в возраст, любопытствовали узнать это и прочесть чин принесения в храм младенцев? Та же небрежность и в отношении к нашему будущему. В молитвеннике церковном содержится «Последование по исходе души от тела», то исследование, которое, если не лишимся благодати, будет читано и над нами, в час скончания нашего. Очень легко может случиться, что мы не будем тогда в состоянии слышать хорошо и помнить молитв, произносимых у смертного одра нашего. Как бы заранее, хотя из любопытства, не прочитать сих молитв и не узнать их содержания? Но спросите кого угодно из стоящих окрест вас, и он скажет вам, что не знает их и, может быть даже, только в первый раз слышит о них. Таковы мы в отношении к душе своей! На все у нас есть время, всем мы любим заниматься, даже тем, что вовсе нас не касается и о чем мы не в состоянии судить; а на то, что душеполезно, что постыдно христианину не знать, для того нет у нас ни времени, ни любопытства. Ищите после сего причин, почему благие учреждения и Уставы Церкви не оказывают над нами никакого действия! Спрашивайте после сего, почему мы присутствуем во время совершения самых священных и трогательных обрядов церковных с рассеянием, без чувства, поникшие телом и душой! Как назидаться тем, чего не знаешь ни цели, ни причины, ни духа, ни силы!

Но возвратимся к тому, с чего начали. Итак, ныне, можно сказать, вопреки самому закону Церкви о настоящих днях поста, творится ею празднественная память святого великомученика Феодора Тирона. Причина сего важная и для нас весьма поучительна. Не поскучайте, если потому самому, мы, для объяснения ее, войдем пред вами в некоторые подробности.

По кончине святого и равноапостольного Константина Великого, который, как известно, прекратил все гонения на христиан и возвел с собой веру в Иисуса Распятого на престол Кесарей, империя Римская, через несколько кратких преемств, досталась одному из сродников его, Иулиану. Как блаженный Константин был избранным сосудом благодати, так несчастный Иулиан оказался явным сосудом гибели и отвержения. Одним

из первых действий его темного царствования было то, что он отверг Христа и Евангелие, и обратился к низверженным идолам языческим. Явного гонения на христиан он не поднимал, – не по жалости к ним, а по уверенности в его безуспешности; вместо сего тотчас началось злохитрое гонение тайное. Богоотступник то низводил христиан с честей и достоинств, якобы противных их смирению; то лишал их достояния и имущества, якобы несовместных с нищетою Евангельской; то запрещал учиться наукам, под предлогом, что все нужное для христиан содержится в их Евангелии, то вызывал из заточения еретиков, дабы кознями их смутить Церковь Христову. Между сими злохитрыми средствами Иулиан умыслил и следующее. Наступала Четыредесятница христианская. Зная, в какой чистоте и воздержании проводят ее христиане, Богоотступник призывает градоправителя Константинопольского и велит ему тайно удалить на следующие дни с торжища все обыкновенные снеди, а предложить одно то, что было уже принесено в жертву идолам, и потому христианами почиталось за оскверненное. Никто не знал замысла, посему многие тысячи душ в самые святые дни осквернились бы вкушением того, что растворено было (так повелел Иулиан) кровью идоложертвенной. Это составило бы для них предмет сожаления на всю жизнь, а для Иулиана, или паче сказать, сатаны, им двигавшего, это была бы радость и торжество велие. Тот же отступник, по исполнении замысла, не преминул бы разгласить в слух всего света, что последователи Иисуса Назарянина (так называл он Господа) во время самого поста их употребляли в пищу идоложертвенное.

Но Тот, Кто, яко зеницу ока, хранит души простые и смиренные и всегда запинаят премудрых в коварстве их, не дал и теперь совершиться умыслу вражю. Среди ночи, но не во сне, является внезапно тогдашнему епископу Константинопольскому некий светозарный воин и говорит, чтобы он, немедля собрав духовное стадо свое, дал ему знать об угрожающей опасности, с повелением не покупать в следующие дни ничего на торжище. «Чем же препитается в сии дни столько людей, – спросил святитель, – ибо у многих нет ничего в

дому?» – «Коливом или вареной пшеницей, – отвечал явившийся, – которую ты, нашед у некоторых, должен раздать всем». – «Кто же ты, – спросил патриарх, – все ведающий и пекущийся таким образом о братии своей?» – «Христов мученик Феодор», – отвечал явившийся. То есть это был тот святой подвижник Христов, который, будучи воином за много лет до сего, в царствование злочестивого Максимиана, претерпел за имя Христова множество ужасных мук и тем заслужил себе в Церкви Христовой имя великомученика.

Святитель немедленно исполнил повеленное свыше; и христиане константинопольские сохранились от осквернения, а злочестивый Иулиан, видя, что замысел его разрушен, велел предоставить прежнюю свободу торжищам.

Видите теперь, что значит нынешнее священнодействие над коливом! Им сохраняется в Церкви на все века память о благодеянии и приносится благодарность святому Феодору, который, будучи исповедником имени Христова при жизни своей, и по смерти не престаёт быть помощником для тех, кои, за исповедание сего имени, подвергаются каким-либо опасностям.

Возблагодарим убо Господа Иисуса, никогда не оставляющего без помощи верных рабов Своих и посрамляющего безумных противников Евангелия и Святой Церкви. Прославим память святого великомученика, отвратившего чудесным явлением своим искушение и печаль от Церкви Константинопольской. А между тем возьмем отсюда урок для себя, приличный дням настоящим.

Какой урок? Тот, что соблюдение Святого поста есть вещь весьма важная. Ибо если бы постом можно было пренебрегать, как вещью неразноственной или малозначащей, то им не занимались бы так на небе, и святой великомученик не оставил бы светлых обителей Отца Небесного для того только, чтобы указать земным братьям своим на средство избежать нарушения поста. Подобные явления святых в нашем мире происходят не иначе, как по причинам самым важным. Как же после сего некоторые осмеливаются думать и говорить, что все равно: поститься или не поститься? Нет, поститься – значит

быть смиренным и послушным сыном Святой Церкви; а не поститься – значит быть заражену вольномыслием, самочинием и духом презорства. Поститься – значит уметь обуздывать свою чувственность, владеть своими пожеланиями; а не поститься – значит быть рабом плоти, находиться в плену у своего чрева, вляяться ветром суемудрия. Поститься – значит радеть о спасении души своей, искать свободы своему духу, стремиться во след Ангелов; а не поститься – значит уподобляться бессловесным, кои не знают поста, быть хладным к молитве и к очищению своей души от плотских похотей. Поститься – значит каяться во грехах, презирать мирские утехы, приготовляться к вечности; а не поститься – значит погрязать в земном, предаваться тленному, идти путем широким, ведущим в пагубу. Малолетний, престарелый, немощный путник, воин могут еще иметь причины к извинению, когда не постятся, ибо здесь более или менее нужда и необходимость; а мы, как говорит апостол, «призваны на свободу», только бы сия свобода не была в вину, или потворство плоти (Гал. 5:13). А кто может воздерживаться от запрещенных постом снедей, и не воздерживается, тот грешит и против Церкви и против себя, и еще более против себя, нежели Церкви; ибо пост, учрежденный ею, нужен не для нее, а для нас: поскольку он есть одно из сильнейших средств к обузданию нашей чувственности, от преобладания коей над нами гибнет в нас все чистое и святое. В самом деле, кто не испытывал, какая разница встать поутру со стомахом, отягченным пищей, и с ним же, облегченным и очищенным постом? В первом случае клонит паки ко сну, а в последнем – является бодрость и способность к молитве. И не мы ли сами, когда хотим заняться чем-либо важным и требующим размышления, то избираем для сего часы утренние, когда тело не отягчено пищей; а после стола говорим, что теперь не способны к умственной работе? А для покаяния и размышления о своих грехах будем обременять себя пищей? Что это, как не явное пренебрежение к делу своего спасения? И кто думает иначе, тот обманывает себя жалким образом.

Если бы за всем этим лукавая плоть подошла к тебе с предложением сложить с себя, под каким-либо предлогом,

Святой пост, то вспомни святого Феодора и чудо, им совершенное, и скажи ей: поди, испроси разрешение у великомученика; а без сего я не могу нарушить Святого поста. Аминь.

## Слово в пяток недели 1-й Великого поста, перед исповедью

Опять день покаяния и исповеди! Еще раз раскроем мы пред Всеведущим мрачный свиток наших деяний; еще раз услышим от лица Его прощение во всем, содеянном нами, и пойдем в дом свой оправданными! Так неистощимо милосердие к нам Господа нашего! Правда Его могла бы совершенно отвергнуть нынешнее покаяние наше; могла бы сказать нам, что поскольку мы, приносив столько раз покаяние и приняв столько же раз прощение, не перестаем оскорблять ее грехами нашими; то и ей остается уже не миловать напрасно рабов преступных и лукавых, а вооружаться против них судом и казнию. Но так не поступят с нами: пред престолом сея Правды и ныне мы обречем ту же любовь и всепрощение!

Чувствуешь ли ты это, душа грешная? Чувствуешь ли, что ты давно стократ достойна ада, а тебе паки отверзут рай и царствие? Блюдись же, чтобы сия милость не была явлена над тобою в последний раз!

Да, братие мои, на земле нет никого, кто бы мог сказать нам наверное, что настоящая исповедь наша не есть для нас последняя. Это мог бы сделать один Тот, в деснице Коего «ключи ада и смерти» (Откр. 1:18), о Нем же мы вси живем движемся и есмы. Но Он Сам, во ограждение нас от беспечности, благоволил возвестить нам в Евангелии Своем, что день и час как Его к нам пришествия, так и нашего к Нему отшествия, должны оставаться тайною для нас.

После сего каждый, кому дорого спасение души своей, принося ныне исповедь, должен принести ее так, как бы приносил ее в последний раз в жизни.

Как бы мы исповедовались, будучи на одре смертном? Исповедовались бы с глубочайшим сокрушением духа и нераскаянным омерзением ко греху, который тогда потерял бы для нас всю прелесть; исповедовались бы всецело, ничего не скрывая; ибо что таиться перед смертью? Исповедовались бы с твердой решимостью не уклоняться более на сторону лжи и

беззакония, ибо тогда во всей силе открылась бы перед нами необходимость для человека жизни чистой и святой.

Поступим же точно так теперь, как мы поступили бы на одре смертном. Раскроем пред Всеведущим всю душу и сердце, все тайны страстей и греховных вожделений. Пусть милосердие Божие узрит все язвы и всю гнилость нашего внутреннего человека: оно узрит их токмо для того, чтобы тем прочнее исцелить их. Приняв прощение во грехах, немедленно изгоним их не только из жизни и деяний, – из самого воображения и памяти нашей: пусть они остаются долей врага нашего, который подвигал нас на грех и радовался, когда мы преступали заповеди Господни. Дав пред Святым Крестом и Евангелием обет вести жизнь чистую и благую, будем повторять себе сей обет утро и вечер, в часы радости и печали, в храме Божием и дома, сидя на трапезе и покаясь на ложе, дабы дело нашего спасения никогда не выходило из нашей памяти и обратилось в главное дело нашей жизни.

А для утверждения себя в сем необходимом подвиге, для ограждения себя от новых соблазнов жизни, от новых нападений со стороны страстей, возьмем с собою от святого наоя, в напутие жизни, память смертную; ибо не напрасно сказано Премудрым: «поминай последняя твоя, и во веки не согрешиши»! (Сир. 7:39). Аминь.

## Слово в субботу недели 1-й Великого поста, по причащении Святых Таин

«Кто даст еже быти тако сердцу их в них, яко бояться Мене и хранить заповеди Моя во вся дни, да благо будет им и сыном их во веки» (Втор. 5:29).

Так пред Синаем вещал Моисею Сам Господь о народе Израильском. Явления чудесных знамений при горе святой с такой благотворностью подействовали на дух и сердце строптивых сынов Израиля, до того соделали их богобоязненными и усердными к закону, что для самого Законодателя Синайского ничего не оставалось желать более, как только, чтобы сие прекрасное расположение духа и сердца осталось навсегда в народе избранном: «кто даст, еже тако быти сердцу их в них... во вся дни»?

Быв свидетелями во всю прошедшую седмицу вашего неослабного усердия ко храму Божию, зная, что вы омылись вчера от всех нечистот греховных в купели покаяния и, вероятно, собственных слез ваших, видя теперь радость, блистающую на лицах ваших, от таинственного соединения с Божественным Женихом душ и сердец, и заключая из того о благом состоянии всего существа вашего, и мы, братие, не можем не иметь теперь и не изречь в слух ваш благожелания Синайского: «кто даст, еже тако быти сердцу вашему в вас, не ныне токмо, но и во вся дни»? Кто сделает, чтобы вы навсегда остались такими, каковы теперь: с той же чистотой души и сердца, с той же святостью мыслей и желаний, с тем же смирением и преданностью?

И кто может дать нам это кроме Тебя, от Коего исходит всякое даяние благо и всяк дар совершен? Ты ниспослал благодать положить нам начало покаяния; Ты же даруй силу продолжать и совершить начатое. Сам утверди, «еже сотворил еси в нас»! (Пс. 67:29).

Но за Господом и благодатною помощью Его не станет дело, возлюбленные! Если и земледелец не оставляет поля трудов своих, доколе не созреет на нем все посеянное и не



будет собрано в житницу: тем паче Премудрость Божия не оставит душ и сердец ваших особенной помощью, не возрадив на них всего «жита правды» (2Кор. 9:10) и не собрав с них всех плодов веры и любви.

Все сомнение, вся опасность от нас самих: сохраним ли мы семена веры и любви? Дадим ли им беспрепятственно возрасти в нас и плодоносить? Не попустим ли потоптать их бессловесным животным – низким страстям плоти, или позобать птицам небесным – суетным превозношениям ума и гордости житейской.

Посему-то, возносив доселе молитвы и прошения о вас, теперь мы почитаем за долг обратиться с прилежным молением к вам самим о том, чтобы вы, оставив видимое и временное говение, не прекращали духовного бодрствования над собою и попечения о душе своей, чтобы употребили все возможные средства продлить и укрепить навсегда в себе то святое расположение духа и сердца, в коем находитесь теперь, и чтобы занялись сим святым делом немедленно, по выходе из сего храма: ибо что было бы с растением, взращенным с великим трудом в теплице, если бы его вдруг вынести на холод зимний? Оно потеряет все цветы и увянет в несколько минут. То же будет и с цветом чистоты и невинности душевной, расцветшим во время покаяния и исповеди, если, изшед отсюда, вы начнете продолжать прежний образ жизни и предадитесь греховным привычкам или пойдете теми же стропотными путями, коими ходили, или паче, на коих непрестанно падали прежде.

Но вы не поступите так, возлюбленные, и не будете врагами самим себе! А потому, возвратясь в свои дома, прилежно размыслите, как вам начать вести себя отселе, что совершенно оставить из прежнего образа жизни, что вновь принять и что изменить? Обдумав будущее поведение свое, вы тотчас, не отлагая до другого времени, начнете вести себя так, как решились. Живя новой жизнью, вы не оставите по временам подвергать себя строгому испытанию в успехе и немедленно исправлять всякое уклонение от цели.

Настоящий Великий и Святой пост есть самое лучшее время для такового утверждения себя навсегда в вере и благих нравах уже потому, что в продолжение его многие соблазны мира вовсе не существуют для нас или теряют силу. Посему вы будете иметь всю удобность, немедленно заняться великим делом вашего спасения и, при помощи Божией, совершить его, как должно.

Не пренебрегите же сим, возлюбленные! Оставьте, если возможно, все прочие дела и займитесь сим единым, ибо что пользы, если вы приобретете весь мир, а погубите душу свою? Лучше потерять все, даже потерпеть все, нежели умереть во грехах.

А кто знает, далеко ли каждый из нас от своего часа последнего? О, как отрадно будет с чистой душой и сердцем вступить в Великую Седмицу страданий Христовых! С какой неизъяснимой радостью сретится праздник Воскресения Господня! Ибо вы будете тогда праздновать не восстание токмо Господа из гроба, как было прежде, а и свое собственное воскресение от смерти греховной, которая доселе не давала вам вкусить ни одной истинной радости.

Мы же, как в продолжение сей седмицы молились, так и во все продолжение Святого поста будем молитвенно взывать ко Господу, да Он Сам, «начный дело благо в вас, и совершит е» Своею всемогущей благодатью (Флп 1:6)! Аминь.

## Слово первое в неделю Православия

«И овех убо милуйте разсуждающе, овех же страхом спасайте, от огня восхищающе...». (Иуд. 1:22–23).

Не сие ли самое, братие, совершает ныне Святая Церковь? Некоторые из членов ее попустили обнять себя тлетворному пламени ересей богопротивных; и вот она возвышает, яко трубу, глас свой и поражает их страхом анафемы, «еда како даст им Бог покаяние в разум истины, и возникнут от диавольския сети...». (2Тим. 2:25–26). Средство к исправлению поистине одно из самых действительных! Одна мысль, что подобные нам люди извергаются из общества верующих, вне коего нет и не может быть спасения, одна сия мысль невольно сотрясает сердце и приводит в движение чувство. Каким же страхом должен быть поражен тот, за кого другие должны так сильно страшиться?

Тем прискорбнее, братие, для Церкви, что чувство спасительного страха, которое она старается внушить чадам своим посредством священного обряда, ныне совершаемого, нередко обезображивается, а иногда и совершенно подавляется другими, предосудительными, чувствованиями. Одни, надменные умом, или паче неразумием, стараются уничтожить в мыслях своих все, что в нынешнем обряде есть поразительного для заблуждающихся, и представляют его себе праздным действием церковной власти, не имеющим влияния на вечную судьбу осуждаемых. Это – люди гордые, кои почитают себя превыше суда Церкви, в том ослеплении, что святилище их совести, где стоит, может быть, «мерзость запустения... на месте святе» (Мф. 24:15), – есть единственное место, в коем должен быть изрекаем суд над их мнениями о вере. Другие впадают в противоположную крайность: чувство страха при слышании анафемы, соединясь с чувством сожаления к поражаемым ею, превращается в сердце в тайный ропот против мнимонеумеренной строгости церковных правил. «Для чего, – мыслят таковые, – Церковь пременяет ныне, столь сродный ей, глас любви на проклятия ужасающие?» Это – люди маловерные, кои имеют слабость думать, что Церковь Христова

может когда-либо поступать вопреки закону любви, составляющему главное основание всех ее правил и узаконений.

Нет нужды, братие, исследовать, есть ли между нами здесь кто-нибудь, питающий в себе то или другое заблуждение. Мы должны желать, чтобы сказанное нами было одно гадание. Но всякий согласится, что это гадание весьма близко к опыту, и едва ли не оправдывается на самом деле.

Итак, если не для искоренения, то для отвращения вышесказанных заблуждений, вникнем в дух нынешнего обряда и покажем: 1) что суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный: этим будет низложено легкомыслие тех, кои присутствуют на нем без всякого чувства; 2) что суд, произносимый ныне Церковью, есть суд, исполненный любви: этим будет успокоено маловерие тех, кои думают видеть в нем строгость излишнюю.

### **1. Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный.**

Как обыкновенно смотрят, братие, на того человека, который имел несчастье заслужить худое мнение в обществе? Одни презирают его, другие чуждаются, иные сожалеют о нем. Он сам почитает себя человеком самым несчастным. Некоторые не могут пережить сего злополучия. Так страшно общественное мнение!

Если же приговор всякого общества имеет такую силу, то ужели, братие, одна Церковь есть такое общество, коего приговором можно пренебрегать? Напротив, приговор Церкви для здравомыслящего человека должен быть гораздо важнее всякого, так называемого, общественного мнения, уже потому, что Церковь есть самое постоянное, обширное и лучшее из всех обществ человеческих: самое постоянное, ибо Церковь существует от начала мира и будет существовать до его скончания; самое обширное, ибо члены Церкви Христовой рассеяны по всему миру, находятся во всяком **языке, народе и племени** (Откр. 5:9); самое лучшее, ибо она представляет видимое Царство Божие на земле, и служит приготовлением к вечному Царству Божию на небесах. Пренебрегать судом такого

общества, значит не иметь уважения к целому роду человеческому; грешить против человечества: а что значит грешить против человечества? Быть извергом человечества!..

Таким образом, братие, если суд, произносимый ныне Церковью, представлять себе совершенно человеческим, то он весьма важен и страшен, поскольку есть суд – **Церкви Вселенской!**

Но не в этом одном состоит важность приговоров, изрекаемых ныне Церковью. Она утверждается на основании, еще более глубоком и более непреложном.

Что, если бы перед самым надменным вольнодумцем предстал, как некогда пред Иовом, Сам Бог и воззвал его к суду Своему? (Иов. 40:1–2). Не растаял ли бы он в страхе от велелепоты и славы Его? Одна мысль, что Творец призывает на суд тварь, заключает в себе все, что может быть для твари поразительного: Суд Божий всегда страшен!

Но чей суд судит ныне Церковь? Свой или Божий? Божий, братие, Божий!

Истинная Церковь никогда не усвояла себе никакой власти, кроме той, которою она облечена от Божественного Основателя своего. Если она произносит ныне «анафему» на упорных врагов истины, то потому, что так заповедано ей Самим Господом. Вот собственные слова Его: "аще... кто Церковь преслушает, буди тебе якоже язычник и мытарь»! (Мф. 18:17). Осуждаемые ныне преслушали глас Церкви, не вняли ее увещаниям: и вот она, последуя в точности словам Господа, лишает их имени христиан, извергает из недра своего, как язычников. Она связывает их на земле: но в то же время, по непреложному суду Божию, они связуются и на небе. На них не налагается видимых уз, но налагаются тягчайшие узы проклятия. Сомневаться в сем может только тот, кто не верит словам Господа, Который сказал: «елика аще свяжете на земли, будут связана на небеси» (Мф. 18:18).

Итак, трепещи, упорный противник истины! Суд, на тебя ныне произносимый, есть, по своему происхождению, Суд Божий.

И кто подвергается ныне осуждению? Не те ли люди, кои предварительно осуждены Самим Богом в Его слове? Осуждаются отвергающие бытие Божие и Его Промысл; но не Сам ли Бог, еще устами Давида, нарек безумным того, кто говорил в сердце своем (только в Сердце!): "несть Бог"! (Пс. 13:1).

Осуждаются не признающие бессмертия души человеческой и будущего суда; но не Сам и Бог через Премудрого угрожает гибелью тем, кои говорили: «самослучайно рождени есмы, и по сем будем якоже не бывше... пепел будет тело, и дух нашразлиется яко мягкий воздух»! (Прем. 2:2–3).

Осуждаются почитающие ненужным для спасения рода человеческого пришествие Сына Божия во плоти; но не от лица ли Божия говорит святой Иоанн: «всяк дух, иже не исповедует Иисуса Христа во плоти пришедша, от Бога несть: и сей есть антихристов»! (1Ин. 4:3). Осуждаются противники царской власти; но не по внушению ли Духа Святого написано апостолом Павлом: «несть бо власть аще не от Бога... Темже противляйся власти Божией повелению противляется»! (Рим. 13:1, 2). «Но некоторые приговоры, – скажет кто-либо, – не содержатся в Священном Писании». Скажи лучше, возлюбленный, что их там содержится гораздо более. "Аще кто, – говорит апостол Павел, – не любит Господа Иисуса Христа, да будет проклят» (1Кор. 16:22). Какого заблуждения, какого нечестия не поражает это проклятие? Ибо с именем Господа Иисуса Христа соединены все добродетели. Значит, Церковь щадит еще слабые совести, когда поражает проклятием только некоторые – явные и грубые – ереси и преступления.

Итак, трепещи, упорный противник истины! Суд, на тебя ныне произносимый, по самому предмету своему есть Суд Божий!

Следствия Страшного Суда сего откроются в полной мере за пределами этой жизни; там-то осужденные Церковью познают во всей силе, как тяжко проклятие невесты Христовой! Но и в этой жизни следствия сии таковы, что могут привести в ужас всякого, кто не совершенно закоснел в ослеплении ума. Ибо представьте, чего лишается человек, подвергшийся

анафеме: он теряет, во-первых, имя христианина и становится язычником – потеря великая! Из древних христиан многие на все вопросы мучителей об их происхождении, звании, имени, отвечали: «я – христианин». Так много дорожили они сим наименованием! Вместе с именем теряется и вещь: подвергшийся анафеме уже перестает быть в союзе с таинственным телом Церкви; он есть член отсеченный, ветвь, отнятая от древа. Потеря величайшая! Ибо вне Церкви нет Таинств, возрождающих нас в жизнь вечную, нет заслуг Иисуса Христа, без коих человек – враг Богу; нет Духа Божия: вне Церкви – область духа злобы. В Церкви Апостольской диавол поражал видимыми мучениями тех, кои своими пороками заслужили отлучение от Церкви; без сомнения, и ныне сей враг спасения человеческого не дремлет в погублении сих несчастных, и коль скоро лишаются они благодатного покровительства Церкви, властвует над их душою с такой же свирепостью, хотя не столь видимо. Скажите, можно ли без ужаса представить такое состояние? Святитель Златоуст оплакивал некогда несчастное состояние тех, кои перешли в будущую жизнь, не очистив себя покаянием: «Кто, – говорил он, – там помолится о них? Кто принесет за них жертву? Там нет ни священника, ни жертвы». Ах, подвергшийся анафеме еще в сей жизни испытает то несчастье, которое нераскаянным грешникам суждено претерпеть за гробом! Здесь есть священники, выну (всегда) приносится бескровная жертва о грехах, но отлученные не участвуют в этой жертве: их имя изглажено (исключено) из списка верующих, Церковь не воспоминает о них в своем молитвословии, они – живые мертвецы!

Напрасно отлученный от Церкви успокаивал бы свою совесть тем, что и вне Церкви нет невозможности заслужить милость Божию, что милосердие Творца беспредельно, что «во всяком языке... делаяй правду приятен Ему есть» (Деян. 10:35). Так! В Боге нет лицепрятия; Он есть Бог христиан и язычников, воздает каждому по делам. Но по тому самому, что в Боге нет лицепрятия, Он не может взирать оком благоволения на того, кто извержен из Церкви. Как? Бог по беспредельному милосердию Своему привил (Рим. 11:24) тебя, как дикую ветвь,

к животворной "маслине" – Иисусу Христу; ты же, вместо того, чтобы всеми силами держаться на ее корне и, впивая в себя сок жизни, приносить плоды правды, отломился своим суемудрием от сей маслины, – и Небесный Делатель потерпит тебя в вертограде Своем? Не прикажет бросить в огонь? Где же будет Его правосудие, Его нелицеприятие? Не говори, что ты, находясь вне Церкви, можешь приносить плод добродетели. Где нет души, там нет жизни; душа – Иисус Христос – только в теле, в Церкви; значит, ты, и с твоими мнимыми добродетелями, мертв пред Богом. «Все, что не по вере, грех» (Рим. 14:23); а у тебя, отлученный, какая вера? Разве «бесовская» (Иак. 3:15). Язычник лучше тебя у Бога; он не был удостоен тех даров, коими пренебрег ты; он не был сыном Церкви, а посему и не будет судим как преступный сын. «Еретики, – писал некогда святой Киприан, – думают, что Бог помилует и их. Не помилует, доколе не обратятся к Церкви. Кто не имеет Церковь матерью, тот не может иметь отцом Бога».

Но, если участь отлученных от Церкви так плачевна, то не нарушается ли отлучением их закон любви, повелевающий щадить заблудших? Нимало.

## **2. Суд, произносимый ныне Церковью, будучи судом страшным, есть вместе и суд любви.**

Свойство каждого действия, братие, познается из побуждений, расположивших к действию, средств, при сем употребленных, и цели, для которой оно предпринято.

Итак, что побуждает Церковь – эту любвеобильную мать, которая вседневно призывает на самых строптивых чад своих благословения Божий, что побуждает ее ныне изрекать проклятия? Во-первых, необходимость указать падшим чадам своим ту глубину зол, в которую низринуло их суемудрие. Будучи терпимы в недрах Церкви, они могли бы успокаивать свою совесть тем, что заблуждения их не заключают еще в себе неизбежной гибели для их души, что образ их мыслей еще может быть совмещен с духом Евангелия, что они, по крайней мере, не так далеко уклонились от общего пути, чтобы их почитать уже совершенно заблудшими. Самолюбие их могло бы еще находить для себя пищу в том, что они, принадлежа к



обществу христиан, думают, однако же, о предметах веры не так, как другие христиане. После сего, что оставалось делать Церкви? Именно то, что она делает теперь: поразить суемудрие ужасом и бесславием анафемы! Изводя на позор заблудших, Церковь сим самым отнимает у заблудших прелесть особенной мудрости, коей они обольщают; поражая их именем Божиим, она отнимает надежду на безопасность; противопоставляя исповедание Вселенской Церкви суемудрию частных людей, обнажает ничтожность последнего. Пусть заблудшие продолжают питать, если угодно, свои заблуждения – Церковь не связывает их ума, но она сделала свое дело, указала им ту бездну, в которой они находятся, заранее произнесла над ними суд, который, в случае нераскаянности, постигнет их за гробом.

Таким образом, анафема есть последний предостерегающий глас Церкви к заблуждающимся. Но глас предостережения, братие, как бы громок ни был, не есть ли глас любви?

Что еще побуждает Церковь произносить ныне проклятия? Необходимость предостеречь верных чад своих от падения. Известно, что заблуждения в устах и писаниях «людей погибельных» (Ин. 17:12) имеют нередко вид самый обольстительный: все опасные стороны бывают прикрыты искусным образом; напротив, мнимополезные следствия их, кои существуют только на словах, изображены бывают со всей привлекательностью, так что ум простой невольно и неприметно соблазняется ими. Подробные, ученые опровержения сих заблуждений (хотя и в них нет недостатка для знающих), были бы превыше разумения многих членов Церкви. После сего что оставалось делать Церкви? То, что она делает теперь: выставить на позор заблуждения в их отвратительной наготе и, представив их гнусность пред очи каждого, поразить их проклятием.

Позволяй, после сего, если угодно, воображению твоему обольщаться цветами, коими украшаются заблуждения: Церковь внушила тебе, какие ехидны скрываются под сими цветами; она невинна, если погибнешь от их яда.

Но, может быть, средство, употребляемое Церковью для вразумления падших и предостережения стоящих, слишком жестоко? Средство это – анафема. Итак, что такое анафема? Анафема есть одно из духовных наказаний, самое последнее и потому самое тяжкое. Произнести анафему на кого-либо – значит отлучить его совершенно от общества верующих, лишить всех преимуществ христианина, объявить человеком богопротивным, осужденным, если не раскается, на погибель, достойным того, чтобы все избегали его, как язвы. В сем разуме употребляет слово **анафема** апостол Павел, когда говорит: «аще кто вам благовестит паче, еже приясте, анафема да будет» (Гал. 1:9), то есть смотрите на него, как на врага Божия. Такое же значение слова анафема находится у Иустина мученика (Ответ 21 к православным), святителя Златоуста (Беседа 16, на Послание к Римлянам), блаженного Феодорита (В толковании на 1Кор. 16:22), Феофилакта и других отцов Церкви. Таким образом, анафема есть, как мы сказали, самое страшное действие церковной власти: это в некотором смысле – казнь духовная, ибо подвергшийся проклятию мертв для Церкви. Но казнь сия отнюдь не то, что казнь телесная. После казни телесной не воскресают для здешней жизни, а после сей казни духовной всегда можно воскреснуть для жизни духовной через истинное покаяние. Таким образом, анафема, даже как казнь, растворена любовью христианскою. У отлученных не отнимается средств к покаянию, они в величайшей опасности, ибо лишены покрова благодати, но для них еще не все потеряно. Двери милосердия, столько раз для них напрасно отверзавшиеся, еще могут быть отверсты. Оставь заблуждение, обратись с искренним покаянием к Церкви, – и она не отринет молитв кающегося.

И как может Церковь отринуть их, когда в сем именно – в обращении заблудших и состоит главная цель проклятий, ныне изрекаемых? О ты, который соблазняешься мнимой строгостью церковных правил, ты -да не оскорбится твое самолюбие – и слеп, и глух. Точно таков! Иначе ты видел бы, как Церковь ныне со всеми чадами своими преклоняет колена пред Господом Иисусом; слышал бы, как собственными заслугами Его умоляет,

дабы Он дал дух покаяния тем, кои за свою нераскаянность подвергаются анафеме. Ибо чем начинается Церковь торжественный обряд, ныне совершаемый? Молитвами об обращении заблудших. Чем оканчивает оный? Теми же молитвами. Уступая необходимости, как судия, она произносит осуждение; покорствуя любви, как мать, она призывает Духа Божия на осужденных. Проклятые могли бы пасть под тяжестью клятвы; и вот, сила проклятия, так сказать, со всех сторон ограждена силами молитвы, дабы первая действовала не более, как сколько нужно для спасения осужденных.

Итак, братие, вместо того, чтобы пререкать настоящему суду Церкви и почитать его или недействительным, или чрезмерно строгим, каждый член Церкви обязан обратить ныне внимание на самого себя и рассмотреть свою совесть. "Вы, – писал некогда апостол Павел к Коринфянам, – ищите доказательств на то, Христос ли мною говорит. Испытайте лучше самих себя, в вере ли вы? О нас же, надеюсь, узнаете, что мы то, чем быть должны» (2Кор. 13:3, 5–6). То же самое, братие, имеет право сказать ныне и Церковь некоторым чадам своим. Вы, маловерные или неверные чада, вы ищите доказательств на то, Христос ли ныне говорит мною, когда я изрекаю анафему, не уклоняюсь ли я в сем случае от Духа Христова, Духа мира и любви? Испытайте лучше самих себя: в вере ли вы? В вере ли вы, когда не утверждены в той мысли, что Церковь, «столп и утверждение истины» (1Тим. 3:15), никогда не может поколебаться в основании своем, которое всегда было и будет любовь? В вере ли вы, кои питаете предосудительное желание, чтобы Церковь не возвышала более гласа своего для поражения заблуждений, когда враги истины едва не к небу простирают хульные уста свои, дабы изрекать поругание и соблазны? «Испытайте самих себя, в вере ли вы?» (2Кор. 13:5). Я для того и совершаю ныне Торжество Православия, для того и провозглашаю в слух всех исповедание Вселенской Церкви, дабы вы рассмотрели свою совесть, сохраняется ли в ней невредимым залог веры, данный вам при Крещении, не нарушена ли целостность его богопротивными мудрованиями о вере, тем паче богопротивной жизнью и делами

студными? «Испытайте самих себя, в вере ли вы?» (2Кор. 13:5). Когда вы будете укоренены в вере, как должно, когда одушевит вас дух истинной, живой любви христианской: тогда, надеюсь, без всяких доказательств, узнаете обо мне, что я то, чем быть должна – судия и мать, заступница пред Богом кающихся и провозвестница Суда Божия над нераскаянными.

Желаешь ли, христианин, яснее видеть, чего требует от тебя Церковь, призывая тебя ныне к участию в священном обряде, ею совершаемом? Внемли! Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный.

Итак, не оставайся хладнокровным слушателем оногo, рассмотри со вниманием свою веру и свою жизнь, не падает ли, прямо или непрямо, проклятие Церкви и на тебя. Не ограничивай силы сих проклятий одними наглыми заблуждениями ума: греховная жизнь еще более заслуживает проклятия, нежели неправая вера. Помни, что сказано апостолом: «аще кто не любит Господа Иисуса Христа, да будет» анафема! (1Кор. 16:22). Но тот, кто ведет жизнь нечистую, очевидно, не любит Господа Иисуса. Итак, блюдись, не поражает ли анафема сия и тебя – твои грехи, твою нехристианскую жизнь.

Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд страшный. Итак, христианин, убегай, сколько возможно, убегай тех людей, кои питают в себе заблуждения, осуждаемые Церковью, уклоняйся тех собраний и бесед, в коих проповедуется нечестие и рассеиваются неправые толки о вере, смотри с отвращением на писания, в коих содержатся подобные суемудрия, старайся исторгать их из рук тех, кои подчинены твоему управлению.

Суд, произносимый ныне Церковью, есть суд любви. Итак, смотри на него очами любви, внимай ему слухом любви. Разделяй с Церковью ее молитвы о заблудших, не забывай упоминать о них в собственных молитвенных беседах твоих с Богом; проси им духа покаяния и смиренного мудрия. Символом образом ты покажешь истинную любовь твою к заблуждающимся братьям твоим по человечеству, а не тем, чтобы пререкать спасительной строгости церковных правил. Аминь.

## Слово второе в неделю Православия

«Пречистому образу Твоему поклоняемся, Благий, просяще прощения прегрешений наших».

И как не поклоняться тому образу, который представляет нам дражайшего Спасителя нашего в том виде, как Он, Бог сый беспредельный, из любви к нам, бедным грешникам, облекся плотью нашею и соделался навсегда, яко един от нас? Не чествовать и не лобызать с благоговением тот образ, пред коим благоговеют Архангелы и Ангелы, коего трепещут духи злобы, в коем природа наша красуется всею славою Божества? Если мы дорожим изображениями людей, близких к нашему сердцу, или великих благодетелей человечества; любим часто смотреть на них; ставим их на самые почетные места, а иногда лобызаем их, то как не хранить и не чтить образ Того, Кто пролил за нас на Кресте кровь Свою, Кто освободил нас от греха и смерти вечной, возвратил нам рай и доставил Царство Небесное?

Было, однако же, время, когда это поклонение стоило крови и жизни поклоняющимся, когда не только поклоняться образу Спасителя, даже иметь его у себя вменялось за преступление самое тяжкое. И так поступало было не у язычников, не у магометан, не у евреев, а между христианами, в державе, издревле славившейся усердием к вере и Уставам Церкви! И такое безумие продолжалось не год, не два, не три, а более ста лет!.. Когда представляешь теперь себе все это, то не знаешь, что думать и чем изъяснить ослепление столь ужасное!

Ибо что такое сделали святые иконы, чтобы им быть предметом гонения, столь лютого и продолжительного? Что некоторые из христиан, по простоте своей, простирали благоговение и усердие свое к ним до излишества, останавливаясь мыслию своею на изображении, вместо того, чтобы восходить через него к изображаемому? Но по этой причине надобно было бы сокрушить все иконы и в великом храме природы; надлежало бы погасить на небе солнце, луну и все звезды, а на земле истребить источники и реки, горы и леса, самых животных, ибо все это было, и доселе служит для целых

народов, предметом не только суеверного почтения, но и обожания. И, однако же, храм природы, несмотря на такое злоупотребление, доселе полон иконами, как был в начале мироздания. Зачем же близорукой мудрости земной не подражать было в сем отношении мудрости небесной?

Много ли, впрочем, из самых простых христиан таких, кои какую бы то ни было икону принимали прямо за лицо, ея изображаемое, и думали, что древо и краски составляют самое Божество? Такого человека надобно долго искать, и при надлежащей беседе с ним редко не окажется противного: то есть, что он не умеет только выразить своих понятий, как должно, а не то, чтобы не умел отличить иконы от лица, ея изображаемого. Что же касается до других людей, самых простых и непросвещенных, то их усердие и любовь к святым иконам могут казаться некоторым простирающимися до излишества именно потому, что в этих судиях самих слишком уже мало усердия не только к святым иконам, а и к святым лицам, на них изображенным.

И разве нет целого сословия пастырей и учителей Церкви, которое на то истое и учреждено, дабы вразумлять погрешающих, руководствовать немощных? При таком руководстве, святые иконы суть одно из наилучших средств к научению православного народа святым истинам веры. Это самые вразумительные письма для тех, кои не знают письмен. поскольку же таковых всегда и везде большая часть, то лишить храмы святых икон, значит лишить целый народ одного из самых действительных способов к наставлению его в вере. Что может сравниться с назидательностью святого храма, украшенного, по-надлежащему, святыми иконами?

Вступая в священное окружение его, человек невольно отделяется мыслью и чувствами от всего греховного мира; вступает как бы в видимое сообщество святых; переносится духом в Церковь праведников, на небесех написанных. Что ни взор, то благочестивая мысль или святое чувство. Благоразумно ли закрыть сей источник святого воодушевления? И чем заменить его? Искусственными ли колоннами, картинами, изображениями природы? Но они возбудят в тебе удивление к

художнику, а не к Господу; тогда как икона, даже безыскусственная, прямо заставляет думать о Святом. Не перед иконами ли и не их ли действием решалась судьба людей, даже целых народов?

Вспомните Марию Египетскую: кто возбудил в душе ее святое дерзновение обещать пред Богом исправление своей жизни? Взор на икону Богоматери, стоявшую над дверьми храма Иерусалимского. Равно не память ли о сей иконе и обете, пред нею произнесенном, поддерживала ее потом в продолжение четырехдесятилетних, невероятных подвигов пустынных?

Судьба всего нашего Отечества в отношении к вере также решилась, можно сказать, ничем другим, а святою иконою. Ибо что особенно подействовало на святого Владимира, в пользу восточного Православия, когда он колебался и недоумевал в избрании веры? То, что греческий философ, убеждавший его к принятию христианства, заключил убеждения свои представлением пред великого князя картины Страшного суда. Святая икона прекратила наше колебание; святая икона сделала нас христианами, и притом православными. После сего, если бы и все прочие народы христианские, по нерассудной гордости, перестали поклоняться иконам, то православному отечеству нашему, из одной благодарности, подобало бы никогда не оставлять к ним должного почтения.

И как перестать почитать святые иконы, когда употребление их утверждено примером Самого Иисуса Христа и Его апостолов? Когда важность и святость их запечатлены чудесами и знамениями, от них происходящими? Если бы поклонение иконам было противно духу веры и благочестия; то Спаситель не стал бы отпечатлевать лица Своего на убрусе и не посылал бы его к Авгарю, ибо мог ли Авгарь не облобызать сего образа и не поклониться ему? Равно как мог ли Пославший не знать, что сделают с тем, что послано? Если бы изображения святых заключали в себе что-либо не святое, то евангелист Лука не подал бы первый примера изображать на иконе лик Богоматери, ибо ему, водимому Духом Святым, нельзя было не предвидеть, что лик Богоматери, из-под его апостольской кисти, не замедлит

сделаться предметом всеобщего благоговения, и что пример живописующего евангелиста не останется без подражателей в Церкви Христовой. Наконец, если бы иконопочитание было несообразно со свойством Нового Завета, то благодать Святого Духа не избирала бы икон в видимое орудие своих чудесных действий, совершая через них различные исцеления.

Так мыслили древние защитники иконопочитания, и проливали за святые иконы кровь свою. А мы, братие, поклоняясь невозбранно святым иконам, будем проливать перед ними, по крайней мере, благодарственные молитвы за то, что Промысл Божий не дал злу иконоборства утвердиться в Православной Церкви, как оно утвердилось, к сожалению, в некоторых обществах христианских.

Но что приобрели сии общества, отвергнув необдуманно почитание святых икон? Возвысились в понятиях о предметах веры? Напротив, видимо приблизились к опасности потерять веру в самые существенные догматы христианства и охладели в чувстве до того, что с равнодушием слушают и читают самых ожесточенных хулителей имени Христова. Где же мнимая выгода от неиконпочитания? Разве в том, что храмы начали походить своею внутренностью на места простых собраний, так что их завсегда тотчас можно обратить на какое угодно употребление?.. И недалъновидные, обнажив безрассудно церковь свою, думали укрыться с сей наготою под сенью заповеди Моисеевой: «не сотвори себе кумира всякого подобия... да не поклониши им, ни послужиши им»! (Исх. 20:4–5). Но богомудрый законодатель еврейский запрещает, очевидно, те кумиры и изваяния, кои были в употреблении у язычников, и представляли собою их божества нечистые, но не запрещает священных изображений предметов святых. Доказательство последнего суть золотые изображения Херувимов, кои, по повелению Самого Бога, поставлены Моисеем в скинии свидения, и притом в святейшем ее месте – над ковчегом Завета, куда именно обращались лицом все молящиеся.

И кто из нас, устрояя икону, думает творить кумир или подобие Божие? Кто надеется изобразить Безпредельного и



Неописанного? Мы только напишем те образы, в коих Господь и Создатель наш благоволил видимо являться нам, своим тварям. Так, мы изображаем Бога Отца в виде старца, потому что Он в видениях пророка Даниила представляется Ветхим днями. Так изображаем Святого Духа в виде голубя и в виде огненных языков; потому что в первом виде Он сошел на Сына Божия во Иордане, а во втором – на апостолов в день Пятидесятницы. Что тут предосудительного? Что касается до Сына Божия, Спасителя нашего, то можно ли не изображать Его в образе человеческом, когда Он принял сей образ на Себя на всю вечность? А изображая так, можно ли не поклоняться сему образу, когда Им спасены мы и весь мир?

Итак, с какой стороны ни рассматривать почитание святых икон, оно представляется достойным всякого уважения, одним из благолепных украшений церкви, из действительнейших средств к назиданию в вере и добрых нравах. После сего остается только с благодарностью правильно пользоваться сим средством, стоившим так дорого защитникам иконопочитания, кои полагали, и многие положили, за него души свои. То есть, как пользоваться?

Обращая молитвы, прошения и благодарения свои не столько к иконам, сколько через них к тем святым лицам, кои на них изображены; возбуждаясь зрением святых лиц и их святых подвигов, на иконах изображенных, к подражанию их вере и добродетелям; не простирая чествования святых икон до обожения вещества, их составляющего, и не приписывая им других необыкновенных качеств, кроме тех, кои зависят от невидимой благодати Божией, через них действующей.

Пользующиеся таким образом святыми иконами по опыту знают, какая великая польза от того душе; а непользующиеся, неудивительно, если не знают сего. Последним посему можно и должно сказать и теперь то же, что сказано было, как повествует ныне чтенное Евангелие, апостолом Андреем, брату его Нафанаилу: «прииди и виждь»! (Ин. 1:46). Аминь.

## Слово третье в неделю Православия

Что бы это значило, что возглашаемые ныне Церковью анафемы, все упадают на суемудрие и ереси, и ни одна не поражает нечестия и порока? Ужели жизнь нечестивая менее противна Евангелию, нежели вера неправая? Нет, порок нераскаянный еще преступнее неверия упорного. Если же он не поражается ныне анафемою, то потому, что о преступности его никогда не было и спору; ибо все и всегда, и православные и самые еретики, единодушно признавали, что жизнь беззаконная и нечестивая, сама по себе, есть уже анафема.

Не довлеет ли убо по сему одному обстоятельству поразиться стыдом и ужасом всякому нераскаянному грешнику? Но чтобы спасительный страх сей был тем сильнее и действительнее, раскроем Священное Писание и прочитаем из него те места, в коих изрекается горе и проклятие на грех и пороки.

Послушаем, во-первых, вождя народа Божия, законодателя синайского, Моисея. Он, по свидетельству слова Божия, «был человек кротчайший, паче всех человек сущих на земли» (Чис. 12:3). Что же говорит сия кротость грешникам? «Проклят безчестяй отца своего или мать свою. Ирекут вси людие: буди. Проклят прелагаяй пределы ближняго своего... Проклят прельщаяй слепаго в пути... Проклят, иже уклонит суд пришелцу и сироте и вдове... Проклят бияй ближняго с лестию... Проклят, иже возмет дары поразити душу крове неповинныя... Проклят всяк человек, иже не пребудет во всех словесех закона сего, еже творити я. И рекут вси людие: буди» (Втор. 27:16–19, 24–26). Вот что и в другом месте говорит Моисей, или лучше, его устами Сам Господь, ко всему народу Израильскому: «И будет аще не послушавши гласа Господа Бога твоего хранить и творити вся заповеди Его, елики аз заповедаю тебе днесь, и приидут на тя вся клятвы сия и постигнут тя: проклят ты во граде и проклят ты на селе, прокляты житницы твои и останки твои, проклята исчадия утробы твоя и плоды земли твоя, стада волов твоих и паствы овец твоих, проклят ты внегда

входити тебе и проклят ты внегда исходити тебе» (Втор. 28:15–19).

Видите, сколько анафем, и за что они? Не за ереси и расколы, а за нарушение закона Божия, за жизнь, во грехах не раскаянную.

Но, может быть, такая строгость против порока была принадлежностью одного Ветхого Завета, который, сообразно строгому внутреннему характеру своему, и дан был на Синае, среди молний, бурь и громов; может быть, в Завете Новом, яко Завете милости и благодати, менее ужаса и страха для грешника нераскаянного, так что, по надежде на заслуги Христовы, можно до конца жизни предаваться безпечно своим похотям и страстям?

Но, братие мои, мыслить таким образом не значило ли бы не понимать, унижать, оскорблять достопоклоняемую благодать Божию, и, по страшному выражению апостола Христова, прелагать ее "в скверну"? (Иуд. 1:4). Ибо скажем и мы вместе со святым Павлом: «Христос... греху ли служитель? Да не будет»! (Гал. 2:17). Если в Новом Завете благодать «преизбыточествова там, идеже... умножися грех» (Рим. 5:20), то не для того, чтобы сим преизбытчеством своим питать и укреплять в человеках беззаконие, а чтобы подавить его, изгладить и упразднить. Кровь Иисуса Христа очищает и спасает от всякого греха, но кого? Не всякого грешника, а только тех, кои, сокрушаясь о своих грехах и приемля во имя Исккупителя прощение в них, употребляют и со своей стороны все средства к освобождению себя от постыдного плена страстей. Для грешников же нераскаянных и в Новом, так же как и в Ветхом Завете, нет ни благодати, ни помилования.

Чтобы сии грозные истины не показались кому-либо нашим собственным рассуждением, обратимся паки к Писанию, и послушаем, что в Новом Завете говорится против пороков. «Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко одесятствуете мятву и копр и кимин, и остависте вящшая закона: суд, милость и веру»! (Мф. 23:23). Вот анафема против ложной набожности! «Горе вам, книжницы и фарисее, лицемери, яко подобитесь гробом повапленным, иже внеуду убо являются красны,

внутриуду же полни суть костей мертвых и всякия нечистоты»! (Мф. 23:27). Вот суд на лицемерие! «Горе... имже соблазн приходит... уне есть человеку тому, да обесится жернов оселский на выи его, и потонет в пучине морстей»! (Мф. 18:7, 6). Вот анафема на соблазнительей! Горе «вам богатым: яко отстоите утешения вашего»! Вот суд на богачей неправедных и жестокосердных! «Горе вам, насыщении ныне: яко взалчете»! Вот приговор против сынов роскоши и неги! «Горе вам смеющимся ныне: яко возрыдаете и восплачете»! Вот гром против безумных радостей мирских! «Горе, егда добре рекут вам вси человецы»! (Лк. 6:24–26). Вот стрела против тщеславия и суетной похвалы человеческой!

Видите, с какой силой и строгостью поражается в Новом Завете даже то, что по суду мира не только не ставится в порок, но почитается иногда за добродетель. И из чьих уст исходит столько горя и осуждения? Из уст сладчайшего Иисуса, из уст Того, Кто Сам есть и единственный виновник, и податель всякой благодати. Он ли произнесет горе излишнее?

Хотите ли еще выслушать, что говорит о грешниках апостол Павел, тот апостол, который столько исполнен был любви к ближним, что желал за спасение погибавшей братии своей сам быть отлученным от Христа? Павел поражает анафемой не только явный порок и явную нераскаянность, но и самую холодность к вере, недостаток сердечного расположения и любви к Господу и Спасителю нашему. «Аще кто не любит Господа Иисуса Христа», – говорит он, – «да будет проклят»! (1Кор. 16:22). После сего какой грех и какой порок будут свободны от анафемы? Ибо любит ли Господа Иисуса тот пастырь, который служит алтарю потому только, что питается от алтаря, и нерадит о спасении душ, ему вверенных?

Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса тот судия, для которого на суде дороги не правда и невинность, а мзда и лицепритие? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса тот властелин, который кровавые труды подвластных себе расточает на роскошь и прихоти? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса тот богач, который, имея всю возможность облегчить

участь меньшей братии своей и вместе Христовой, жестокосердо «затворит утробу свою» (1Ин. 3:17) при виде брата требующего? Итак, он под анафемою Павловою! Любит ли Господа Иисуса отец, не радеющий о воспитании детей и подающий им пример худой? Супруг, не соблюдающий взаимной верности и не переносящий взаимных недостатков? Дети, не оказывающие уважения родителям и старшим? Любят ли Господа Иисуса все невоздержные, все гневливые, все злоречивые, все гордые, все грешники? Итак, все они под анафемою; ибо, «аще кто не любит Господа Иисуса Христа, тот, по словам святого Павла, проклят"! (1Кор. 16:22). И что же обещать таковым душам нераскаянным? Ужели рай и блаженство на небесах?

Скажет ли кто-либо, что «жестокое есть слово сие»? (Ин. 6:60). Но для кого оно жестоко? Для тех, кои не хотят любить Того, Кто Сам есть весь любовь. Кто умер за грехи наши и воскрес для оправдания нашего. И что же остается таковым, как не суд и осуждение за грехи их? Для кого жестоко сие слово? Для тех, кои до того прилепились к соблазнам мира, до того заглушили в себе глас совести и закона, что решились, как видно, навсегда продолжать жизнь нечистую и богопротивную.

Возблагодарим лучше Господа, что от нас не сокрыта ужасная участь, ожидающая грешников, и ясно показано, что, в случае нераскаянности, постигнет нас за гробом. Если сама любовь небесная гремит над нами громом анафемы, то для того, чтобы возбудить нас от смертного сна греховного.

Будем признательны сей заботливости о нас и, возвратившись в дома наши, вместо того, чтобы предаваться праздным разговорам о том, как возглашалась во храме анафема, рассмотрим, не подлежит ли анафеме что-либо в наших нравах и нашей жизни. И если найдем что-либо таковое, поспешим удалить от себя, как бы то ни казалось нам любезным и драгоценным, дабы в противном случае не подпасть наконец той страшной анафеме, от коей уже не будет спасения в самом покаянии и заслугах Христовых. Аминь.

## Слово четвертое в неделю Православия

Священнодействие, нам теперь предстоящее, так разительно само по себе, столько содержит в себе силы и назидания, что не имеет никакой нужды в помощи от нашего слова. Думать, что ему можно придать что-либо посредством витийства, значило бы то же, как если бы при наступлении тучи кто-либо вообразил, что силу небесных громов можно увеличить шумом своих уст. Но, может быть, бесполезно будет для некоторых, если мы объясним кратко и скажем, откуда возникла сия, благотворная сама по себе, но страшная и громоносная туча, и почему она ежегодно появляется в настоящий день на ясной и мирной тверди Церкви Христовой.

Когда богопротивные ереси, восстававшие безумно против Божественности Лица Сына Божия и Пресвятаго Духа, пали и принуждены были возвратиться в свое ничтожество, то враг Бога и человеков, который не возмог уязвить самых достопоклоняемых Лиц Божества, вздумал напасть на Их священные изображения в Церкви и, во утешение себе, измыслил злочестивую ересь иконоборства. Для успеха в злом замысле он, по обыкновению своему, преобразился в Ангела света, принял личину святой ревности, якобы по чистоте веры христианской, внушая, что поклонение святым иконам ставит христианина наряду с идолопоклонниками. Напрасно богомудрые пастыри Церкви учили и утверждали, что святые иконы отнюдь не то, что истуканы идольские, что почесть, им воздаваемая, воздается не бездушному веществу, не древу и краскам, а переходит на первообразное, то есть, на святые лица, ими изображаемые. Ослепленные духом тьмы, иконоборцы не хотели видеть и слышать истины. Улучив в свои руки власть, они не замедлили от слабых и ничтожных возражений своих обратиться к насилиям и гонению за православных, кои лучше соглашались расстаться с жизнью, нежели со святыми иконами. Начались жестокости и казни, напоминавшие собою первые времена мученичеств за Христа. Одним из любимых варварств у гонителей святых икон было,

посредством раскаленного железа, начертывать их изображения, на лице их почитателей: отсюда в лике святых Феодоры и Феофаны, так называемые, Начертанные.

Может быть, насилие и обольщение взяли бы, наконец, верх над слабостью человеческой. Но Тот, Кто основал и утвердил Церковь Свою не чуждыми заслугами, а кровью Своею и вверил судьбу ее не мудрости и произволу человеческому, а вседействующему промыслению Духа истины, Тот не попустил чадам ее искушиться паче, нежели могли понести, но сотворил «со искушением и избытие» (1Кор. 10:13). После долговременной и упорной борьбы истины с заблуждением, власть и могущество гражданские перешли, наконец, из рук еретиков; вместе с тем исчезла и вся сила ереси. Святые иконы, омытые кровью святых исповедников, явились в большей прежнего красоте. Чтобы увековечить победу Православия над его врагами, Святая Церковь постановила ежегодно воспоминать и праздновать восстановление святых икон в настоящий день, яко день первого, по сему случаю, торжества ее. А для того, чтобы посеченные мечом слова Божия и прежние ереси не дерзнули со временем поднять снова мрачной главы своей, положено ежегодно в настоящий же день поражать каждую из них снова анафемой.

Таким образом, воздвигнутое духом злобы гонение на святые иконы обратилось к величайшему его посрамлению и послужило утверждению не только святых икон, но и всех истин веры христианской. Не без важной посему причины и не без благотворной цели гремит ныне анафема. Она гремит для того, дабы верные чада Церкви еще более утвердились в своей вере; дабы неверные и легкомысленные имели побуждение прийти в себя и возвратиться на путь правый.

Будем же, братие, присутствовать при сем священнодействии в том самом духе, с коим установила его Святая Церковь. Обратим внимание на свой образ мыслей о предметах веры, и если он в чем-либо не согласен с правилом веры, указуемым Церковью, поспешим оставить неправое. А те, у коих драгоценный залог веры обрящется цел и невредим, да прольют вместе с Церковью теплые молитвы о возвращении на

путь правый заблудших братий своих. Ибо Церковь Христова, яко нежная мать, не хочет погибели никому из самых строптивых чад своих, но да вси приидут в покаяние и единство веры и любви. Аминь.



## Слово пятое в неделю Православия

Если бы кто из непочитающих святые иконы принял труд быть свидетелем настоящего нашего Богослужения и видеть, что совершается ныне в храмах наших в честь святых икон, то, вероятно, не усомнился бы признать, что нельзя оказать им почтения более того, какое оказывается нами. Ибо мы не только воспеваем ныне в честь святых икон множество песней хвалебных, не только износим их с торжеством на среду храма и совершаем пред ними благоговейное поклонение, но и возглашаем, наконец, грозную анафему против тех, кои, по-неразумию, дерзают сравнивать святые иконы с истуканами языческими.

Но, братие мои, среди нашего торжества в честь святых икон мне слышится некая жалоба на нас от сих же святых икон. Возносится она, правда, не из храмов, а из домов, и притом не всех; но жалоба святых икон, откуда бы она ни происходила, должно быть выслушана, особенно в день настоящий.

В чем состоит она? В том, – отвечают святые иконы, – что из некоторых христианских домов мы уже вовсе изгнаны; а в некоторых, хотя и остаемся до времени, но приведены в такое стесненное положение, что почти лучше нам не быть в них, дабы избавить и себя от уничтожения, и владельца дома от тяжести, которую мы составляем для него.

Хотя жалоба от святых икон могла бы быть принятой и уваженной без особенного предварительного расследования, но, чтобы явить совершенное беспристрастие, пойдем в сии дома, – войдем, например, в этот. Но тут, кажется, должно быть противное, ибо домовладыка любит изображения; ими увешаны все стены; даже мнимые победы над нами галлов нашли себе там, и не малое, место. Ужели не найдется его тут хотя для одной святой иконы? Увы, смотрю на все стороны и не нахожу ни единой! Что бы значило это? Не переменял ли хозяин дома своей веры? Нет, он по-прежнему пишется православным христианином. Так, может быть, у него недостаток в иконах... Но, кто приобрел десять Наполеонов, тот мог приобрести одного

Спасителя или Матерь Его... Навожу справку: оказывается, что многими иконами снабдило хозяина дома еще благочестие предков его. Куда же они девались? Проданы или сокрыты. Отчего и для чего? Потому, что недавно последовало строгое запрещение иметь, тем паче показывать в доме святые иконы. От кого? От новой повелительницы – моды... Ей, всевластной, не угодно видеть в домах икон; -и их нет!

Горе сему дому – моды! Не долго цвести и стоять ему твердо с ее преиспещренным ликом!..

Пойдем в другой двор, например, вот в этот. Есть ли в сем доме святые иконы? – Есть и немало. Укажите же, где они? – Вон там. – Но их не видно. – Подойдите ближе, присмотритесь – и увидите. Точно, это икона: но что значит такая ее малость? Скудость способов хозяина дома? Всего менее; его дом похож на чертоги владельческие. Недостаток места в помещении? Но его явно стало бы не на одну икону. Тайна в другом: хотят иметь иконы, чтобы не показаться вовсе отставшими от святого обычая предков, но иметь в таком виде, чтобы это, как говорят, не бросалось в глаза. Но, что же худого, если святая икона будет заметна? О, вы не знаете, это значило бы подвергнуться крайней опасности. От кого? От той же всевластной повелительницы – моды. Малую, неприметную икону, она еще может стерпеть и покрыть своим великодушием, а большой, заметной, уважаемой – этого преступления она не простит никогда. Имеющего такую икону тотчас, без суда и справок, почтут и провозгласят человеком худого тона, не знающим вкуса, не умеющим жить в свете. Что же после сего долго думать? Прочь прежние, большие, видимые иконы! Наделаем малых, невидимых! Мы – люди образованные!..

Судите после сего сами, братие мои, есть ли причина подозревать, что и у нас не без некоего гонения на святые иконы. Нетрудно видеть, и где источник его, и кого должно назвать у нас врагом святых икон. Это не человек какой-либо, как бывало прежде, во времена иконоборства, а одно пустое и праздное имя, праздное, но ужасное по своему действию на тех, кои не имеют и столько, не говорим усердия к вере и

Святой Церкви, а простой и обыкновенной твердости духа, чтобы не убояться стать против моды!..

Что же нам делать?

Поелику ныне день суда церковного, то, призвав на помощь здравый смысл, не усомнимся произнести хотя краткое суждение касательно сего предмета, – не с тем, чтобы осуждать и упрекать кого-либо, а чтобы предоставить случай некоторым, не до конца ослепленным модою, возвратиться из добровольного, и по тому самому еще более постыдного, плена ее.

Скажи нам, всевластная повелительница – мода, что сделали тебе святые иконы, что ты так враждуешь против них? Отнимали у тебя в жилищных православных христиан место, предназначенное тобою для чего-либо, тебе нужного? Но место, которое занималось иконами, при всей изобретательности твоей, доселе остается пусто, и ты ничем не можешь занять его с приличием. Значит, ты враждуешь против святых икон напрасно.

Или, может быть, присутствие на своем месте святых икон отняло бы часть совершенства у твоих украшений комнатных, придуманных по последнему вкусу? Но что препятствует сей же самый вкус приложить благоговейно к размещению и украшению святых икон? Тогда они, кроме назидания, послужили бы еще полноте благолепия, о коем столько у тебя заботы. Или, может быть, ты, домовладыка, опасаясь, что какой-либо иноверец из икон в доме твоём заключит, что ты почитаешь святые иконы и принадлежишь к Церкви Православной? А кто же из иноверцев и без того не знает о сем? Для избежания сей опасности (если она уже существует для тебя) надобно было оставить не иконы, а самую веру и Церковь. Или, наконец, не боишься ли, чтобы кто-либо среди увеселений, бывающих в чертогах твоих, не остановил своего взора на святой иконе, и не опустил потом очей долу? А разве не бывает сего и от других причин? Как бы ни умножал ты трубы и тимпаны, не можешь удалить сих причин от души человеческой. Потерпи же наряду с другими и благое впечатление от святых икон, кои, может быть,

твоего же сына или дочь в подобном случае оградят невидимо от падения душевного.

Как вам, братие, а мне, сколько я ни думаю, кажется, что причин к удалению и даже к умалению святых икон в домах наших нет; с другой стороны, сколько побуждений к восстановлению их в прежнем надлежащем виде! Ибо скажи нам еще, мода, давно ли ты появилась на свет и захватила в свои нечистые руки скипетр домашнего самодержавия? Вся твоя жизнь исчисляется немногими десятками лет, а святые иконы существуют у нас от начала христианства. Как же ты, малолетнее и малограмотное дитя, не усрамишься священных седин тысячелетнего старца? И не ты ли притворяешь в себе любовь к древности всякой, тем паче отечественной, роешься с примерным терпением под землю, дабы достать, как сокровище, то, что за несколько веков брошено было, может быть, на землю, как негодное к употреблению? Не следовало ли бы тебе уже по одному этому хранить благоговейно святые иконы, пред коими молились, и в часы счастья, и в годину искушений, отцы и праотцы наши? Далее, мода, скажи нам, кого когда спасла ты и от какой избавила опасности? Где царство, тобою утвержденное? Где дом, от тебя процветший? Многие, напротив, погибли, и вероятно еще множайшие погибнут, от твоих прихотей. Посмотри же, что сделали святые иконы? Икона Суда Страшного обратила великого князя Владимира, и с ним всю Россию, от идолов к Богу истинному; икона Спасителя доставила Андрею Боголюбскому победу над болгарами; икона «Знамения» Богоматери защитила беззащитный Новгород; икона Богоматери «Владимирская» обратила вспять Тамерлана с его воинством; икона Богоматери «Казанская» избавила царствующий град Москву от плена литовского и спасла Россию. Видишь ли, мода, что сделали святые иконы? В них история, в них спасение нашего Отечества. Укажи же нам, что ты сделала? А мы тотчас можем указать тебе на дома, прежде цветущие, а теперь, по милости твоей, покрытые стыдом и бедностью; на семейства, прежде мирные и благословенные, а теперь, от рабства тебе, дошедшие до того, что сын восстает на отца, брат не может видеть сестры.

Но что спорить с бездушным словом и убеждать ветер? Обратимся к владыке дома.

Итак, ты, возлюбленный, стыдишься показать в твоём доме святую икону, а мать твоя не стыдилась, когда, рождая тебя, для облегчения мук смертных, взирала на святую икону и поручала тебя ей в охранение на всю жизнь. Ты стыдишься теперь показать в своём доме святую икону, а ту самую минуту, когда все оставляло тебя и ты казался погибающим, не ты ли становился пред нею на колени, со слезами просил Бога о помощи и давал обеты вести себя по-христиански? Стыдишься показать в своём доме святую икону, а не она ли, эта икона, теперь заброшенная во мрак, станет у главы твоей на страже, когда ты будешь лежать во гробе – мертв и бездыханен?

Не продолжим прения – дело ясно! Справка верна; свидетели с обеих сторон выслушаны; возражения рассмотрены: остается произнести суд. Куда клонится ваше мнение? На сторону моды или святых икон? Избирайте, что хотите. Не могущий выйти из плена моды – пусть лобызает ее узы, а мы начнем сейчас же поклоняться с благоговением святым иконам и лобызать с любовью изображения Спасителя нашего и Его Пречистой Матери. Аминь.

## Слово в среду недели 2-й Великого поста

«Душе моя, душе моя, востани, что спиши; конец приближается, и имаши смутитися: воспрями убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый, и вся исполняяй»!<sup>3</sup>

Кто бы вы думали, братие мои, обращается к душе своей с сими словами умилительными? Какой-либо грешник кающийся? Нет, это новый святой и блаженный муж, из-под пера, или лучше сказать из сердца коего истекало то сладко-умилительное песнопение, коим так сильно трогались мы на вечерних Богослужениях прошедшей недели, то есть, святой Андрей Критский. Его ли чистая и святая душа не бодрствовала выну на страже своего спасения? К нему ли смело приблизиться нерадение о своей совести и забвение часа смертного? Но и он не доверяет ни своему уму, ни своей добродетели, а старается брать все меры, да не поникнет мыслями и желаниями долу.

Не тем ли паче нам, братие мои, должно как можно чаще обращаться к душе своей с подобным возбуждением ее от сна греховного, нам, кои так склонны к рассеянию мирскому, к забвению Бога и своего вечного предназначения? Увы, все мы спим тяжким и глубоким сном – иной гордости и честолюбия, другой – роскоши и пресыщения, тот – сном злобы и лукавства; сей сном сребролюбия и любостяжания, спим день и ночь, спим от колыбели до гроба! В самом деле, возлюбленный собрат, что мы делаем с тобою для своего спасения? Святые сподвижники проводили для сего всю жизнь в посте и молитве, в трудах и произвольных лишениях; святые мученики претерпели для сего все роды страданий и мук; пророки и апостолы не имели где подклонить главы и были яко отребие мира; а мы? Мы не посвящаем делу спасения и столько времени, сколько тратим на самые ничтожные предметы наших прихотей и удовольствий. Не доказательство противного, что посетим иногда церковь, возьмем в руки какую-либо душеполезную книгу, побеседуем с кем-либо о вере и добродетели, подадим нищему милостыню, сделаем другое какое-либо доброе дело; не доказательство, говорю, все это душевного бдения и попечения о нашем

спасении. А спящие – разве не делают различных движений во сне, не подают иногда вида, что они как будто не спят? И они, по временам, и разглагольствуют и рассуждают, и ходят с места на место, и даже совершают иногда некоторые дела, требующие ума и соображений. Подобное тому – и с нами: малая часть добрых дел, нами совершаемых, точно как движения человека во время сна. Ибо, как совершаются они? Не из живой и постоянной любви к Богу и ближнему, не во имя Спасителя и Господа нашего, не по твердой решимости жить и действовать, как заповедует Евангелие, а случайно, даже иногда невольно, всегда почти без мысли о своем спасении: то выходят из приличий светских, то из минутного увлечения чувства и сердца, то по холодному расчету самолюбия. Притом, совершая по временам несколько добрых дел и таким образом закрашивая свою внешность, мы остаемся внутри с прежними страстями, с тем же сердцем, злым и нечистым, с той же совестью, спящей и немощной.

Признак человека бодрствующего есть полное сознание самого себя и предметов, его окружающих. Где в нас это сознание? Нас всех окружает грех и смерть, нам предстоит суд и вечность, а мы вовсе не думаем о сем, для нас всего этого как бы не существует.

Признак человека неспящего – ясное ощущение своих нужд и потребностей и постоянная забота об их удовлетворении. Где в нас это ощущение и эта забота? Ум наш недугует явным неведением истин спасения, а мы, наполняя его всякого рода земными познаниями, небрежем озарить его нетленным светом Христовым. Совесть наша покрыта язвами греха, а мы, врачующие тело при первой немощи его, нисколько не заботимся о врачевании своего внутреннего судии. Сердце наше томится по небу и благам вечным, ищет воды живой и не иссякающей, а мы засыпаем его прахом земных забот, заставляем пить из сокрушенных кладенцев или лжеименной мудрости, или чувственных удовольствий.

Признак человека бодрствующего – надлежащее исправление дел своего звания; но из нас многие даже не знают, что самое первое и высшее звание наше есть звание

христианина; что истинное, всеобщее наследие наше на небесах; что земля для нас место странствия, тело – темница, смерть – освобождение. Что же все это, как не сон духовный? И долго ли спать нам таким образом? Долго ли блуждать нам, не ведая, куда идем и чего достигнем?

**Душе моя, душе моя**, ты, которая у меня одна, так что если потеряю тебя, то лишусь всего; ты, которая, будучи создана по образу Божию, по тому самому уже превыше всего мира, и даже по падении твоём искуплена драгоценною Кровию Сына Божия и предназначена к вечному блаженству с Богом на небе, – **душе моя, душе моя, что спиши?** Для чего забываешь свою природу и достоинство, и так жалко отдаешь себя в рабство плоти и крови, в плен миру и диаволу – врагам твоим? Почто, созданная служить Богу живу и истине, кланяешься до земли всякому кумиру страстей? Почто, предназначенная к вечности, расточаешь безумно и время, и таланты, тебе вверенные, на суету, не помышляя об ожидающем тебя за все это отчете?

**Душе моя, душе моя, востани, что спиши?** Тут ли спать, когда пред тобою небо и вечность с разверстыми вратами? Тут ли спать, когда под тобою геенна с духами отверженными? Тебе ли спать, когда вокруг и внутри тебя брань: когда за тебя сражается небо с адом; когда всезлбный враг назирает все пути твои, напрягает все силы свои, чтобы настигнуть и поглотить тебя на веки?

**Душе моя, душе моя, востани!** Оттряси сон от веждей твоих, собери рассеянные по суетам мира мысли твои, и обрати их на себя самую и на твое великое предназначение! **Востани!** – сбрось постыдные узы злых навыков, коими, как пленница, привязана ты к земле и тлению! Востани и посмотри, как все ожидает твоего пробуждения: ожидает Ангел Хранитель, дабы не всуе находиться при тебе и не плакать безутешно о твоём ожесточении во грехе; ожидает Церковь Божия, дабы начать врачевать тебя своими молитвами и таинствами; ожидает совесть, дабы воспринять над тобою права свои и вести тебя по стезям правды; ожидает сама смерть, давая место покаянию,



дабы не быть принужденною восхитить тебя, наконец, со грехами твоими пред Страшный Суд Божий.

Ты спишь, бедная душа моя, а время благодати и помилования течет и уходит невозвратно. Ты спишь, а бремя грехов твоих растет и множится без числа и меры. Ты спишь, а враг твой бдит и опутывает тебя с ног до головы новыми сетями. Ты спишь, а Ангел смерти грядет, и конец твой приближается. Приблизится, настанет, застигнет, поразит – и что будет тогда с тобой? Помогут ли тебе блага земные, для собирания коих забывала ты Бога и жертвовала всем? Защитят ли тебя от гнева Божия легкомысленные друзья и клеветы, с коими ты проводила и губила время?

В мудрости ли мирской и неверии будешь искать отрады и утешения на ложе смертном? Ах, тогда-то узнаешь во всей силе, как праведно говорили тебе, что «никая польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит (погубит) душу свою!» (Мк. 8:36). Познаешь, но что выйдет из сего познания? Одна скорбь лютая, одно смущение и отчаяние: **и имаши смутитися! Смутитися** и от прошедшего, которое предстанет тебе со всеми грехами и нечистой жизнью твоею; **смутитися** и от настоящего, которое будет исполнено ужаса, мук смертных и отчаяния; **смутитися**, наконец, и от грядущего, которое, так долго забываемое, отвергаемое, явится пред тебя во всем грозном и низлагающем величии своем.

Для чего же, бедная душа моя, ждаты нам с тобою безопасно нашей гибели? Для чего, смежив умные очи, идти всю жизнь к пропасти адской? Что мешает нам остановиться, подумать и возвратиться вспять, когда еще есть время к тому? **Душе моя, душе моя, воспряни убо!** Раскрой глаза и поднимись с греховного ложа; стань на путь закона Господня, и прости руки к добру; решишь служить Богу живу и истинну, как ты служила доселе идолам страстей; а все прочее уже готово к твоему спасению. Готово Евангелие для озарения твоих мыслей во всех случаях жизни, готова драгоценная одежда заслуг Христовых для прикрытия твоей духовной наготы, готовы Тело и Кровь Сына Божия для насыщения твоего глада, готов елей и бальзам для уврачевания твоих ран, готова всемогущая

благодать Духа Святого для подкрепления твоих слабых сил, готов самый венец для увенчания твоих малых подвигов. **Воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог!** Слышишь ли, как Он гласом Евангелия вещает с пренебесной вечери Своей: «и еще место есть»! (Лк. 14:22). Это место для нас с тобою, душа моя. Поспешим же сделаться его достойными, доколе не наступила полночь, не затворились двери чертога, не угас елей во светильнике нашей жизни! Аминь.

## Слово первое в пяток недели 2-й Великого поста

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона. На вербиих посреде его обесихом органы наша. Яко тамо вопросиша ны пленшии нас о словесех песней и ведший нас о пении: воспойте нам от песней Сионских! Како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя. Прильпни язык мой гортани моему, аще не помяну тебе, аще не предложу Иерусалима, яко в начале веселия моего... Дщи Вавилоня окаянная, блажен воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам: блажен иже имет и разбьет младенцы твои о камень!» (Пс. 136).

После псалма: Помилуй мя, Боже (Пс. 50), нет другого во всей Псалтири Давидовой, который бы исполнен был такого умиления душевного, как этот псалом. Кажется, он написан не чернилами, а слезами; и должен быть не пет, а плакан. Посему-то возглашается он в церкви в те недели, кои служат приготовлением к Святому и Великому посту. Но несколько не будет излишне, если мы и теперь, во время поста, повторим кратко для себя содержание сего умилительного псалма. Приведши себе таким образом на память жалкую судьбу Израильтян в плену Вавилонском, мы в ней, как в зеркале, можем увидеть и наше бедственное положение на земле - в узах греха и страстей; а это пробудит в ином мысль о свободе духовной и расположит искать ее у великого Разрешителя всех уз, к чему настоящее время поста предоставляет столько средств для самых слабых верою и духом. Итак, что же делают Израильтяне в Вавилоне?

«На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона».

Вот чем занимаются пленники Иерусалимские! Вместо того, чтобы строить для себя в Вавилоне дома, насаждать вертограды, заниматься куплей и продажей, на что дано через Пророка разрешение от Самого Бога, они приседают на берегу

рек Вавилонских, как бы в ожидании, что волны речные с часу на час поднимут их и унесут в Отечество; сидят и плачут, вспоминая о своем возлюбленном Сионе. Тело их в Вавилоне, а дух и сердце в Иерусалиме. На что ни посмотрят в стране чуждой, ничто не радует их, а все пробуждает мысль об Отечестве: «на реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом, внегда помянути нам Сиона».

При взгляде на органы, кои Израильтяне принесли с собою в плен (не для забав, а чтобы бряцать на них хвалу и славу Иеговы), у Вавилонян рождается любопытство и желание послушать «песней Сионских». Пленнику ли отказать победителям в сей просьбе? Иные почли бы за счастье угодить таким образом своим гордым владыкам, но Израильтянин теперь не таков! Он страшится и одной мысли – осквернить священную песнь Сиона слухом языческим. Вместо удовлетворения желаний Вавилонян, пленники, в полном сознании величия и достоинства своей веры, отвечают: «како воспоем песнь Господню на земли чуждей?» Отвечают так, нимало не заботясь, что их участь, и без того горькая, может через то отяготиться еще более.

Неблаговременный вызов со стороны победителей к веселию и игре, когда у пленников текут из очей слезы, пробуждает в Израильтянах новый порыв любви к Отечеству, – и они дают обет никогда не изменять ему: «аще забуду тебе, Иерусалиме, забвена буди десница моя!»

По удалении Вавилонян, оставшись одни, пленные Израильтяне тем сильнее предаются против них негодованию, что видят, как они, лишив их Отечества, хотели бы лишиться и благородства духа: «дщи Вавилоня окаянная, блажен иже воздаст тебе воздаяние твое, еже воздала еси нам: блажен иже имет и разбьет младенцы твоя о камень!»

Так мыслили, так чувствовали, так вели себя Израильтяне в плену Вавилонском! Кто не преклонится с уважением пред сими чувствами? Не скажет, что народ Израильский в самом плену и унижении показал при сем случае, что он не напрасно был возлюблен Господом и избран Им некогда в особенный удел Себе из всех народов?

Тяжел, братие мои, был плен Вавилонский; сокрушительно иго, возложенное Навуходоносором на бедных сынов Израиля! Но что значат все плены Вавилонские и Египетские в сравнении с тем ужасным пленом, в коем находится весь род человеческий? Ибо где мы все? В стране чуждой, в стране мрака и холода, проклятия и смерти. Было и у нас Отечество – в раю сладости; но пришел враг и пленил нас; пленил и поверг в нерешимые узы греха и страстей. Что мы были и что теперь? Были почтены и украшены образом Божиим; теперь часто нет в нас и образа человеческого. Наслаждались всегдашним здоровьем души и тела, не знали смерти и тления; теперь все стонем с детства от болезней душевных и телесных и после многих скорбей и бед обращаемся в землю, от нее же взяты. Все твари вначале служили нам с радостью и были яко малые домочадцы в великом доме Божием: теперь все твари или убегают от человека, или восстают на него и терзают своего владыку. Самое рождение каждого из нас, как некоего изверга, омывается кровью и слезами; самые чистые и праведные труды сопровождаются потом лица и не приносят иногда ничего, кроме скорби и воздыханий. Тьма в уме, злость в воле, горесть в сердце, нечистота в чувстве, бренность в теле, мертвость во всем существе, удаление от Небесного Отечества – вот наша доля всех и каждого: от Адама и до сего дня!

Не должно ли после сего ожидать, что и мы, подобно Израильтянам в Вавилоне, будем рыдать и плакать о своем потерянном Сионе? Что будем, по крайней мере, помнить всегда, где мы и что с нами; не будем прилепляться сердцем к стране чуждой и плену нашему, а ожидать с радостью того вожденного часа, когда рукою Ангела смерти сложатся с нас все узы, и мы возвратимся туда, где нет ни печали, ни воздыхания? Но посмотрите на мир человеческий. Что увидите? Увидите купующих и продающих, услышите лики и тимпаны, всюду встретите людей, кои о том только мыслят, чтобы ежедневно радоваться и веселиться, праздновать и торжествовать. У многих потеряна самая мысль о Сионе, о том блаженном состоянии, в коем был человек первозданный; другие, если и воспоминают о нем иногда, то как о предмете, их

не касающемся. Остаться, если бы возможно было, на земле вечно, то есть вечно жить в плену земных нужд и треволнений, в узах страстей и болезней, – это для многих составило бы верх наград и желаний!.. Ничто не может раскрыть нам очей и показать, что мы не на своей родине, что мы в плену и заточении. Напрасно смерть без всякого порядка восхищает нас, одного за другим, в вечность: мы спокойно становимся на место убывших и продолжаем то же заблуждение!..

Так унизились, огрубели, обезчувствовали мы в плену нашем! До того забыто нами, что мы были некогда – и чем паки быть должны! Малая токмо часть, как бы неким чудом спасшаяся от всеобщего ослепления, видит истинное положение человека на земле; чувствует, какое тяжкое иго на всех сынех Адамлих; воздыхает и плачет о падшем состоянии всех и каждого. И что же? Сии избранные, сии ясновидящие кажутся всем прочим людьми мрачными, мечтателями легкомысленными, существами малоспособными к жизни общественной, такими лицами, о коих должно сожалеть, и коих бесполезно избегать!..

Поистине, если где, то в сем жалком ослеплении человеческом обнаруживаются вся сила и ужасное свойство греха: ибо явно, что он не только лишает человека богоподобия, не только унижает его до состояния неразумных тварей, делает похожим на духа отверженного, но, вдобавок к унижению и плену, исторгает у него самую память о его прежнем величии и будущем предназначении. После сего бедный грешник не смеет поднять очей на небо, яко чуждое ему; не видит перед собой ничего, кроме земли; в угождение бедному чреву поставляет все свое блаженство; за мимолетными благами и забавами гоняется, как дитя; на самую смерть свою смотрит, как на дань природе, тогда как она есть точию (только) оброк греха.

Душа падшая, душа пленная, душа погибающая, пробудись от своего нечувствия и познай, кто ты! Грех и страсти унизили, ослепили, подавили, умертвили тебя; но ты и теперь более заключаешь в себе, нежели сколько есть в видимом мире: ибо ты – одушевленный образ Божий. Сама по себе ты не можешь подумать о том, чтобы сразиться с жестоким врагом твоим и

разорвать узы, на тебя возложенные; но у тебя есть Всемогущий Заступник, Который может связать "крепкого" (Мф. 12:29) противника твоего, разрушить все твердыни его и преподать тебе все средства к возврату в Отечество. Предай себя Ему – и невозможное сделается возможным. Как бы ты ни была погружена в чувственность, как бы ни были тяжки и велики грехи твои, хотя бы чернотой твоею ты походила на самого духа злобы, все исправится, все убелится, все просветлеет, и ты паки соделаешься таким существом, в коем будет почивать Сам Бог; достигнешь еще на земле того величия, пред коим не со страхом токмо, но и с любовью начнет преклоняться вся тварь.

Хочешь ли, возлюбленный слушатель, узнать, как нам нужно вести себя в плену нашем, чтобы возвратиться в первобытное состояние невинности и блаженства?

Возьмем для сего в пример Израильтян и их поведение в Вавилоне. Несмотря на удаление от любезного Отечества, они духом и мыслию своею непрестанно были в Сионе и Иерусалиме. Да витает, как можно чаще, и наша мысль и наш дух не в селениях подобных нам грешников, а в светлых обителях Отца Небесного. Да соделается, как у Израильтян, и у нас всех началом и концом занятий и всякого веселия мысль о Иерусалиме Небесном, о том блаженном часе, когда мы, сбросив тяжелые узы плоти, должны будем возвратиться в свое Отечество.

Помышляя о святых радостях Сиона, Израильтяне не хотели принимать участия в нечистых забавах и языческих увеселениях Вавилонских. Да удалятся, сколько возможно, и от нас тлетворные забавы и утехы плотские, кои, в самом очищенном виде их, вредят уже тем, что губят драгоценное время и земленят сердце. Будем говорить почаще душе своей словами Израильтян: «како воспоем песнь Господню на земли чуждей?» Как нам веселиться и радоваться безумно, когда мы в плену греха, под гневом Божиим, с лютыми язвами в совести? Нам ли предаваться суетам и губить время, когда нас ожидает смерть, Суд Страшный и вечность?

Израильтяне, в порыве праведного негодования, изъявляли желание, чтобы самые младенцы дщери Вавилонской,

лишившей их Отечества, были разбиты о камень. Вооружимся и мы святою ревностью против всех исчадий нашей греховной природы. Начнем не только огребаться (отвращаться) плотских грубых грехов, но избивать о камень самоотвержения самые нечистые помыслы, самые тайные зловожделения души и сердца. Если мы, одушевившись верой и призвав в помощь благодать Божию, пребудем постоянны в сем святом подвиге, то узы плена греховного будут со дня на день слабеть на нас; и мы, находясь еще в Вавилоне мира сего, начнем ощущать блаженную свободу духа, возноситься над всем бrenным. А по прошествии кратких дней земной жизни, когда Ангел смерти снимет с нас последние узы плоти, – в мире и с радостью возвратимся в Иерусалим Небесный. Аминь.



## Слово второе в пяток недели 2-й Великого поста, перед исповедью

«Благо есть исповедатися Господеви!» (Пс. 91:2).

Такому лицу, каков был святой Давид, – царю, ущедренному от Господа и дарами природы, и дарами благодати, и однако же глубоко падавшему иногда с высоты своего сугубого, царепророческого достоинства, без сомнения, не легче нас, братие мои, было исповедовать свои грехи и признаваться в своих беззакониях. Между тем видите, как он смотрит на исповедь: как на великую милость, как на драгоценный дар, как на услаждение души и сердца: «благо есть исповедатися Господеви!»

А из нас многие идут к духовному отцу на исповедь, как на некое истязание, стыдясь учинить признание во грехах своих. Откуда эта разность? От того, что святой Давид ясно видел, как вреден и пагубен для человека грех, а мы не видим сего. Ибо кто видит смертоносную ядовитость греха, тот, естественно, старается освободиться от него, и потому любит исповедь, яко вернейшее к тому средство. А кто не уверен в заключающейся во грехе пагубе, тот по тому самому не дорожит и исповедью, а, напротив, тяготится ею, ибо она заставляет его раскрывать пред служителем алтаря всю срамоту своих греховных деяний. Посему перед исповедью крайне нужно каждому исповедующемуся приобрести уверенность в том, что грех есть величайшее зло для человека, так что если он не освободится от него посредством покаяния и исповеди, то рано или поздно погибнет на веки.

Трудно ли увериться в сем? Нет, для сего довольно обратить внимание даже на одну, так сказать, поверхность греха.

Ибо что есть грех? Нарушение пресвятой воли Творца. Теперь судите: малое ли дело стать противником и врагом Существа всемогущего, -того Существа, в руках Коего мы и весь мир, наша жизнь и дыхание, наше время и наша вечность!

Что есть грех? Уклонение на сторону врага Божия – диавола. Опять судите: малое ли дело стать заодно с сим человекоубийцей, сделаться похожим на него в измене истине, заразиться его ядом змииным!

Что есть грех? Ослепление ума, развращение воли, искажение совести, растление тела. Безделица ли – испортить таким образом все богоподобное существо свое, уклонить его от цели бытия в противную сторону и внести в него семя тли и смерти вечной!

Что ожидает грешника в будущем? Ожидает еще большая тьма, еще большее измождение сил, еще большее горе и пагуба, ожидает конечное лишение всех благ, душевных и телесных, конечное отвержение от лица Божия, осуждение на вечное мучение во аде, с диаволом и аггелами его.

Довольно и сих самых простых понятий о грехе, чтобы затрепетать всем существом своим при одной мысли, что ты грешник!

А трепеща при мысли о своих грехах, как не поспешить к исповеди, когда в ней, силою Премудрости Божией, открыт способ к примирению нас с Богом и своею совестью? Когда в ней, за одно чистосердечное признание своих беззаконий и раскаяние в них, подается совершенное прощение? Поистине, мы должны были бы спешить к исповеди, и даже если бы в ней требовалось что-либо самое тяжкое для нас и неудобоисполнимое: ибо лучше все претерпеть и всего лишиться, нежели оставаться врагом Богу и другом диаволу. Но от нас ничего подобного не требуется, а только самое необходимое: чтобы мы исповедали свои грехи, показали отвращение к ним, решились оставить их навсегда и вознаградить прошедшее, чем можем, в настоящем. И от этого удаляться? И это почитать трудным? И ради этого оставаться во грехах? Что же значит после сего наше покаяние? Где ненависть ко греху? Где любовь к Богу, к самим себе?

Скажем же, братие, и мы со святым Давидом: «благо есть исповедатися Господеву»; – и поспешим к святому налою, как преступники спешат к тому месту, где объявляется прощение и милость царская. Аминь.

## Слово в субботу недели 2-й Великого поста, по причащении Святых Таин

С чем приветствовать вас, возлюбленные? С окончанием, или с началом доброго подвига? Можно приветствовать и с окончанием; но, кажется, лучше с началом. Ибо (ссылаемся на вас самих), можете ли вы сказать, что дело спасения вашего кончено? Нет, оно кончится не ныне, не завтра, а, если даст Господь, вместе с нашей жизнью!..

Что же кончилось теперь? Окончилось обыкновенное и видимое, так называемое, говение; окончилось урочное хождение в церковь на богослужение; окончилось приготовление к Таинству Исповеди и Святого Причастия; а дело спасения, это великое и святое дело, ах, оно еще не кончено, не кончено!..

Если бы хотя началось теперь во всех, как должно! И начало спасения дело немалое, больше всех, так называемых великих, дел мира. Ибо что им предполагается? Предполагается, что душа, спавшая доселе сном смертным, бывшая добычею врага Божия, воспрянула, пробудилась, пришла в чувство и начала жить и действовать по законам истины и правды; предполагается, что узы греха разорваны, плен страстей кончился, идолы плоти сокрушены, знамя веры и любви чистой поднято, путь из Египта в Ханаан начат. О, есть с чем приветствовать того, в коем положено это начало!

Есть ли же оно в вас? Веруем, что есть; ибо, не вы ли исповедали вчера свои грехи, дали обет не возвращаться к прежним беззакониям и вести отныне мужественную брань, с пороком и соблазнами века? Откуда могли произойти эта исповедь и сии святые обеты, как не из отвращения ко греху и беззаконию? Не вы ли, вследствие вашей исповеди, прияли вчера отпущение ваших грехов, вступили в мир с Богом и своей совестью? Что это, как не возвращение вам первобытного состояния невинности, не дарование свободы духа и совести, не новое рождение для новой жизни в Боге, для нового образа мыслей, чувств и действий? Не вы ли, наконец, приобщились

ныне самого Божественного Тела и Крови Спасителя? Но что может служить лучше сего, и к укреплению в духовной жизни, и в борьбе со страстями, и залогом обетовании вечных?

Итак, в вас есть теперь все, из чего слагается начало нашего спасения: и желание быть добрыми, и силы на добро, и решимость сражаться с пороками, и свобода от них, и вождение жизни вечной, и самый залог и обручение ее. С сим-то благим началом приветствуем мы теперь вас; приветствуем и молим хранить и продолжать начатое, воспользоваться преимуществами нового благодатного состояния, устремиться по пути правды, к вам приближенному и для вас открытому, употребить в дело благодать помилования и освящения, а для сего – немедленно размыслить, как вам вести себя отселе, что оставить, что начать, и что продолжать. Ибо отчего погибали плоды прежних говений, исповедей и причащений? Именно оттого, что не было взято необходимых мер для их охранения; оттого, что с окончанием говения, думали, кончилось самое дело спасения; оттого, что, выйдя из храма по причащении, паки тотчас предавались прежнему образу мыслей и действий. Погибнут сии драгоценные плоды и теперь, если поступим так же, как поступали прежде; погибнут и теперь, если не поспешим удалиться от всего, что соблазняло и губило нас; погибнут, если не будем бодрствовать над собою, хранить свое сердце и совесть, ограждать себя непрестанно страхом Божиим и тайною молитвой.

Стойте же, возлюбленные, трезвитесь, бодрствуйте, мужайтесь, укрепляйтесь, возрастайте, усовершеншайтесь! Преподав нам вчера отпущение грехов, а ныне – Тело и Кровь Господа, мы уже ничего более не можем сделать для вас, как только продолжить наши молитвы о спасении вашем и быть готовыми руководить вас на пути к небу. А вам надобно изыти на дело и на делание свое до вечера вашей жизни. Господь всещедрый, подавший вам духа покаяния и молитв, да дарует вам и духа постоянства и терпения в деле блазе, и да предохранит от пагубного возвращения вспять! Аминь.

## Слово в неделю 2-ю Великого поста

Известно ли вам, братие мои, что в продолжение Великого поста каждый день недельный посвящен Церковью воспоминанию какого-либо великого события? Так, в воскресенье, непосредственно перед постом, воспоминается в церкви падение Адамово, дабы мы, приведя себе на память, как род человеческий изгнан из рая сладости за невоздержание, тем усерднее облобызали святой пост, яко дверь в рай потерянный. В неделю первую Великого поста совершается Торжество Православия, показующее, чего стоило некогда сохранение сокровища веры во всей его неприкосновенности, и сим самым научающее нас дорожить им надлежащим образом. На середине поприща постного предложится для поклонения всечестный Крест, в ободрение нас к дальнейшим подвигам и для услаждения им горьких вод покаяния. Пятая седмица огласится именем святого Иоанна Лествичника, яко величайшего из подвижников благочестия, который не токмо сам, как орел, воспарил над всем дольным, но, в творениях своих, начертал и для других лествицу к небу. Последняя неделя четырехдесятницы начнется ублажением памяти преподобной Марии Египетской, яко трогательнейшего образца покаяния, ибо первой половиной жизни своей, она, как известно, превзошла едва не всех грешников; а в продолжение последней удивила чистотою своей самих Ангелов. В нынешний день недельный, по Уставу Святой Церкви, прославляются подвиги святого Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского.

При таком распорядке в Уставе Церковном, в каждую седмицу нынешнего поста первый источник для душевного назидания нашего есть воспоминание, вместе с Церковью, того лица или события, коему посвящена неделя. Мы тем с большей охотою воспользуемся ныне сим источником – и для вас и для себя, что он, как ни близко протекает от каждого, но, к сожалению, весьма мало употребляется в дело, так что для многих почти вовсе неизвестен. Таким образом, слова и беседы

наши с вами, если не будут иметь другого какого действия, то, по крайней мере, приведут сколько-нибудь в известность сей святой источник.

Итак, ныне, как мы сказали, совершается хвалебная память иже во святых отца нашего Григория Паламы. Чем заслужил он почесть столь великую? Не тем ли, что был пастырь знаменитой, особенно в древности, паствы Фессалоникийской? Но мы имеем пространный список пастырей сея Церкви, и ни один из них не разделяет сей чести со святым Григорием. Или, может быть, он прославляется за то, что был просвещеннейший святитель своего времени и оставил нам много своих поучительных творений? Но и за это отличие надлежало бы прославлять не его одного, а и многих других, чего, однако же, не делает Святая Церковь. Можно еще подумать, что святой Григорий ублажается так за свою особенную святость. Это гораздо ближе к делу, ибо без святости жизни он никоим образом не соделался бы предметом похвалы для Церкви; но и сия причина не изъясняет всего, так как и святостью жизни отличался не он один, а многие. Если целая седмица святого поста украшается именем святого Григория, то должно быть в самых деяниях его нечто такое, почему он особенно приходит на память во время поста, и вследствие чего воспоминание о нем служит к особенному назиданию для постящихся. Что бы это было такое?

То, как видно из жития его, что он, во-первых, был один из величайших подвижников в монашеском и, следовательно, постническом и труженическом образе жизни, на Святой Горе Афонской. Там провел он большую часть своих дней в посте, молитве и безмолвии, и там возрос он до той чистоты сердца и высоты духа, что соделался видимым и ощутительным для всех сосудом благодати Божией. То, во-вторых, что святой Григорий был ревностнейший поборник жития пустынного и, следовательно, постного против тех, кои хотели очернить и унижить его разными клеветами. Последнее обстоятельство сие требует пояснения. Посему мы войдем в некоторые подробности, кои, впрочем, таковы, что могут послужить к назиданию и в наше время.

Пустынножители горы Афонской, ведя образ жизни подвижнической, до того очищали себя от всего плотского и до того утончались и возвышались в духе, что многие из них сподобляемы были откровений и видений духовных, – особенно сияния светом небесным, подобным тому, который виден был окрест Спасителя на Фаворе. В событии сем, не только не было ничего противного духу Евангелия, но, можно сказать, оно было доказательством и залогом того, что обещается в нем праведникам: то есть, что они сами просветятся яко солнце в Царствии Небесном. Ибо удивительно ли, что те, кои предназначены быть некогда, яко солнце, и ныне уже, на земле еще, озаряются яко луна светом от духовного Солнца, еже есть Христос Господь? Но иначе смотрели на сей духовный опыт враги Православия. Вместо того, чтобы признать с благоговением в нем успех подвижников в духовной жизни, они смотрели на него, как на плод воображения. Мало сего: начали разглашать всюду, что афонские пустынники впали не только в самообольщение, но и в ересь; что они, усвояя сему пренебесному свету Божественность, вводят якобы в Божество для начала – сотворенное и несотворенное, – что подобным учением нарушается даже вера правая.

Можете представить, братие, как горька была клевета сия для обитателей Святой Горы и как тяжела для всей Церкви Православной! Среди тогдашних треволнений еретических, Афон всегда был яко духовный Арарат, на коем находил себе пристанище и спасался ковчег Православия; и вот, на сем самом Арарате, как утверждали зломыслящие, является ересь, является под видом самым благочестивым и, следовательно, наиболее опасным! Такая мысль могла привести в смущение и тех, коих "чувствия обучены, по выражению апостола, долгим учением на различение добра и зла» (Евр. 5:14); тем паче не могли оставаться в покое души простые и малоопытные в жизни духовной: вся Церковь Греческая пришла в сильное волнение!..

В сие-то опасное для Церкви время, Пастырь фессалоникийский является, яко ангел тишины, для укрощения бури.

Обладая обширным и глубоким познанием Священного Писания, он показывает всем и каждому, что учение о свете Фаворском, коего видения сподобляются подвижники афонские, совершенно согласно с духом Евангелия, что те, кои сомневаются в бытии сего света и в озарении им избранных Божиих еще на земле, обнаруживают сим только недостаток своей чистоты и своих духовных подвигов.

Как ученик и воспитанник Афона, коему не по слухам только, а на опыте известен был образ жизни тамошних подвижников, святой Григорий входит во все подробности спорного предмета, преследует каждую клевету зломыслящих от первого ее начала и до последнего конца, и, рассеяв таким образом тьму, наведенную на Святую Гору, показывает ее во всем, дотоле еще не так известном, величии духовном. Самый плен у сарацин не связывает уст святого Григория: он и в узах продолжает разить врагов Православия и утверждать в истине колеблющихся чад Церкви.

В благодарность за сии-то апостольские подвиги, доставившие мир Церкви Православной и приобретшие Григорию наименование – «сын света Божественного», вскоре по святой кончине его, единодушно положено пастырями Церкви, чтобы память о нем украшала собою настоящий день недельный. И праведно! поскольку им ограждена и защищена честь не жителей токмо Афона, а всей жизни подвижнической; спасена честь святого поста, яко первейшего из средств, коим святые подвижники афонские достигали озарения светом Божественным: то воспоминание подвигов святого Григория всего более потому приличествовало не другому какому-либо времени, а именно дням Великого поста.

Мы, благодарение Господу, свободны от еретических треволнений, смущавших Церковь во время святого Григория, но память о нем весьма поучительна и для нас. Чем? Тем, чтобы мы, держа в уме древний пример, не позволяли себе увлекаться теми легкомысленными суждениями о жизни подвижнической, и в частности о святом посте, кои, к сожалению, можно слышать по временам и из уст людей, нечуждых уважения к Церкви. Тем паче, чтобы заграждали слух



свой от безумного глумления в сем роде тех, кои берутся судить о всем и отвергать все, сами не ведая, как должно, ничего. Не удивительно, если духовные опыты святых подвижников всего чаще подвергаются нареканию у таковых лжеумников; ибо они слишком удалены от их скудного и слабого понятия о предметах духовных, и совершенно противоположны их оплотняелому взгляду на все и на самый дух человеческий.

Если встретите подобных людей, если услышите подобные речи, то вспомните о святом Григории и его подвиге; вспомните, как он рассеял и низложил клеветы на святую жизнь подвижников. Такое воспоминание послужит для вас всегда готовым щитом против соблазна.

Не в первый и не в последний раз жизнь по духу подвергается нареканиям от людей плотских. Апостол давно сказал, что плотский «человек не приемлет, яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети» (1Кор. 2:14). Приметьте выражение апостола: и не может разумети; как же судить о том, чего не разумеет? Чтобы судить о духовных предметах, тем паче о духовных опытах, надобно самому судящему сподобиться Духа, чего да достигнем все мы благодатию Господнею и молитвами святого Григория! Аминь.

## Слово на память четырехдесяти мучеников

Жалуются иногда на недостаток в церкви проповедников; а мне кажется, что у нас меньше слушателей, нежели проповедников. Ибо, верно, немало таких церквей, в коих не найдется и по десяти слушателей, а проповедников ныне в каждой церкви по четырехдесяти. Так называю я празднуемых ныне святых Мучеников; и, верно, никто не лишит их сего священного титула. Ибо если, по слову Писания, не мал уже и тот, кто возвещает истину словом и устами; еще более тот, кто проповедует своими делами и жизнью, то на какую высоту должно поставить того, кто за истину проповеди Евангельской пролил свою кровь и претерпел смерть мученическую? Перед такой проповедью все наши слова и все наше витийство суть яко слабое лепетание младенца перед величественной речью мужа и старца. Не такая ли проповедь сокрушила идолов и привлекла ко Христу вселенную? У первобытных христиан, гонимых кесарями и философами, не было не только кафедр проповеднических, ниже храмов; самое Богослужение и Таинства совершались изредка, тайно, под землею, среди безмолвия полунощного.

Но глас Евангельской проповеди гремел неумолчно во все концы земли: не давал покоя ни кесарям, ни философам, увлекая всех и каждого ко Христу. Откуда исходил он? Из мрачных темниц, наполненных христианами; из раскаленных печей и конобов (котлов), в кои повергали их; с пылающих костров и крестов, облитых кровью свидетелей истины. Является на позор среди града или веси исповедник Христов, – и начинается проповедь! Ему предлагают прощение и свободу, богатства и почести, иногда цветущую красотою невесту, да поклонится идолам; но он возводит очи горе – и вместо ответа знаменует себя крестом!.. Его подвергают мукам, бичуют, жгут различными огнями, рвут тело клещами, лишают очей и уст, – он терпит без ропота и молится о самих мучителях! Его предают на растерзание лютым зверям или пригвозждают ко кресту, или

повергают с камнем на выи в море, – он встречает смерть с таким светлым лицом, с каким редкие идут под венец брачный.

Удивительно ли после сего, что самые грубые толпы народа, пораженные величием души страдальца, придя сами в умиление и некоего рода святой восторг, восклицали: «Велик Бог христианский! Свята вера, дающая такое мужество и презрение жизни!» Сей-то проповедью, братие мои, побежден мир; не оружием, не красноречием, не мудростью земной! И вот, подобных проповедников является ныне пред нас, не один, не два, не десять, а сорок, как бы по числу дней святого и Великого поста.

Что же они нам проповедуют? Проповедуют любить Христа до смерти, не бояться на земле ничего, кроме Бога; пренебрегать всеми благами мира, как бранием, веровать в жизнь будущую так, как бы она была пред очами нашими. Ибо что могло расположить их отвергнуть все ласки и обещания судии, презреть все угрозы и лютость мучителя, как не живая вера во Христа и упование жизни вечной? Что заставило претерпеть мраз всеобщего пребывания в озере зимнем, сокрушение ног и голеней млатом, как не все терпящая и николиже отпадающая любовь ко Христу? «Не точию честь воинскую, но и самые тела наши возьми от нас: ничтоже бо нам есть дражае, ничтоже честнее, паче Христа Бога нашего», – так отвечали мученики на угрозы игемона. Что же мучитель? Кипя гневом и пользуясь временем года, он повелевает их, связанных и обнаженных, повергнуть в озеро, да погибнут от мраза; и в то же время, зло-хитрый, велит устроить на берегу баню, да желающий избежать смерти обретет себе в ней жизнь. Таким образом, и мраз и теплота равно служат злобе мучителя и во искушение подвижников. Но кто и что может разлучить истинно верующих от любви Христовой? Павел давно за всех их дал ответ, что сего не могут сделать «ни смерть, ни живот... ни настоящая, ни грядущая» (Рим. 8:38).

Как бы вы мнили, братие мои, проведут святые подвижники ночь в озере? Будут воздыхать, плакать, желать, по крайней мере, скорее смерти и призывать ее? Нет, они совершат там всеобщее богослужение. Слышите ли, как начинают

раздаваться по воздуху псалмы Давидовы? Слышите ли целый хор гласов, призывающих небо и землю, мороз, снег и дух бурен хвалить имя Господне? Это гласы святых страдальцев. Тело их покрывается льдом, а сердце разгорается любовью Христовой; уста от мороза цепенеют, а дух парит, как пламень, горе, к Богу крепкому и живому. О озеро, не водами, а молитвами наполненное! Не ветром, а Духом Божиим колеблемое! Не бессловесных жителей, а как бы Ангелов бесплотных вмещающее!

Если где, то над сим святым местом и среди сего всеобщего бедствия можно было ожидать особенного знамения небесного; и оно последовало! Среди мрака полуночного внезапно разверзаются небеса, являются венцы небесные и сходят на главы страстотерпцев. Но что значит, что сих венцов тридесять девять? Где же сорок и сорок первый? Увы, его нет на небе, потому что не стало на земле! Один из страждущих, не стерпев мук, обратился к бане, устроенной мучителем; но где мнил несчастный обрести спасение, там внезапно испустил дух. Но место не устоявшего в брани не останется праздным, не нарушится святое число страстотерпцев. Званный обратился вспять, – явится не званный, но избранный. В самом деле, кто это без судей и мучителей течет к озеру, свергает с себя одежду, и со гласом: «Я христианин», – становится о страну святых Мучеников? Это один из их же стражей, который не предался сну, подобно собратиям своим; бдел, яко добрый воин, на страже; видел все терпение и всю веру слуг Христовых; зрел венцы, на них сходящие с неба; и, уразумев недостающее число их, по причине малодушия единого, спешит восполнить собою недостаток и принять тот венец, от коего уклонился маловерный собрат их. Опять полный лик, опять всецелое торжество, опять совершенная победа над диаволом! Сорок и сорок первый вошло в озеро, сорок и сорок первый и выйдет, да не будет ни малейшей радости врагу Божию!

Видите ли, как справедливо сказано нами, что каждый мученик есть проповедник? Чем привлечен сей новый подвижник? Не проповедью с кафедры церковной, а венцом святых Исповедников, стоявших за Христа всю ночь в холодном

озере. Может быть, он сто раз слышал проповеди учителей христианских, но оставался во тьме идолопоклонства; когда же увидел страдание и мужество Исповедников; когда без слова и проповеди уразумел истину и тронулся душой: вознебрег своим званием, самой жизнью, и в одну минуту из язычника взошел на высоту мученика.

Так действовал некогда пример святых Мучеников! Над нами, кажется, и он потерял всю силу. Святые подвиги их, торжествуемые Церковью, соделались для нас похожи на те сонмы звезд, кои, за отдалением, сливаются для нашего глаза в туманно-светлые пятна. Когда наводится на эти пятна зрительная труба, они разделяются в яркие звезды, и мы дивимся их величию; а во все прочее время не обращаем на них никакого внимания, даже не знаем о их существовании. Так, когда проповедник ли, или какая книга расскажет нам о подвигах мученических, мы изумляемся величию души их, не думая, однако же, нисколько о том, чтобы взять с них пример для своих действий, засветить от их небесного огня в своем сердце веру, устремиться по следам их любви к Богу. А без книг и проповедника деяния Мучеников для нас, по невниманию нашему к ним, как бы не существуют. Даже те из нас, кои носят имена святых Мучеников, часто вовсе не знают, кто был тот, коего именем они отличаются со дня своего рождения.

Но, обратимся к нашим Проповедникам. Итак, озеро не потопило их; мраз зимний не погасил в них пламени веры и любви: вошли в озеро простыми воинами Христовыми, а вышли с венцами победными: все воинство диавола низложили, а сами не потеряли ни единого ратника, ибо на место взятого в плен тотчас явился новый. Что же делает мучитель? Осуждает их на перебиение голеней, и сим, не ведая сам, уготовляет им новый венец на небе, и даже новую отраду в самом мучении на земле. Ибо сим родом мучений и смерти они, подобно апостолу Павлу, восполняли в себе «лишение скорбей Христовых» (Кол. 1:24).

Мог ли после сего оставить их без подкрепления на сей подвиг Тот, Кто Сам в вертограде Гефсиманском благоволил быть укрепляем от Ангела? – И се, в час полунощи, которую святые Мученики проводили в молитве и песнопении, ожидая

наутро смерти, темница их исполняется светом небесным, и они слышат глас глаголющий: «Веруй в Мя, аще и умрет, оживет» (Ин. 11:25)! Дерзайте, мужайтесь, стойте: побеждающий примет венец жизни! Ободренные сим гласом, Стратотерпцы наутро шли на смерть, как мы возвращаемся после долговременного отсутствия в дом отеческий.

Итак, душа их уже воспарила на небо, но святые тела оставались еще во власти мучителей. Что же делают слуги сатаны (ибо он един был истинным врагом Христа и гонителем христиан: судии и мучители языческие были только его слепыми орудиями, ревнуя по чести мнимых богов своих)? Зная, что христиане дорожат останками святых Мучеников и чтут с благоговением их яко святыню, они умышляют лишить из сего сокровища: для сего предают тела пламени, и потом самые останки, после сожжения, рассыпают в реку, да не останется на земле и следа от свидетелей истины. Но что могут все усилия врат адских против Царства Христова? Не напрасно написано: «хранит Господь вся кости их, ни единая от них сокрушится» (Пс. 33:21). В постыждение злобы и лукавства сатаны. Мученики являются в сновидении епископу града и повелевают ему именем Божиим взять из реки то, что осталось от телес их. Повеление радостное; но как исполнить его? Как приступить к реке перед глазами мучителей? И, приступив, как найти то, что поглощено водой и смешалось с струями речными? Но для веры и упования нет неисполнимого. Святитель с малым числом верующих идет к реке ночью, без всяких светильников, не ведая сам, как обретется сокровище. И се, кости мучеников сами собой являются тотчас, как звезды, на дне потока, блистая сиянием небесным, и верующие без всякого усилия собирают их, яко драгоценное сокровище, яко ободрение для самих себя на подвиг мученический.

Да, братие мои, на подобный же подвиг мученический. Тогда было не то, что ныне: нельзя было, подобно нам, быть христианами по одному имени. Исповедовать Христа значило в то время быть готовым на все: ныне лишиться имущества, завтра подвергнуться ссылке, послезавтра идти на костер, или на борьбу со львами и тиграми. И некоторые сомневаются еще,

находя в жизни Мучеников чрезвычайные знамения и откровения небесные, коими Господь утешал иногда и ободрял их! Но могло ли быть иначе? Когда верные рабы Господни непрестанно жертвовали для славы имени Его всем, самой жизнью, то могла ли любовь Его оставаться холодной к тем, кои умирали за Него, и не обнаруживать Себя перед возлюбленными Своими особенными знамениями; когда и нам, кои для Господа не переносим никаких трудностей, не роняем со главы нашей, можно сказать, ни одного волоса; когда, говорю, и для нас Господь великодаровитый делает так много: оставляет столько святых Таинств, хранит нерушимо Церковь, не отъемлет Евангелия и Креста Своего, ни благодати Святаго Духа? Всемогуший не мог не являть чудес, когда слабый человек, при всей немощи своей, являл со своей стороны, можно сказать, чудеса веры и терпения. Посему я в большее прихожу удивление, когда встречаю жизнь Мученика и не вижу чудес, нежели когда нахожу их в избытке.

Взглянем еще раз на светоносный лик наших нынешних Проповедников. Наших, говорю, ибо в самой вещи весьма возможно, что они в сем храме теперь не только духом, но и нетленными телесами своими. В каждом храме, как не безызвестно, вероятно, и вам, есть мощи святых Мучеников; но каких именно, того не ведают сами служители храма. Ибо мощи сии преемственно переходят из храма в храм, начав с первобытных времен Церкви. поскольку же нынешний лик Мучеников один из самых многочисленных; то не удивительно, если и в нашем храме есть хотя одна из тех святых костей, кои, как видели мы, яко звезды блистали среди потока во тьме ночной.

Что же вещают нам святые Мученики, присутствуя с нами и святыми телесами своими, или точию духом? Все вещают, как мы заметили в начале слова, единое и тожде, то есть, любить Господа Иисуса до смерти, не менять заповедей Его ни на что в мире, все терпеть и переносить для сохранения драгоценного залога веры и любви, не почитать ничего страшным, кроме суда и гнева Божия, жить на земле для неба и вечности, и презирать, совершенно презирать и ни во что вменять, где нужно, не

ТОЛЬКО ЗЕМЛЮ И ВСЕ ЗЕМНОЕ, НО САМОЕ ТЕЛО, САМУЮ ЖИЗНЬ СВОЮ.  
АМИНЬ.



## Слово в среду недели 3-й Великого поста

Ныне силы небесный с нами невидимо служат: се бо входит Царь славы; се жертва тайная совершена дориносится. Верою и любовью приступим, да причастницы жизни вечныя будем!

О каком земном торжестве, как бы велико и славно ни было оно, можно сказать таким образом? В земных торжествах, если есть что-либо важное и великое, то оно бывает обыкновенно снаружи, перед глазами всех и каждого; а то, чего не видно, бывает нередко мало, даже низко. А в Таинствах Церкви напротив: видимое часто мало и как будто слишком просто и обыкновенно; а незримое и понимаемое всегда высоко, свято, Божественно. Так и при настоящем богослужении, по видимости, происходит немного: после пения сего священного гимна, во многих храмах исходит из алтаря один смиренный священнослужитель со святым сосудом в руке и с диском на главе. Но сила совершаемого Таинства всегда одна и та же: первый в мире святитель ничего не прибавил бы к важности происходящего, равно как и последний из служителей алтаря ничего не может убавить из его величия. Каждый раз, в каждом храме, вместе с людьми самые силы небесные служат, довершают своим невидимым содействием то, чего недостает в видимых служителях тайны. Кто мог бы поверить сему, представляя себе величие существ премирных? Ибо сказать – силы небесные служат, значит более, нежели как если бы кто сказал: все цари и владыки земные служат. Но с другой стороны, когда слышишь, что во время сего священнодействия входит Сам Царь славы, то всякое недоумение исчезает тотчас. Ибо где Царь неба, там должны быть и небесные слуги Его, как бы высоки и важны они ни были. Как в человеческом быту, царь, где ни явится, – хотя бы в самой последней хижине, хотя бы в темнице, – самый первый вельможа почтет себе за особенную честь сопровождать его, и показывает еще большее внимание и усердие, нежели в самом дворце царском. Так и здесь. С радостью и благоговением чины ангельские предстоят Престолу Божию на небе; но еще с большею (если возможна для них

большая) радостью и благоговением являются они на служение Господу своему на земле, в храмах наших, ибо здесь видят они в Нем то, чего не видят на небе; то есть, не только крайнюю Его любовь к нам бедным тварям, но и Его вся превосходящее смирение, по коему Он, будучи Царь славы, является на алтарях наших яко жертва, приносимая за грехи человеческие. Ввиду такого смирения Самого Царя, можно ли думать о своем величии Его слугам? И се, ныне они и с нами, недостойными, служат, и без сомнения, со стократ большею чистотой, благоговением и любовью, нежели мы, нечистые и грешные.

Судите после сего, братие мои, как необходимо и справедливо то, чего требует от нас Святая Церковь, то есть, чтобы мы приступали с верой и любовью к тому, что предлагается ныне на Святой Трапезе. Надобно приступать с верою, ибо если приступить без веры, то, можно сказать, ни к чему и приступать. Ибо, что в это время на Святой Трапезе для человека без веры? Малый по виду, преждеосвященный хлеб, или точнее сказать, часть хлеба, которая приготовлена руками человеческими и, по видимости, мало чем отличается от хлеба обыкновенного. Только для веры этот малый хлеб важнее всего в мире; только она созерцает в нем животворящее Тело и Кровь Христову, в коих заключена для нас жизнь вечная. Посему-то и должно приступать с верою, и притом живою, пред коею невидимое, как видимое. Ибо есть и вера слабая, колеблющаяся, которая мало чем отлична от сомнения, потому и мало приносит плода для человека. Такой слабой верой веровал некогда Петр – и утонул. Ибо не сказано ему: неверный, а "маловере" (Мф. 14:31)! Вера была у него, только слабая; потому и не могла спасти от потопления. При такой вере обыкновенно раздается множество вопросов: что, как, почему, для чего? Между тем как вера полная и живая не знает никаких недоумений: она, по замечанию апостола, «всему веру емлет» (1Кор. 13:7). Нет нужды, что апостол сказал это о любви, а мы прилагаем это к вере; ибо истинная вера и любовь неразлучны друг от друга. Посему-то и в настоящем случае требуется с верою и любовью: «верою и любовию приступим!»

И мне кажется, что если делить неразделимое, то без веры еще приступить можно, ибо для веры в настоящем случае потребно со стороны души нашей даже некое усилие, так как надобно признавать за истину то, что незримо для очей телесных; а без любви, коль скоро есть вера, кажется, нельзя и приступить, то есть, нельзя подойти к сему Таинству и тотчас не исполниться любовью к Спасителю, подобно как нельзя приблизиться к великому огню, и тотчас не почувствовать теплоты и жара. В самом деле, если подобное производит подобное же: то где более места для любви, как не при Таинстве Евхаристии? Что она есть иное, как не выражение величайшей любви к нам нашего Спасителя? Кто, кроме Его, питает тебя Телом и Кровию Своею? Не говори, что это для Него не стоит теперь труда: ибо если теперь нетрудно Ему делать это чудо, то подумай, чего стоило сделать его вначале? Для сего надлежало взойти на Крест, умереть в муках, быть вместе со злодеями, лечь во гроб. Кто сделает для тебя это? Как же после сего приступить к такой любви без любви? «Верую убо и любовью приступим», – как внушает Церковь: приступим верую, прозревая в то, что сокрыто от очей телесных; приступим любовью, предал себя всецело Тому, Кто предал Себя за нас до смерти крестной.

Но, Боже мой, как противны расположение и действия некоторых людей тому, что в настоящем случае быть должно! Не замечаете ли вы, братие мои, как в то самое время, когда Церковь возглашает: «Ныне силы Небесные с нами невидимо служат; се бо входит Царь славы!» – и когда истинно верующие или, что в сем случае одно и то же, все истинно разумные повергаются с благоговением долу, не смея возвестить очей на Святые Тайны, несомые священником, как, говорю, в это самое время иные не только видимо продолжают вращать мирские помыслы в душе своей, но не стыдятся выставлять своего бесчувствия и рассеяния даже наружу – пред вами, так что, когда другие лежат в смирении долу, они стоят бесчинно, заводят разговоры, показывают на лице смех, в движениях неблагопристойность? Вот до чего может простираться, не скажу, безверие, – ибо его часто у таковых людей нет, – а

неразумие, безрассудство и бесстрашие! Зачем в таком разе уже и ходить в церковь? Лучше сидеть дома и заниматься каким-либо делом; ибо такое поведение в церкви сопряжено с ужасным грехом для души. В таких людях – на этот, по крайней мере, раз – не только нет никакой любви к своему Спасителю, а напротив, какая-то как бы ненависть и вражда. Ибо как же не вражда, когда ты не только сам не оказываешь уважения к Таинству Господню, а еще возмущаешь собою чувства тех, кои стоят во храме, и не даешь им помолиться с благоговением? Не так ли точно поступают со своими врагами, стараясь отнимать у них уважение, им оказываемое? Вероятно, таковые люди не представляют себе этого, но поступок их оттого не лучше; и если Церковь о верных чадах своих говорит, что с ними находятся в храме силы небесные, то о сих несчастных должно сказать противное, что с ними и в храме – силы преисподние, научая их глумиться, когда должно плакать; заводить разговоры, когда от благоговения надлежало бы в молчании пасть на землю. Не возмущайтесь, братие мои, таковым бесчинством: оно попускается Господом для нашего испытания! Ибо Он мог бы тотчас послать на таковых гром и молнию. Самые силы небесные, в храме находящиеся, не замедлили бы стать за честь своего Владыки, и обратили бы в прах безумных презрителей дома Божия; но милосердие Божие терпит их, давая время на покаяние, а с другой стороны испытывая сим нашу веру и терпение в молитве. Посему, говорю, не смущайтесь много сим несчастным примером; но тем паче не увлекайтесь им к подражанию. Ибо, чему тут подражать? Кто бы ни были такие люди, чем бы ни отличались в мире, поступая таким образом, они глупее малолетних детей. Ибо дитя, когда видит, что перед ним происходит что-либо важное и священное, стоит внимательно, устремив взоры на происходящее. Посему тут место не подражанию, а сожалению, ибо как не пожалеть о таком бесчувствии и забвении не только святости места, но и всякого приличия? Чтобы, однако же, подобный пример не оказал какого-либо вредного действия на малолетних, кои еще не могут судить о лицах и вещах правильно; то не оставляйте внушать детям вашим, как худо поступают те, кои ведут себя в

церкви таким образом, как это глупо, бесчестно и богопротивно, как все этим недовольны, дабы заранее поселить таким образом в них уважение к храму Божию. Ибо и сии несчастные своевольцы поступают бесчинно в храмах, по всей вероятности, потому, что с молодых лет не было кому наставить их и внушить, что значит храм, и что здесь, во время совершения Таинств, сами силы небесные с нами невидимо служат. Аминь.

## Слово в пяток недели 3-й Великого поста

«Свет Христов просвещает всех!»

Одно из самых знаменательных священнодействий в великопостной литургии то, когда среди чтения из Ветхого Завета паримий вдруг разверзаются царские врата, является среди их священнодействующий со свещею и кадильницею в руке и, знаменуя ими предстоящих во образ креста, возглашает: «свет Христов просвещает всех!» Неудивительно, если при этом всяк из предстоящих преклоняет главу свою до земли: ибо разверстие царских врат образует собою отверстие самих небес; светильник и кадильница знаменуют полноту даров Духа Святаго; а появление священнодействующего есть яко явление Ангела с неба. Кто будет столько надменен, чтобы не преклониться пред сими знамениями благодати Божией?

Но не одного простого преклонения глав или повержения себя пред светом Христовым долу, ищет при сем от нас Святая Церковь. Нет, в духовном смысле она хочет противного – восклонения наших глав пред сим светом, открытия пред ним всего существа нашего, дабы таким образом мы, от ног до главы, озарились сим Божественным светом, наполнились им всецело, и через то сами сделались светоносными, каковыми и были первенствующие христиане, о коих апостол Павел пишет, что они яко «же светила в мире» (Флп. 2:15).

Чтобы войти лучше в намерение при сем Святой Церкви, рассмотрим силу и значение слов, произносимых священнодействующим.

«Свет Христов просвещает всех!»

Сими словами предполагается, во-первых, недостаток во всех нас света истинного. Ибо если бы мы были светлы сами по себе, то не было бы нужды просвещать нас. И действительно, человек, не озаренный Евангелием, есть тьма, и тьма глубокая, как учит святой Павел. Не вдруг согласятся с сим те, кои озарены светом наук и называются людьми просвещенными. Но это потому, что сии люди, занявшись науками, по надежде на мерцание, ими проливаемое, редко и мало обращают внимание

на внутренность своего духа и сердца, и не видят, что там, в каком мраке находится их душа и совесть. Если же, впрочем, кто из них вникает хорошо в свойство своих познаний, а с другой стороны углубляется со вниманием в истинные потребности души своей, то скоро начинает видеть, что света, заимствованного от наук, как бы он велик ни был, далеко недостаточно для их удовлетворения; что в отношении к некоторым самым важным предметам, без познания коих человек, можно сказать, есть нечеловек, они столь же несведущи, как и последний простолюдин, а потому наряду с ним имеют нужду в озарении свыше. «Свет Христов просвещает всех!»

Сими словами, во-вторых, предполагается полнота и избыток для всех света Христова. И действительно, в нем нет недостатка ни для кого. Он просвещает и самых мудрых, открывая им тайны Царствия Божия, коих никакой ум сам собой открыть не мог, и самых буйных, отвержая им, вместо стихийного ума, очеса сердца, коими они видят утаенное от премудрых и разумных века сего. Просвещает и самых богатых, научая не превозноситься ради тленных благ, богатеть не в себя, а в Бога, и сокровывать сокровище там, идеже ни тля тлит, ни татие подкапывают и крадут; и самых бедных, показуя им внутри их самих богатство, коего не стоит весь мир, уча быть нищими не одним телом, но и духом, да стяжут Царствие. Просвещает и самого первого властелина, приводя на память, что над ним есть Владыка, Который потребует строгого отчета в каждой слезе, от него пролитой; и самого последнего раба, утешая его тем, что внутренней свободы духа и совести никто у него отнять не может, что человек добродетельный в самых узах выше всех счастливых мира и ближе к Спасителю, Который, будучи Сыном Божиим, нас ради принял зрак не царя, а раба и служителя всем; просвещает старцев, открывая перед ними жизнь нестареющую, призывая от земного странствия туда, где успокоение от всех трудов. Просвещает юношей, располагая к борьбе со страстями и похотьми; просвещает самых младенцев, отвержая им уста на хваление Господа.

«Свет Христов просвещает всех!»

Произнося слова сии устами служителя своего, Святая Церковь как бы говорит: может быть, некоторые жребием ли рождения или обстоятельствами жизни, будучи удалены от света наук и мудрости земной, окаявают свое мнимо-несчастное положение, и думают, что они, находясь с одним природным смыслом, не могут, подобно людям просвещенным, достигнуть цели бытия своего, и должны навсегда оставаться позади их не только во времени, но и в вечности. Да не унывают таковые напрасно, и да не теряют мужества! Тот, Кто в мире чувственном повесил на небе солнце и луну, – да освещают равно всех, – Тот не забыл и в мире духовном разлить свет для озарения всех и каждого, без исключения. Посещай церковь, слушай Евангелие – Пророков и Апостолов; и кто бы ты ни был: земледелец или воин, дитя или старец, слуга или поденщик – узнаешь все, что нужно человеку знать для своего спасения, то есть для того, чтобы явиться в вечности, куда мы все должны идти, способным к своему великому предназначению.

«Свет Христов просвещает всех!»

Может быть, некоторые, – как бы так еще говорит Церковь, – наполнившись сиянием от светильника наук и мудрости земной, воображают, что им уже не нужно никакого просвещения, что они знают все, что нужно, и могут спокойно оставаться со своим запасом познаний. Да выйдут таковые из своего опасного предубеждения! Доколе они не изучили Евангелия и Креста Христова, не уразумели, как должно, что вещают о человеке пророки и апостолы; доколе, они не знают самого необходимого. Только во свете Христовом можно видеть Бога, себя и мир в истинном их виде; только по указанию откровения небесного можно найти стезю, ведущую в живот вечный.

«Свет Христов просвещает всех!»

Посему, – как бы так говорила Церковь, – всем и каждому должно ходить во свете и творить дела света. Бедный язычник может сказать еще, что он не знал, как ему вести себя в сем мире, ибо не имел в руках Евангелия: христианин – безответен! Свет Христов озарял для него все, показывал ему и его собственную бедность, и богатство к нему милости Божией, и



прошедшее наше состояние в раю, и будущее состояние в Царствии Небесном, и путь узкий, ведущий в живот вечный, и путь широкий, вводящий в пагубу, и силу Креста Христова, и необходимость крестоношения собственного. Все освещено, раскрыто, указано всем и навсегда! Посему и должно всем ходить во свете, избегать дел тьмы, не предаваться сну и беспечности.

Таков, братие мои, смысл священных слов: «свет Христов просвещает всех! Церковь повторяет их, и в научение, и в предостережение наше.

Наше дело, после сего осмотреться и узнать, каким светом водимся мы в жизни – Христовым, или каким-либо другим? Какой бы ни был свет сей, но если он не Христов, то в отношении к вечному спасению нашему все равно, что тьма и даже еще иногда хуже тьмы. Ибо застигнутый тьмой человек, по крайней мере, или останавливается, или идет тихо и ощупью, и старается, если можно, выйти на свет. А при сиянии ложного света человек бывает спокоен, идет, не останавливаясь, позволяет себе всякого рода движения, смело перемещает пути и направления; и поскольку водится ложным светом, как пловец на море, то или подвергается неминуемым опасностям, или заходит туда, откуда нет возврата. Не сие ли самое случается со многими умниками, кои, в надежде на мудрость мирскую, пренебрегают светом Христовым? Куда обыкновенно приходят они, наконец, и приводят идущих за ними? Приходят и приводят в такую бездну нечестия и разврата, на которую один взгляд исполняет трепетом сердце, не потерявшее чувств человеческих.

Блюдитесь, братие мои, сего ложного света, который в наши времена особенно начал ослеплять собою очи у многих. Памятуйте твердо, что един Христос есть истинный Свет наш, просвещающий всякого человека, грядущего в мир и исходящего из мира; и если встретите какого-либо наставника, то первее всего старайтесь узнать, какого он света есть. Если не Христова, то, кто бы он ни был, заграждайте от него слух и сердце ваше. Ибо, как в мире чувственном солнце одно, и нет другого света, кроме его, так и в мире духовном едино истинное

и животворное светило – Господь и Спаситель наш, Иисус Христос, Ему же слава, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

## Слово в неделю Крестопоклонную

«И призвав народы со ученики Своими, рече им: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет: иже бо аще хочет душу свою спасти, погубит ю; а иже погубит душу свою Мене ради и Евангелия, той спасет ю: кая бо польза человеку, аще приобрящет мир весь, и отщетит душу свою?» (Мк. 8:34–36).

Возвещая вам, братие мои, слово Божие, мы всегда находили в вас благоговейное внимание к нему, так что, к утешению нашему, и нам можно сказать со апостолом, что вы принимали возвещаемое вам не «аки слово человеческо, но, якоже есть воистинну, слово Божие» (1Фес. 2:13). При всем том мы почитаем за долг нынешнее собеседование наше начать приглашением усугубить ваше внимание, очистить и воскрылить мысль, отверсть и расширить уста сердца. Так поступаем мы не потому, чтобы предполагали сказать вам от себя самих что-либо особенно важное и дорожили собственными словами нашими, а потому, что в нынешнем Евангелии, которое мы будем излагать, содержится поучение чрезвычайно нужное и важное для каждого.

В самом деле, братие, хотя слова Господа и Спасителя нашего «все дух суть и живот суть» (Ин. 6:63), все суть «ей и... аминь» (2Кор. 1:20); но и Он Сам не о всем говорил одинаково: когда хотел внушить что-либо особенно важное, то возвышал голос, говоря: «аминь, аминь, глаголю вам» (Ин. 10:1), или присовокуплял в заключение сказанного: «имеяй уши слышати да слышит»! (Мф. 13:9).

Нынешняя беседа Господа такова, что ее надобно слышать, если бы то было возможно, и не имеющим ушей. Посему и предложена она особенным образом: "призвав, – как говорит евангелист, – народы со ученики Своими». То есть иное, говорил по временам Спаситель ученикам Своим, сообразно их особому предназначению, а иное – народу, соответственно его нуждам; всегда почти притом говорил Он, вызванный желанием слушателей: а ныне Он говорит ко всем, говорит Сам, говорит,

призвав к слышанию «народы со ученики». Так поступил Он, без сомнения, не почему другому, а потому, что беседа имела быть особенной, чрезвычайно нужной и важной для всех.

Итак придите все: малые и великие, просвещенные и простые, знатные и худородные, приидите выслушать то, что речет нам Господь и Спаситель наш.

«Призвав народы соученики Своими, рече им: иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет».

Видите ли важность проповеди Христовой? Дело идет не о малом чем-либо, а обо всем. Кто из нас не захочет идти за своим Спасителем и Господом? В этом состоит самая вера наша, что мы все идем за Ним, как за источником истины и самою истиной; в этом состоит вся нравственность наша, что мы идем за Ним, как за наставником в добродетели, как за образцом в святости и самой святостью; в этом состоит все упование наше, что мы идем за Ним, как за Избавителем от всех зол, как за Виновником жизни вечной и самой жизнью. От веры во Христа, от последования за Ним, мы ожидаем всего. Посему для каждого из нас крайне нужно знать, что требует это самое последование и в чем состоит оно; кто действительно идет за Христом и, следовательно, дойдет до цели, и кто не идет за Ним, хотя и думает и, следовательно, никогда не достигнет преднамеренного конца? И се, Спаситель Сам хочет сказать нам о всем этом, хочет указать каждому, что значит идти за Ним. Можно ли после сего быть равнодушным к такой проповеди?

Итак, еще повторим: для кого дорого спасение своей души, кто хочет на самом деле быть христианином, тот обрати все внимание на слова Спасителя. Если условие спасения, Им Самим предложенное, выполняется в тебе, то ты на добром пути: ты безопасен, блажен, хотя бы был последним отребием мира. А если ты не подходишь под сие правило, если небесная мера не по тебе, то, кто бы ты ни был, и что бы ни значил в мире, между людьми, ты в крайней опасности; и если останешься тем, что теперь, то непременно погибнешь на веки.

Дабы облегчить для каждого занятие сим столь важным делом, рассмотрим, братие мои, со всем прилежанием каждое слово Спасителя, как бы от него зависели (как и действительно зависят) наша жизнь и наше спасение.

«Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе, и возмет крест свой, и по Мне грядет».

В словах сих предлагаются три условия, кои надобно выполнить тому, кто хочет быть не своим, а Господним. Надобно, во-первых, отвергнуться себя; надобно, во-вторых, взять крест свой; надобно, наконец, последовать за Господом. Вот лестница к небесам: другой нет и быть не может. Вот и главные ступени сей лестницы; других нет и быть не может! Рассмотрим каждую ступень порознь.

«Иже хочет по Мне ити, да отвержется себе»! Самоотвержение есть условие, крайне неприятное для нашего самолюбия, но, как показывает опыт, необходимое во всех делах важных. В самом деле, начинают ли учиться чему-либо – отвергаются своего ума, слушают и верят, что скажет учитель. Идут ли на сражение с неприятелем – отвергаются своей воли и подчиняют себя распоряжениям военачальника. Хотят ли вылечиться от какой-либо тяжкой и опасной болезни – во всем полагаются на искусство врача и отдают себя в его руки. Так поступают обыкновенно и в земных делах. Удивительно ли после сего, что с самоотвержения начинается и дело нашего спасения, или, что то же, последование за Христом.

Но в чем должно состоять оно и до чего простираться? И в обыкновенных делах самоотвержение простирается очень далеко. Воин, например, простирает и должен простирать его до того, что он, по одному слову, не только общего и главного вождя, но и ближайшего своего малого начальника, готов идти на явную смерть. Будем ли после сего удивляться, если самоотвержение христианское прострется до смерти?

И оно простирается досюда. Да, братие, мы не сказали бы вам правды, если бы сказали, что отвержение себя, которого требует Господь наш от последователей Своих, ограничивается отвержением некоторых токмо худых мыслей, желаний или поступков; нет, оно состоит в отвержении всего ума плотского,

всей воли невозрожденной, и это не в известных только случаях, не на известное только время, а везде и всегда, на всю жизнь. Притом, это всецелое и всегдашнее отвержение себя должно в христианине простираться до возненавидения себя, как прямо и ясно написано о том в Евангелии: «аще кто грядет ко Мне, и не возненавидит... душу свою, не может Мой быти ученик» (Лк. 14:26). Как, по-видимому, ни строго требование сие, но оно столь же естественно, как и необходимо в настоящем состоянии нашем. Ибо в грешнике, каковы все мы, не много такого, что можно любить, и крайне много, за что должно ему себя ненавидеть. С другой стороны, что ненавидим, того легко и самоотвергаться; трудно оставлять и презирать только то, что любишь. Посему последователь Христов, для успеха в отвержении себя, сам должен стараться возненавидеть себя: ибо возненавидев, он уже не может не отвергаться себя.

Но как возненавидеть себя, когда каждый, по природе, любит себя? Как возненавидеть? А как ненавидит себя преступник, в коем пробудилась совесть, и сам себе желает казни? Как ненавидит себя больной, страждущий какою-либо ужасной болезнью, и призывает смерть? Как ненавидит себя человек, просто соскучившийся жизнью, и не желает смотреть на свет Божий? Во всех сих случаях наша ненависть простирается далее всех пределов; а когда нужно отвергнуться самих себя, дабы идти за Господом к вечной жизни, тут мы будем недоумевать и спрашивать: как возненавидеть себя? Познанием самих себя. Когда бы ты увидел, что на плечах твоих грязное, разодранное, смрадное рубище, тотчас сбросил бы его с себя, и никогда бы не воротился за ним, чтобы надеть его. Узнай же, через внимание к себе, что твоя настоящая чувственная жизнь есть такое именно рубище, – и ты возненавидишь свою чувственность и отвергнешь себя. Равно, если бы ты увидел, что у тебя в самой любимой комнате твоей, где ты почиваешь, завелась змея, то немедленно убежал бы из этой комнаты и предпочел ей чистую хижину; познай же, что в душе твоей живут и непрестанно плодятся злые пожелания, – и ты возненавидишь свое сердце и не захочешь иметь его. Равным образом, когда бы ты узнал, что ты заразился

смертельной болезнью, то, в таком случае ты рад бы бросить себя и навсегда уйти от себя, если б то было можно, на край света; познай же, что ты заражен смертоносным ядом греха, что сей яд непременно причиняет смерть вечную, – и ты готов будешь не только разлюбить, но и возненавидеть себя, и таким образом исполнить во всей точности требование Небесного Врача, чтобы всецело отвергнуться себя, ради последования за Ним.

Но как бы то ни было, возлюбленный собрат, только без отвержения себя нельзя сделать в последовании за Господом ни единого верного шага. Ибо рассуди сам: как бы ты решился оставить свой путь и следовать за Господом, если бы ты не разлюбил своего пути, не убедился, что ты сам не можешь быть своим руководителем, другими словами: не отвергнулся самого себя? Следуют за другими тогда, когда не полагаются на самих себя; не полагаются на самих себя тогда, когда убедились в своих недостатках, в своей худости. Другое дело, если бы Господь повел тебя за Собою тем же путем, каким следовал ты сам, но Он будет вести тебя путем новым, нередко совершенно противным твоему прежнему пути, потребует от тебя именно того, что не по твоему прежнему образу мыслей и чувств, не по твоему греховному нраву и жизни. Как же ты будешь выполнять требуемое, не оставив прежнего образа мыслей, чувств и желаний? Как, не отвергнувшись своего ума, ты будешь принимать тайны веры, кои превыше ума и противны его мудрованиям? Как, не отвергнувшись своего самолюбия, ты будешь почитать себя первым из грешников и любить своих врагов? Как, не отвергнувшись своей плоти и крови, ты будешь распинать свою плоть с ее страстями и похотями? – Как, не возненавидев своей души, ты будешь стараться погубить ее? – Явная несовместимость! Оттого, что и бывает с теми, кои, не отвергнувшись себя, думают идти за Господом? Они только думают идти за Ним, а в самом деле идут не за Ним, а за самими собою: кто за своим умом и познаниями, кто за своим сердцем и даже страстями, кто за обычаями века сего и примерами других. Иначе и быть не может; потому что, иже хочет идти за Господом, тот, по слову Его, прежде всего «да

отвернется себе»: это первое необходимое условие, первая ступень в лестнице к небесам!

Второе требование и вторая ступень: «да возмет крест свой»! Крест есть орудие казни; он необходим, когда есть преступник, коего казнить должно: кто же этот преступник? Мы сами: наш плотский человек, наша злая воля, наше преступное самолюбие, все ветхое падшее существо наше. Отвергаясь его, мы много делаем, но далеко не все. Отвергнутый ветхий человек наш не будет лежать в бездействии, как лежит ветхое, сброшенное с плеч рубище: нет, это лютый зверь, который, отвергнутый и даже пораженный, возобновляет нападения и становится тем разъяреннее и опаснее, чем более его поражают. Тут одно из двух: надобно умертвить отвергнутого, или самому пасть под его ударами. Чем же будем умерщвлять врага нашего, то есть нашу плоть и кровь, наше самолюбие и страсти, наше плотоугодие и гордость? Собственным разумом? Он сам, доколе не возродится свыше, "кичит" (1Кор. 8:1), возьмется на разум Божий, и потому имеет нужду в умерщвлении. Собственную волю? Но она так слаба на добро, что "хотети, – как выражается апостол, – прилежит ей, а еже содеяти доброе, не обретает» (Рим. 7:18). И как она возложит руки на свое собственное самолюбие? Нужно орудие самоумерщвления внешнее, твердое, могущественное; посему-то и повелевается, отвергнувшись себя, взять крест. То есть что сделать? Полюбить, избрать, усвоить себе все, что умерщвляет в нас наше самолюбие и злую волю, нашу чувственность и страсти. Посему крест, например, есть бедность и недостатки; крест – бесчестие и клевета; крест – болезни и слабости; крест – худая женитьба и худое соседство; крест – бездетство и многосемейность; крест – потеря сродственников и друзей; крест – все несчастные случаи. Сей-то крест, эту совокупность огорчений, досад, лишений, искушений, бедствий, должен взять, то есть избрать и усвоить себе, тот, кто хочет быть истинным последователем Христовым. Надобно взять не так, как преступник берет орудие казни: с отвращением, досадою, по необходимости; нет, надобно взять добровольно, с усердием, в повиновении благой воле Божией, по любви к своему спасению,



в твердом убеждении в его пользе и необходимости; надобно взять сей крест, как больной берет самое горькое и противное лекарство, ожидая от него возвращения себе здоровья и силы. Только когда крест берется таким образом, он составляет врачевство, есть признак последователя Христова, есть символ и знамение христианства. Без такого взятия – добровольного, разумного, в духе веры и любви, – крест есть тягость подавляющая, умерщвляющая, но не воскрешающая. Ибо надобно знать, братие, что крест, как совокупность лишений, неизбежен человеку на земле; от него нельзя уйти никому; его надобно несть всякому, и не следуя за Христом, подобно, как его нес вместе со Христом разбойник, его хуливший. Но такой крест, не взятый, а возложенный необходимостью, не спасает, а только убивает и мучит бесплодно.

Заметим еще и то, что Спаситель велит последователю Своему взять крест "свой" – тот, который принадлежит именно ему, назначен свыше для него. Это нужно заметить для того, что злая воля своенравна во всем, даже в выборе креста, на коем ей должно быть распятой. Не хотят взять тот, который дан Богом, а хотят иметь самодельный, в таком, а не другом виде, состоящий из таких, а не других скорбей и лишений. Так, например, такому-то человеку видимо суждено страдать и очищаться подвигами жизни семейной и общественной, а он ищет для себя крестов жизни отшельнической. До каких затруднений, опасностей не доводит людей такой произвол и самонравие, по-видимому, не предосудительные, а в самом деле вредоносные! А главная опасность та, что таким образом дают место своему произволу, когда он-то первый и должен подлежать отвержению и смерти на кресте. Нет, возлюбленная о Христе душа, если ты действительно отверглась, как должно, самой себя и решила идти за Господом своим на Голгофу; то ты уже не будешь разбирать крестов, престанешь вымышлять их по-своему, а возьмешь тот, который давно готов для тебя. Да, он давно готов! Ибо так как крест есть необходимость для каждого: то Промысл Божий располагает нашей жизнью так, что для каждого есть свой крест, своя доля скорбей, искушений, болезней. Сей-то крест есть самый действительный и

животворящий; ибо он устроен не человеком, а Самим Богом. Посему, кто решился идти за Господом и для того взять крест, должен найти именно свой крест, а не брать чуждого, себе не принадлежащего, дабы за свое своеволие не пасть под его тяжестью.

Но ужели в сем случае нет никакого места произволу, свободным самолишениям и жертвам? Есть, весьма есть! Только прежде всего надобно решиться переносить лишения и скорби, посылаемые от Бога, те, кои неизбежны по самому нашему положению в мире и обществе; а потом уже, если достанет усердия и откроется случай и нужда, решаться на жертвы произвольные. Но и в сем случае необходимо правило – брать крест опять не чуждый, а свой, то есть сообразный со своим состоянием, своими силами, с христианским смирением и самоотвержением. И особенно с самоотвержением, чтобы, думая иметь второй и сугубый плод, так сказать, в лучшем виде, не потерять первого и, взяв крест, не взять в нем тайно и не приметно самого себя.

Таков, братие мои, смысл второго требования от последователя Христова, и се свойство второй ступени в лестнице к небесам!

Третье требование и третья ступень есть шествие с крестом за Господом: «и возмет крест свой, и по Мне грядет!». Жизнь наша есть путь непрерывный: можно остановиться на нем своей деятельностью, но нельзя остановить течения вещей, развития или упадка собственных сил и жизни. Все это, не останавливаясь, идет неудержимо. Тем паче жизнь духовная, христианская, есть путь непрестанный, всегдашнее хождение во свете заповедей Божиих, где нельзя остановиться без того, чтобы в то же время не остаться позади.

Посему-то Спаситель повелевает последователю Своему, взяв крест, не стоять в раздумьи, не смотреть по сторонам, а идти, не останавливаясь: то есть что делать? Во-первых, всегда помнить, откуда, из какой тьмы и пагубы он изведен благодатию Божиею: куда, к какому свету, чистоте и совершенству ему должно стремиться, что у него и для чего за плечами, то есть не свирели и тимпаны, не розы и лилии, а крест: а помня все это,

непрестанно устремляться в передняя, переходя путем узким от веры в веру, от добродетели к добродетели, от одного опыта самоумерщвления к другому, не удовлетворяясь никакой внешней благовидностью своего поведения, а простираясь до истинной чистоты намерений, до совершенной богоугодности действий, до полного умерщвления в себе греха и самолюбия. Так поступал апостол Павел, который и после того, как был уже на третьем небе, почитал себя еще «не у ...достигши» (Флп. 3:13) и, нося «язвы Господа Иисуса на теле» (Гал. 6:17), совсем будучи распят миру, все еще продолжал по вся дни умерщвлять тело свое, "да не како, – говорит, – иным проповедуя, сам неключим буду» (1Кор. 9:27). Противно сему поступают те, кои, по надежде на окружающие их лишения и горести, думают, что они через то совершенно безопасны от искушений и соблазнов, потому оставляют духовное бодрствование и предаются бездействию. Оттого-то именно бывает, что иные, как выражается сей же апостол, «наченше духом», скончают плотью (Гал. 3:3). Блюдись сего, последователь Христов!

Чрезвычайно важно еще притом, чтобы, взяв крест, идти не за кем-либо другим, а именно за своим Спасителем: «по Мне грядет». Увы, братие мои, можно нести крест и идти – не во след Спасителя, а в след того же мнимоотвергнутого греховного своего человека! Можно страдать и терпеть, и в то же время погублять мзду и страданий и терпения! Это бывает, когда мы, среди нашего крестоношения, руководствуемся не верою в Господа и Его примером, не правилами Евангелия, а своим воображением и чувствами, или худо понятыми примерами других. В таком случае обыкновенно впадают в крайности; устремляются к тому, что, хотя само в себе хорошо, но нам не свойственно; и не исполняют того, что кажется не так высоко, но для нас необходимо. Чтобы избежать сего, крестоносцу надобно непрестанно иметь пред очами жизнь Господа своего и, по возможности, подражать ей. Кто будет поступать таким образом, тот не увлечется, например, той неправильной мыслью, якобы для самоотвержения христианского нужно человеку бросить все житейские связи и бежать в пустыню. Спаситель, напротив, для великого крестоношения Своего

изшел из пустыни; около четырех лет провел между людьми всякого рода, странствуя по градам и весям. Памятуя сие, каждый может спокойно оставаться в своем звании и при своих обыкновенных делах; только, пребывая и живя, как член общества, не должен забывать, что он есть крестоносец Христов, и что вследствие сего и ему предлежит своя доля скорбей и напастей, – если не отвне, то от собственного сердца и страстей, доколе они не будут умерщвлены на кресте. Кто будет идти со своим крестом во след Спасителя своего, тот избегнет и той искусительной мысли, что для крестоносца Христова вовсе непозволительно участвовать в невинных радостях жизни, в удовольствиях семейных, пользоваться дружбой, уважением сограждан, и прочим. Нет, Господь Сам не отвергал знаков любви к Себе, разделял общую радость на браке в Кане Галилейской, похвалил жену, помазавшую ноги Ему миром; был даже на Фаворе и блистал славой небесной: только и на самом Фаворе не забывал креста Своего, беседуя, с Моисеем и Илиею о исходе Своем, «его же хотяше скончати во Иерусалиме» (Лк. 9:31), то есть, о Своей крестной смерти. Наконец, Он ли не имел мужества нести Свой Крест до конца? И, однако же, не пререк, когда распинатели возложили Крест Его на Симона Киринейского. Тем паче нам, слабым и непостоянным, кто бы мы ни были, не подобает уклоняться, когда Промысл посылает кого-либо для облегчения нашего креста, дабы в противном случае не попасть, за свое самонадеяние, в плен последнему врагу – гордости духовной.

Кратко: взяв крест, должно идти путем веры и добродетели, идти непрестанно, идти за своим Спасителем, руководясь Его примером и повелениями, – идти, не озираясь вспять на прежние греховные навыки, не рассеивая взоров по сторонам, ограждаясь непрестанно смирением и молитвою.

Но куда же приводит путь сей? Где цель его, и что там?

Спаситель не открыл сего в настоящем случае прямо, потому что, когда предлагалась настоящая беседа, Его собственный путь еще продолжался. Но можно ли много недоумевать и вопрошать о том, где конец пути крестного? Когда велят идти с крестом за плечами: то явно не на брак и

пиршество. Когда надобно идти с сим крестом за Господом, то нельзя не прийти, наконец, на Голгофу.

Для чего носили преступники свои кресты? Для того, чтобы быть распятыми на них. Для того же должен нести свой крест и ты христианин! Смерть, смерть крестная, вот цель твоего крестоношения, твоего последования за Христом! «Иже Христовы суть, – говорит апостол, –плоть распята со страстями и похотьми» (Гал. 5:24); и представляет в пример сего распятия себя самого: «имже мне мир распяся, и аз миру» (Гал. 6:14).

Но если где, то при сей истине, все падшее существо наше возмущается, все кости плотского человека нашего вопиют: «не хотим сему, да царствует над нами» (Лк. 19:14). Что за царь, у коего вместо скипетра – крест? Что за предводитель к победе, который ведет последователей своих на смерть неизбежную? В самом деле, братие мои, почему так мало истинных последователей Христовых? – Именно потому, что, следуя за Христом, надобно идти на смерть своей чувственности. Отвергаться самих себя отчасти соглашаются, ибо не могут не видеть, что в них есть много даже такого, чего вовсе нельзя терпеть. Соглашаются даже и взять крест, то есть, переносить скорби, подвергаться лишениям, находя это, с одной стороны, неизбежным, а с другой – полезным, но быть распяту со Христом, погребену, дабы потом не иметь своего ума, своей воли, своей жизни – на это решаются только немногие, избранные; об этом вовсе не думают, сего не почитает нужным большая часть даже из так называемых добрых христиан.

Да будет же известно, братие мои, всем и каждому, что без сораспятия нашего Господу и Спасителю нашему невозможно, решительно невозможно, участвовать нам и в Воскресении с Ним, ибо естественная жизнь наша во грехе и страстях так противоположна истинной жизни нашей в Боге, как ночь противоположна дню. Чтобы настал день и взошло солнце, непременно прежде должна пройти ночь; подобно сему, чтобы явилась в нас жизнь Христова, а с нею вечные радость и блаженство, прежде должна быть истреблена в нас жизнь греховная. Посему думающие достигнуть спасения иным каким образом, а не через умерщвление своей плоти и страстей,

подобны тем людям, кои желали бы получить здоровье, не исцелившись от лютой болезни. Сего не может сделать для нас Спаситель наш, ибо это значило бы предоставить Царствие Небесное греху и страстям. Посему, кто хочет последовать Ему, тот заранее должен решиться на умерщвление в себе всего, противного воле Божией, и следовательно, прежде всего – на умерщвление своего самолюбия, которое составляет корень всех наших нечистот и преступлений.

Дело столь великое, хотя может начаться в нас каждое мгновение, очевидно – не может совершиться в краткое время; ему должна быть посвящена вся наша жизнь. Посему тот в жалком заблуждении, кто думает, что для вечного спасения души своей достаточно, например, провести в покаянии и молитве один какой-либо Великий пост. Нет, этот Великий и воистину душеспасительный пост должен состоять из всей нашей жизни. Пасха и Воскресение после таковой четырехдесятницы празднуются уже не на земле, а там – в не вечернем дни Царствия Христова.

Очевидно также, что умерщвление в нас ветхого человека сопряжено со многим принуждением себя, с лишениями и скорбями. Но что же делать? Это болезни нового рождения от духа. Как по плоти нельзя родиться без крови и слез, так нельзя возродиться и по духу без скорби и печали по Бозе. Спаситель никого не принуждает к сему: "иже... аще кто хочет"! Но мы сами, поняв надлежащим образом дело спасения нашего, мы сами должны отвергнуть широкий путь, вводящий неминуемо в пагубу, и возлюбить путь узкий, который один вводит в живот. Ибо что пользы, если мы, уклонившись от ига Христова, и избегнем скорбей временных, но подвергнемся через то, подобно богачу Евангельскому, мучению вечному? (Лк. 16:19–31) Но избегнем ли, уклонившись от последования Христу, даже временных скорбей? Увы, мир, нас обольщающий, имеет не одни розы, а и множество вместе с ними тернов: первые цветут кратко, а последние – всегда на древе. Какая неизмеримая толпа миролюбцев! Но много ли довольных своей участью? Все стонут и вздыхают. Посему, если уж неизбежно страдание, то лучше терпеть и страдать для Христа и со Христом, нежели для

мира и с миром. В первом случае временными страданиями искупается вечное блаженство; а в последнем – временные страдания послужат залогом и предначатием вечных мук.

Уразумеем же тайну Креста Христова и нашего. Познаем необходимость обоих крестов; познав, возлюбим тот и другой любовью неразрывной; возлюбив, будем нести свой крест, по следам Спасителя нашего, распиная на нем ветхого человека нашего, тлеющего в похотех прелестных. Сделаем все сие, братие мои; ибо се есть живот вечный! Другого пути к животу и Царствию для нас нет и быть не может! Аминь.

## Слово на память Алексея человека Божия

Святой апостол Павел, беседуя с Коринфянами о будущем воскресении мертвых, заметил, что как «звезда... от звезды разнствует во славе» (1Кор. 15:41), так будет в день Воскресения и с телесами Праведников: то есть все, они заблестят светом небесным; но свет сей будет не одинаков: в одних сильнее, в других слабее. Таковое разнообразие в блаженном просветлении праведных на небе произойдет, без сомнения, не от чего другого, как от внутреннего разнообразия их душевных качеств и степени богоподобия, достигнутой им на земле.

Как бы в некое предварение и залог сего, служит теперь разнообразие тех особенных проименований, коими Святая Церковь отличает многих из угодников Божиих. Так, иной на языке Церкви называется великомучеником и многострадальным; другой – прозорливым, третий – постником, тот милостивым, сей молчаливым, иной столпником, другой начертанным, иной вселенским учителем. Все сии и подобные проименования, очевидно, не праздные имена, а выражают собою отличительный характер святых угодников и служат предвестием и залогом той особенной славы и того величия, коим каждый из них украсится во Царствии Отца Небесного.

Празднуемый нами, угодник Божий Алексей также отличается особым названием **человека Божия**. И все праведники суть человеки Божий; подобно как грешники – человеки не Божий, а сыны, как называет их Сам Спаситель, диавола; но святой Алексей именуется человеком Божиим в особенном некоем значении: как бы это название принадлежало ему преимущественно перед всеми другими.

От кого наречен святой Алексей сим высоким именем? Если бы его нарек так и глас человеческий, подобно как святой Иоанн еще при жизни его наречен был Златоустом за сладость бесед своих, то и тогда это название составило бы для него великую похвалу; ибо это значило бы, что все, видевшие его, признавали в нем человека Божия в высшей степени. Но



Алексий наречен так не от человек и человеком, а свыше, от Самого Бога, ибо в то время, когда праведник скончался течение свое и приближался к исходу от сей жизни, недоведомый глас в церкви, во время богослужения возгласил: **грядите зреть человека Божия!**

Поелику же на небе нет имен праздных или преувеличенных; и что нарекается с неба, то нарекается по строгому соответствию названия с тем, что называется, то в имени человека Божия, данном таким образом святому Алексию, содержится, братие мои, и величайшая похвала для него, и обильное назидание для нас.

Итак, вникнем в жизнь человека Божия и посмотрим, чем заслужил он наименование столь великое и поучительное.

Обозревая жизнь святого угодника, тотчас видишь, что она вся исполнена пламенной любви к Богу, соединенной с самоотвержением самым высоким и всецелым. Нет почти ни одной возможной для человека жертвы, которой бы он не принес в дар Богу. Алексий был единственным наследником великих и разнообразных стяжаний своих родителей, но, отвергнув все сии богатства, соделался на всю жизнь нищим Христа ради. Алексию, по самому происхождению его от славного и высокого рода, предлежал путь почестей и отличий, благоволение монарха и близость ко двору его; он, презрев всякую славу и честь, смирил себя, подобно Спасителю, «зрак раба прием» (Флп. 2:7). Алексий цвел красотой и избытком сил телесных, но в самой юности еще увядил постом и трудами плоть свою до того, что самые родители не могли узнать его и до самой кончины содержали его в доме своем, как чуждого странника. С ним сочетана была браком благороднейшая и лучшая из невест римских; и, дева до брака, осталась девой до конца своей жизни, не зрев супруга своего на ложе брачном; ибо уязвленный другой, высшей любовью, Алексий в самую ночь брачную сокрылся навсегда из-под крова родительского. Казалось, окончен весь ряд жертв – все отдано Богу; и отдаленная пустыня, в которую уклонился юный подвижник, сохранит навсегда в себе всю ветвь райскую. Нет, она только

возрастит и укрепит ее для новых плодов, то есть для новых жертв и подвигов.

Но что же можно сделать более? Разве претерпеть мученическую смерть за Христа? Но время гонений за веру уже прошло: венца мученического уже нет. Нет рукотворенного, кровавого; но есть нерукотворенный, бескровный; и он должен украсить главу подвижника. Каким образом? Внемлите и возблагодарите!

Пустыня, ограждавшая Алексия от всего мира, начинает терять безмолвие от славы его подвигов: он видит вокруг себя непрестанно людей, ищущих его молитв и благословения; видит – и спешит бежать от похвал и чести, его преследующих, в другое отдаленное место, где бы никто не знал его, кроме Бога и Ангела Хранителя. И что же? Море, коему он для сего вверяет себя, внезапно воздымается бурей, и, – так устроившу Промыслу, – износит корабль его пред врата града отеческого!..

Другой со взором, менее очищенным и не так способным проникать в глубину путей Божиих, увидел бы в сем простой случай и снова начал бы искать удаления от того места, где сосредоточены все искушения для сердца. Но для человека Божия нет случая: он познает в сем событии волю Божию о себе; и что же предпринимает? Искомую пустыню умышляет найти для себя в самом доме отеческом: является пред него в виде странника, испрашивает себе у родителей, во имя давно потерянного сына их, малого угла в дому; и, – самозаключенный, – проводит в нем семнадцать лет в подвигах поста и молитвы! Собственные слуги его, по научению духа злобы, обливают его иногда нечистотами; он терпит! Ежедневно видит мать и отца, скорбящих о потере сына, – и терпит! Слышит вопли супруги, оплакивающей свое вдовство безвременное, – и терпит! Когда все беседуют о нем, он за всех беседует с единым Богом. Судите, чего стоили для сердца человеческого сии семнадцать лет, проведенных таким образом! И вот, тот бескровный венец мученический, коим суждено было свыше украситься человеку Божию!..

Перестанем же, братие мои, ссылаться на невозможность с нашей брэнной плотью побеждать приверженность к вещам

земным. Ибо, вот, с сей самой плотью оставлены ради Христа все блага мира, прерваны все узы плоти, побеждена природа со всеми ее не только нечистыми, но и самыми невинными требованиями!

Предложить ли, однако же, сей пример для подражания всем и каждому? Нет, это было бы не по духу самого Евангелия. Не все могут быть Авраамами, чтобы принести в жертву Исаака; не все – Алексиями, чтоб из-под венца брачного устремиться прямо за венцом мученическим. «Могий вместити, да вместит»! (Мф. 19:12). Но не имея способности подражать некоторым подвигам святых человеков Божиих, во всей их полноте и, можно сказать, беспредельности, мы должны приближаться к ним, поколику для нас возможно; в их любви к Богу и презрении благ мирских. Хочешь ли в настоящем случае видеть, в чем можно и нам подражать человеку Божию? Внемли: тебя Бог благословил богатством и стяжаниями, – от предков ли доставшимися или тобою самим приобретенными, – пользуйся ими, но не употребляй во зло – свое и других; содейлай блага земные средствами к приобретению благ небесных; яви собою в малом виде то, что Бог делает в великом, то есть сделайся благодетелем неимущих и нуждающихся; тогда и при богатстве, или лучше сказать, за само богатство твое ты будешь человеком Божиим, ибо все благодетельствованные собою будут прославлять, ради тебя, Отца, иже на небесех.

Пред тобою открыт путь достоинств и почестей: иди по нему, но иди прямой и чистой стезей, не употребляя никаких недостойных средств к твоему возвышению, не жертвуя для сего совестью; и чем более будешь возвышаться над собратиями твоими, тем более смирайся в духе твоём, пользуясь высотой своею для покрова и поддержания слабых и угнетенных. Яко облеченный доверием власти предержащей, говори истину, которую другой не в состоянии сказать; стой за правду и тогда, когда все ее оставляют; являй всегда и везде собою пример бескорыстия и самоотвержения для блага общественного; с терпением переноси клевету и зависть, – тогда ты, и при высоте твоей и достоинствах, или лучше сказать, за сию самую высоту и достоинства, честно

достигнутые, праведно поддерживаемые, на добро обращаемые, будешь человеком Божиим, ибо все будут, ради тебя, прославлять имя Божие.

Ты вступил в брак, обязался узами супружества, – вкушай чистые радости семейной жизни, но не забывай, что ты в союзе не с одной твоей супругой, что ты в Крещении сочетался Христу и что душа твоя уневещена Ему, яко жениху, и тебя ожидает брачная вечеря во Царствии Его. Памятуя сие, веди себя как прилично тому, который должен быть некогда един дух с Господом. Если чада твои рождены будут не в похоти плоти, а по духу веры и воспитаны в страхе Божиим; если домочадцы твои сохранены от пороков и разврата; если дом твой есть подобие Церкви: все в нем боится Бога, делает правду, наблюдает мир и чистоту, – то ты и в супружестве, и за супружество, человек Божий! Аминь.

## Слово в среду недели 4-й Великого поста

«Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»! (Лк. 23:42).

Святая Церковь поступает с нами, как матери поступают с младенцами, когда учат их говорить. Матери заставляют для сего младенцев повторять за собою имена лиц и название предметов, кои всего нужнее для разговора. Так делает и Церковь. поскольку для нас грешников всего нужнее покаяние, то чтобы научить каяться во грехах наших, она заставляет нас в настоящие дни повторять, вслед за нею, то покаянный псалом Давидов: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости Твоей» (Пс. 50:1); то умирительную песнь Израильтян: «На реках Вавилонских, тамо седохом и плакахом» (Пс. 136:1); то сокрушенную молитву святого Ефрема Сирина: **Господи и Владыко живота моего**; то настоящее трогательное воззвание к Спасителю покаявшегося на кресте разбойника: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»! (Лк. 23:42).

Поелику за сии последние слова тому, кто произнес их, сказано от Самого Спасителя: «днесь со Мною будеши в раи» (Лк. 23:43), то неудивительно, что они сделались особенно драгоценными для всех грешников, и всякий раз, когда возглашаются в церкви, производят всеобщее видимое впечатление, выражающееся осенением себя крестом и преклонением главы. Каждый чувствует, что в сем воззвании кающегося разбойника содержится как бы некий ключ ко вратам рая. И подлинно, это ключ к Царствию; только для того, дабы отверзать им, что хотят, надобно не иметь только его в своих руках, а уметь действовать им, как должно. Иначе мы сами что подумали бы о Царствии Небесном, если бы для входа в него стоило только произнести несколько слов? Если они отверзли рай разбойнику, то потому, что с сими малыми словами в устах, у него крайне много соединено было в сердце. Без сего и разбойник, сколько бы ни повторял их на кресте своем, не услышал бы того вожденного ответа, коим благоволил удостоить его Спаситель мира.

Кому же, спросите, могут они отверзть рай? Тому, во-первых, кто имеет такую же живую и твердую веру в Господа Иисуса, какую имел разбойник на кресте. Посмотрите, как он верует! Верует так, как не веровали в час смерти Господа многие из ближайших учеников Его. Ибо сам Петр отвергся Его в это время трижды, и притом с клятвою. Петр отвергается, а разбойник Сего, отверженного всеми, Сего умученного, распятого вместе со злодеями, оставленного, по-видимому, Самим Отцом Его, признает не сотворшим ни единого зла, именует Господом своим и Владыкою, и приносит Ему смиренную молитву о том, чтобы не быть забытым от Него в Его будущем Царствии!.. Что можно представить себе выше и сильнее такой веры?

Суди же после сего сам, в состоянии ли ты усвоить себе исповедание разбойника? Если чувствуешь в себе присутствие его веры; если вопреки всех мудрований лжеименного разума, который и доныне, ослепленный, продолжает видеть в Иисусе Сына не Божия, а только Марии, – ты постоянно видишь в Нем Христа, Божию силу и Божию премудрость; если ты готов остаться с Ним и тогда, когда бы все оставили Его; если ни Его Крест, за тебя несомый, ни твой, для Него подъемлемый, нисколько не соблазняют тебя, а еще более привязывают к Нему твою душу и сердце: то смело отверзай уста и произноси: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»! Глас твой будет услышан, и двери рая не затворятся для твоей веры!

Кто может достойно произнести слова разбойника? Тот, кто, подобно ему, не только искренно сознает свои грехи, но и благодушно переносит их несчастные последствия. Разбойник, не смотря на свое покаяние, подвергся на земле всему, что преступник закона может потерпеть от правосудия человеческого: он умирает теперь на Кресте в ужасных муках. Но смотри, как терпит эти муки! Когда злополучный клеветет его предается бесполезному ропоту, он смиренно проповедует, «яко по делом наю (нас) восприемлева» (Лк. 23:41). Как бы так говорил: что ты ропщешь? С нами происходит именно то, что должно: подобные нам грешники по необходимости должны мучиться и страдать.

Это показывает, что в нем произошла решительная перемена мыслей, что он почувствовал всю худость своих поступков, получил сердечное омерзение ко греху и смотрит на него, как на такого врага человеку, от которого не много значит освободиться даже муками крестными. Не потому ли, может быть, он не просит у Спасителя даже облегчения своих страданий, даже мужества для перенесения их; то есть хочет испить чашу мучений до дна, дабы горечью ее очиститься от всех прежних тлетворных сладостей греха? Взор его весь устремлен в одно будущее, к жизни вечной за гробом. Там хочет он начать новое бытие и новую деятельность, чистую и святую; и молит Иисуса о том, дабы грехи его не воспрепятствовали ему в сем благом намерении: «помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»!

То есть, покрой грехи мои пред судом правды Божией, дополни, от заслуг Твоих, чего неостанет в казни, мной претерпенной: да буду и в Царствии Твоем не отринут от лица Твоего так же, как теперь удостоен приблизиться к Тебе крестом моим! Таковы смирение, преданность и упование кающегося разбойника!

Хочешь ли убо, грешник, и ты улучшить благую часть его? Улучи же прежде его чувства. Не ограничивайся слабым признанием, что ты грешник: кто из грешников не имеет его? Но покажи, что ты чувствуешь всю мерзость грехов твоих. Чем показать? Во-первых, тем, чтобы навсегда бросить грех; а во-вторых, благодушным терпением тех бедствий, кои, как тень за телом, всегда следуют за грехом. Подвергло ли тебя правосудие человеческое заслуженному наказанию? – Неси его без ропота, говоря, подобно разбойнику: «по делом наю восприимлева». Произошел ли от греховной жизни твоей сам собою вред и зло, например, болезнь, лишение имущества, бесчестие? – Терпи благодушно, говоря: «по делом наю восприимлева». Истинно кающийся, почувствовав мерзость греха, не только не старается избегать наказания за него, а ищет, и нередко просит его, как милости; не находя у других, сам изобретает для себя наказание. Когда и ты поставишь себя в такое расположение духа, то отверзай уста с верою и говори:

«помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»! Глас твой услышится, и ты не будешь забыт Владыкою рая.

Кто может достойно произносить слова разбойника?

Тот, кто, подобно сему разбойнику, не только сам чувствует отвращение от греха, перестает грешить; но и старается привести к покаянию подобных себе грешников, особенно тех, с коими участвовал в беззакониях. Это – святая обязанность кающегося грешника: он должен употребить все, чтобы не самому только возвратиться на путь правый, но и возвратить на него тех, кои совращены им с него его страстями. Как трогательно исполняет сию-обязанность кающийся на кресте разбойник в отношении к распятому собрату своему! Может быть, не он соблазнял его на грех, а сам был соблазнен им: но поскольку злодеяния были общие, то он хочет разделить с ним и свое покаяние. Ни ли ты боишься Бога?– говорит он, услышав хулу его на Иисуса; «мы убо по делом наю восприемлева: Сей же ни единого зла сотвори» (Лк.23:41). Не много слов, но какого самоотвержения стоило произнести их тому, кто сам раздираем был муками от креста? Посему-то кающийся разбойник не оканчивает даже своей проповеди собрату своему, а, прервав ее, слабеющими устами обращается к Спасителю с молитвой: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»! – желая уже не словами одними, а и примером своим досказать бедному собрату, что и ему надобно сделать.

Итак, кающийся грешник, если хочешь усвоить себе сию молитву, то не останавливайся на своем обращении. Ты грешил не один, и каяться должен не один. Не скрывай убо обращения своего, как делают некоторые, пред друзьями и клеветами твоего беззакония: все видели, что ты грешник, пусть все увидят, что ты грешник кающийся. Как бы кто из прежних клеветов твоих, подобно распятому клевету кающегося разбойника, безумно ни издевался над делом спасения, ты не должен сим огорчаться, а делать свое дело. Советуй, проси, умоляй, заклинай, но старайся возвратить на путь правый соучастников твоих! Ибо таким только образом ты будешь подобен благоразумному разбойнику и можешь непостыдно



говорить с ним ко Спасителю твоему: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»!

Вообще, братие мои, не должно думать, что когда мы произнесем несколько слов со вздохом – Давидовых ли, мытаря ли, разбойника ли кающегося, то уже имеем право на помилование и можем продолжать грешить безпечно, по-прежнему. Нет, это было бы заблуждение самое грубое. В таком случае сии же самые слова послужат нам в осуждение. «Ты знал и ведал, – скажут нам некогда, – как должно каяться; ибо твои же уста произносили слова покаяния Давидова, или разбойника на кресте. Зачем же, употребляя их слова, не подражал их действиям? Для чего принимал их образ и не стяжал их духа и сердца?»

Итак, умоляя вместе с разбойником Господа, чтобы Он воспомянул нас «во Царствии» Своем, позаботимся о том, чтобы было что воспомянуть о нас Господу, дабы нам, и воспомянутым, не сделалось хуже от самого воспоминания о нас, то есть от наших неправд и нашего нераскаяния во грехе. Аминь.

## Слово в пяток недели 4-й Великого поста

«Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем!» (Лк. 23:42).

Нет, братие мои, ни одного самого сильного и действительного врачевства, которое от злоупотребления не могло бы обратиться во вред. Даже чем сильнее и лучше лекарство, тем бывает вреднее, когда употребляют его не как должно. Трогательный пример разбойника, покаявшегося на кресте, и за свое покаяние удостоившегося слышать из уст Самого Спасителя: «днесь со Мною будеши в раи»! (Лк.23:43) – есть одно из действительнейших врачевств духовных для кающихся грешников, к поддержанию в них надежды на милость Божию, к ограждению их от уныния и отчаяния. Но и сие врачевство, вместо пользы, иногда ожесточает болезнь душевную и обращается в пагубу: когда, по надежде на пример покаявшегося и спасшегося на кресте разбойника, отлагают свое покаяние до последних минут жизни. Известно, как судят в таком случае: «Разбойник, – говорят, -за несколько минут до смерти успел принести покаяние и войти в рай; тем паче нам, кои не разбойники, возможно будет раскаяться во грехах перед самой смертью, и удостоиться, подобно ему, помилования». Против сего ложного умствования можно бы сказать многое, а паче всего то, что со смертью и адом, как заметил еще древний святой мудрец, нет договора и условий, что они не дадут нам пред кончиною нашей, может быть, и нескольких минут на покаяние: ибо многие, как показывает опыт, умирают внезапно; но мы, оставив все прочее, хотим теперь показать наипаче то, что самый пример разбойника нисколько не может служить поводом к отлаганию нашего покаяния до смерти, и что те ошибаются самым жестоким образом, кои думают видеть в сем разбойнике образец покаяния самого удобного и легкого. Да дарует Господь, чтобы слово наше о сем послужило кому-либо на пользу и воздвигло от ложной надежды хотя единого из грешников.

Итак, возлюбленный собрат, ты ищешь для себя покаяния легкого, хочешь для сего всю жизнь отдать греху и страстям, в надежде последними минутами купить, так сказать, за безценок рай Божий. Ищи же примера для сего покаяния, где угодно, только не в лице разбойника на кресте. – Как? Легкое покаяние, когда руки и ноги прободены гвоздями? Легкое покаяние, когда в списке самых варварских мучений нет большего, как быть распяту? Легкое покаяние, когда от мук крестных сам великий Подвигположник вопиет: «Боже мой, Боже мой, вскую Мя еси оставил»! (Мф. 27:46). Поставь себя на месте истаивающего в муках разбойника, почувствуй, если можешь, то, что он, распятый, терпит и чувствует; – и тогда воображай, если угодно, что его покаяние легко и удобно.

«Но все же, – подумает кто-либо, – рай стоил разбойнику только нескольких часов мучения и нескольких слов». И что же бы, скажи, можно было сделать ему теперь более в его положении? Если бы он сошел со креста, тогда мы вправе были бы требовать от него дальнейших плодов покаяния, новых различных подвигов добродетели; и он, без сомнения, удивил бы нас чистотой своей жизни и самоотвержением; но теперь остаются у него свободны одни мысли и уста; и смотри, как он употребляет их! Правда, что из его уст исходит только несколько слов, но прислушайтесь к сим словам: в них вся полнота веры, любви и надежды, все, что можно требовать при смерти не только от грешника, но и от самого праведника. Чего стоило одно то, чтобы назвать в эту минуту Господом и Владыкою рая Того, Кто висел на Кресте?

Если бы разбойник видел Иисуса, вызывающим Лазаря из гроба, то нетрудно было бы воскликнуть подобно Фоме: «Господь мой и Бог мой»! (Ин. 20:28). Если бы он зрел Его на Фаворе во славе, между Моисеем и Илиею, то легко было бы с Петром сказать: «добро... zde быти»! (Мф. 17:4). «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго»! (Мф. 16:16). Если бы он слышал, по крайней мере, Его беседующим во храме, то на благодать, льющуюся из уст Его, может быть, невольно бы отвечал: «Господи, к кому идем; глаголы живота вечнаго имаши» (Ин. 6:68). Теперь же, что пред очами разбойника? Един Крест

Иисусов и Его муки! Что слышит он? Отовсюду хулу и насмешки над Страждущим. Обетованный Мессия отличается от него только одним венцом терновым!.. И в сем-то Отверженном, по видимому, не только людьми, но и Самим Богом, человек, разбойник узнает Искупителя всех человеков, Сына Божия!.. Какой веры требовалось, чтобы не ослепнуть среди всеобщей тьмы, не увлечься бурным потоком общего мнения, вознестись над всеми соблазнами? Но разбойник возносится!.. Иисус и на Кресте для него то же, как если бы он видел Его на престоле славы. Подлинно, если о сотнике Капернаумском сказано, что веры, его подобной, не было в целом Израиле; то о разбойнике в настоящую минуту должно сказать, что его веры нельзя было обрести тогда в целом мире.

И сей-то пример мы берем в возглавие нашей лености в деле спасения? И на сем-то кресте разбойника, на сих-то гвоздях мы думаем спокойно опочить во грехах до самой смерти? Увы, нам ли, при нашем маловерии, при нашем расслаблении духовном, нам ли, говорю, надеяться, что мы в час смерти возымеем ту силу веры, коей не было в час смерти Господа в некоторых из самих апостолов?

Но в разбойнике, как мы видели в прошедшем собеседовании, открылась на кресте не одна вера чрезвычайная; открылась во всей силе и любовь к ближним, которая заставила его, забыв собственные муки, пещись о спасении своего несчастного собрата. Многие ли способны к такому высокому самоотвержению? И если бы кто был к сему способен, то мы, кои хотим продолжать греховную жизнь до смерти, мы именно по тому самому всего менее будем способны. Ибо, думаешь ли, нераскаянный грешник, что окаменевшее во грехе сердце твое вдруг в состоянии будет источить сию святую воду любви? Увы, если бы перед сим камнем стал сам Моисей с жезлом своим; то и он сказал бы: «еда из камене сего изведем вам воду» (Чис. 20:10). В самом деле, сколько духовные отцы ни употребляют увещаний над умирающими грешниками, но что, большею частью, видят и слышат? Видят одну сухость сердца и отчаяние; слышат один вопль болезни, или даже ропот, нисколько не похожий на глас

кающегося разбойника. Престанем же обольщать себя примером Голгофского разбойника, который, если правильно понять его, скорее должен утешить нас, нежели расположить кого-либо к беспечности в деле спасения. Если, – так надлежит рассуждать в сем случае, – если и из двух грешников, кои были распяты и умирали вместе со Спасителем, один соделался добычею ада, то кто может в беспечности ожидать своего спасения? Правда, другой спасся и улучил рай; но сколько самых редких совершенств обнаружилось в душе его! Если только такое покаяние приемлется, как сего разбойника, то хотя бы всем перед смертью был отверст рай, в него войдут весьма немногие. Чем ожидать в себе таких чудес благодати, – кои, может быть, еще прежде были заслужены разбойником, – стократ благоразумнее и лучше заранее вступить на путь покаяния и приготовить свою душу к вечности.

К чему же, наконец, спросит кто-либо, должен служить нам пример спасшегося на кресте разбойника? К тому, во-первых, чтобы не соблазняться ничем в лице и учении Спасителя нашего, Который и доселе, как на Голгофе, для сынов погибели служит предметом хулы и недоумений преступных. Когда ты услышишь где-либо подобные безумные насмешки не только над лицом Спасителя, но и над чем-либо священным, касающимся веры и Церкви Его, – вспомни разбойника и скажи: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»!

К тому, во-вторых, дабы не думать, что если ты за твои грехи потерпел наказание на земле, то уже совершенно чист и прав пред Богом и можешь смело ожидать смерти, дабы идти прямо в рай. Когда придет к тебе сия обманчивая мысль, то вспомни разбойника, который претерпел на земле самую ужасную казнь, и, однако же, не думал через то быть правым, а ожидал помилования от милосердия Господня, и скажи с ним же: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»!

К тому, в-третьих, чтобы не отчаиваться от множества своих грехов в милосердии Божию и, призвав на помощь Спасителя, бодрственно вести брань со злыми навыками – в надежде, что Тот, Который не отверг кающегося на кресте разбойника, не отвергнет и твоих слез и твоего смиренного гласа, когда ты

возопиешь к Нему с верой и любовью. Посему, когда враг-искуситель будет располагать тебя к унынию и отчаянию, говоря, что тебе невозможно быть помиловану, представь разбойника на кресте и молись его словами: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»!

К тому, наконец, что если прилунится тебе быть застигнутым смертью совершенно внезапно, и ты не имеешь возможности уже ничего сделать на пользу бедной души твоей; то, по крайней мере, старайся предать Господу дух твой с сими словами: «помяни мя Господи, егда приидеши во Царствии Твоем»! Аминь.

## Слово в неделю 4-ю Великого поста

Из предшествующих собеседований наших вам уже известно, братие мои, что настоящий день недельный посвящен Церковью хвалебному воспоминанию памяти святого Иоанна Лествичника. Не безызвестно также и то, что великая честь эта воздана ему Церковью преимущественно за то руководство в духовной жизни, каким пользовались от него многие во время жития его на земле, и которое он, можно сказать, увековечил для всех нас в душеспасительном творении своем, известном под именем «Лествицы».

Итак, нам остается, сообразно намерению Церкви, познакомить вас с сей Лествицей, которая, к сожалению, малоизвестна даже для тех, которым не противно было бы начать не умозрительный только, а и деятельный восход по священным ступеням ее. Причиной такой неизвестности этой превосходной книги может быть отчасти и язык ее – славянский, и потому не для всех понятный. Ибо, мы, учась многим языкам иностранным, которые большей частью не находят у нас для себя почти никакого употребления, небрежем, к стыду нашему, об изучении языка славянского, несмотря на то, что он есть язык Священного Писания, язык Церкви и корень нашего языка отечественного. Но если б была охота, то Лествица Иоаннова могла б к желающим явиться и на том самом языке, который для них сделался одной из первых потребностей в жизни. Ибо творение это, за его достоинство, давно усвоено всеми образованными народами. Но мы, жертвуя языку галлов так многим, не умеем и не хотим извлекать из него той пользы, которую он мог бы доставить нам духовными творениями, на нем находящимися; а только, подобно неразумным детям, сосем из него яд сладкий, посредством чтения душестленных повестей и высокоумных мечтаний.

Но обратимся к Лествице Иоанновой. Так названо им самим собрание душеполезных размышлений о главных добродетелях христианских, преимущественно тех, которыми подавляется и умерщвляется в нас ветхий наш человек, то есть грехолюбивая

плоть с ее страстями и похотями, и оживает вместо его, растет и укрепляется в нас человек новый, духовный, живущий по Бозе верой, любовью и упованием жизни вечной.

Составлено это творение для посвятивших себя жизни иноческой; но поскольку сущность дела спасения для всех одна и та же и состоит в очищении природы нашей от зла, в ней гнездящегося, и в наполнении ее благодатью Божией, а с ней и всеми добродетелями, то Лествица Иоаннова весьма полезна и душеспасительна для всякого, кто желает быть христианином не на словах только и по имени, а на самом деле.

Число ступеней или духовных размышлений в Лествице – тридесять, по числу лет земной жизни Господа нашего до Его Крещения; ибо Господь крестился и изшел на дело нашего спасения не прежде тридесяти лет, и притом потому, как должно полагать, что в это время естество человеческое достигает своего полного возраста; а мы все, по наставлению Апостола, должны приходить в меру возраста исполнения Христова, – к чему ведет и способствует Лествица Иоаннова. Посему и добродетели следуют в ней, одна за другой, в естественном их порядке и преемстве, начиная от приуготовительных и низших!

Вот краткое, внешнее очертание творения Иоаннова! Хотите ли ознакомиться с его внутренним духом? Для этого, сообразно ныне читаемому Евангелию (Мк. 9:29), где в одном из событий изображена чудотворная сила молитвы, прочитаем из его Лествицы размышление о молитве.

«Молитва, – так начинает святой Лествичник, – в рассуждении своего качества, есть сообщение и соединение человека с Богом: а в рассуждении действия есть ходатайство о благосостоянии мира, Божие примирение, мать и дочь слез, очищение грехов, надежный мост для прехождения волн искушений, средостение, защищающее от всяких злоключений, пресечение внутренних браней, ангельское упражнение, всех бестелесных существ пища, будущее веселье, непрерывное действие, источник добродетелей, ходатаица, благодатных дарований, невидимое преспеяние, душевное брашно, просвещение мысли, секира отчаяния, утверждение надежды, разрушение печали, монашеское богатство, безмолвническое



сокровище, утоление гнева, зеркало духовного успевания, учительница умеренности, живое представление человеческого состояния, будущих вещей вестница, предзнаменование грядущей славы. Молитва, для молящегося истинно, есть суд и истязание Господне, прежде будущего онаго Страшного Судища».

Скажите, кто бы из нас мог лучше и полнее изобразить свойство и силу молитвы? Сколько тут, не говорю мыслей и чувств молитвенных, а тайн и чудес молитвы! И как ощутительно, что все это изображение молитвы составлено не по воображению, как нередко бывает у нас, а по действительному опыту! Оттого как полно жизни каждое слово и выражение!

Вот что повествует потом святой Лествичник о различных видах молитвы.

«Предстояние на молитве едино: но многие и различные виды. Ибо, иные с Богом, яко с другом своим и Владыкой беседуют, и не столько для своего, сколько для других заступления, песнь и молитву Ему воссылают. Другие просят духовного богатства, славы и священного к Богу дерзновения. Иные молят избавиться вовсе от своего супостата. Другие молятся о получении какого-нибудь достояния; иные, дабы совершенно освободиться от беспокойства о долге греховном; другие, чтоб изведенным быть из скучные жития сего темницы; иные, наконец, чтоб разрешены были их преступления».

Как и здесь видно не умозрительное какое-либо соображение, а духовная опасность! И мы могли бы говорить о родах молитвы: но как? гадая и предполагая, собирая, подобно нищим, лепты чуждых сказаний и опытов, не смея утвердить, что дело происходит так, а не иначе. Иной язык у Иоанна; он говорит твердо и решительно; ибо прошел то делом, о чем говорит словом.

Один из важнейших вопросов о молитве состоит в том, как предстоять на ней?

«Ежели случилось тебе, – отвечает Лествичник, – когда ни есть, быть обвиненным перед земным судиею: то не для чего искати тебе другого образа предстояния на молитве. Если же ты

ни сам ни перед каким не предстоял судиею, ниже других истязуемых не видывал: то по крайней мере научися сему от примера тех прошений, коими больные врачей умоляют, когда врачи хотят у них резати или жещи какие-нибудь члены».

Ответ краткий, но вполне обнимающий все дело.

Нужны ли в молитве многие слова и красноречие?

: «Не мудрствуй, – вразумляет Лествичник, – при молитве своими словами: ибо часто простая и нехитростная детская немота Небесному Отцу приятна бывает. Не пецыся такожде при ней быть многословным, дабы приискиванием речей не рассеяти своей мысли. Едино мытарево слово умилиствовало Бога, и едино с верой произнесенное речению спасло разбойника. Многоглаголанье бо при молитве часто разные в ум наш мечтания приводит, и расхищает оный: а краткое и едино слово нередко рассеянную мысль нашу воедино собирает. Не зело буди при молитве дерзновенен, хотя бы ты и чистоту некоторую стяжал: но паче приступай к Богу с великим смиренномудрием; то более получишь у Него дерзновения. Хотя бы ты взошел на всю добродетелей лествицу, однако всегда молися о оставлении своих прегрешений, слушая апостола Павла, о грешниках глаголющего: от них же первый есмь аз».

Как ни полезны и верны эти советы касательно образа моления, но их все еще можно найти и у других наставников, писавших о молитве. Но вот драгоценный совет, который преподан, касательно этого предмета, одним Лествичником, и без сомнения, взят из опыта. «Когда при каком ни есть молитвы своя изречении почувствуешь внутреннее услаждение, либо умиление; то остановись на оном: ибо тогда Ангел Хранитель вкупе с нами молится».

Есть ли степени в молитве? «Есть», – отвечает Лествичник.

Начало молитвы состоит в том, чтобы приходящие к нам посторонние мысли, при первой их встрече, единым своим умом отражать. Средине этого есть, когда мысль наша в том единственно углубляется, что мы читаем и о чем рассуждаем. Совершенство же ее заключается в восхищении души нашей к Богу.

О, если бы сподобил нас Господь и этой последней высоты!

Что делать тем, которые не стяжали еще умения молиться?

«Доколе мы достодожным образом молиться еще не можем, дотолѣ походим на тех, кои малых детей учат ходити. Старайся всегда мысль свою горе возносити, или, лучше сказать, в разумение молитвенных слов углубляти, и хотя б она по младенчеству своему утомилась, паки восставляй ее. Ибо непостоянство есть свойственно нашей мысли: но могущий вся утвердити, конечно, и оную может восставить. Ежели ты неупустительно в подвиге сем пребудеши, то конечно и к тебе приидет Тот. Иже положит пределы морю твоея мысли и речет к оному: во время твоея молитвы доселе гряди и не преходи далее! Невозможно духа никакими узами связати: но идеже присутствует Творец духов, тамо вся Ему повинуются».

Премудро успокаивает святой Иоанн тех, которые думают, что молитва их бесплодна, и тем смущаются.

: «Моляся через долгое время, и прошения своего не получая не говори, что будто ничего не стяжал ты своею молитвой: ибо уже получил ты и так много. Какое бо добро может быти величественнее, как прилепятся Господу, и в непрерывном с Ним союзе пребывать?»

Премудро также отвечает святой Подвижник на вопрос: можно ли дерзать молиться за других, не имея еще дара молитвы?

«Когда тебя просят, чтобы ты помолился о спасении другого, то ты не отрицайся, хотя и не стяжал еще дара молитвы. Ибо часто вера того, который просит, и молящегося в сокрушении сердца спасает. Моляся же о других и быв от Бога услышан, не возносятся: потому что вера их в том тебе содействовала и помогала».

Долго ли надобно стоять на молитве?

: «Не отходи от молитвы дотолѣ, дѣндеже, по Божию мановению, огонь усердия твоего несколько угасити и вода слез твоих истощатися будет. Ибо, может статься, такового другого времени, к прощению грехов твоих толь способного, во всю жизнь не получиши».

Выслушаем еще некоторые, особенно примечательные, советы святого Иоанна касательно молитвы.

«Не определяй на молитву того времени, которое ты на отправление дел нужнейших и духовных употребити должен».

Совет весьма нужный для некоторых. Ибо как есть люди, которые небрегут вовсе о молитве и готовы променять ее на занятие предметами самыми маловажными и ненужными: так есть и такие, которые, по некоему пристрастию к молитве устной, бросают для нее дела самые важные, и таким образом производят расстройство в исполнении своих обязанностей, и кладут нареkanie на молитву. Апостол заповедует непрестанно молиться: но как? не устами, а сердцем, – не во храме только, или пред образом, а и занимаясь делами своего звания, – везде и во всякое время.

«Не исчисляй подробно, – продолжает Лествичник, – при молитве своей всех телесных пороков, каковы они сами в себе суть, дабы тебе самому себе наветником не соделаться».

Опять важный совет! Коль скоро душа, по милосердию Господа, очистится покаянием от грехов и просветлеет благодатью Святаго Духа, то одно воображение грехов и беззаконий, особенно плотских, отнимет уже у нее часть чистоты умственной: посему и должно быть избегаемо. Всегда памятуй, что ты был великим грешником, дабы сохранить смирение и избежать мечтаний о своем достоинстве: но подробности грехов старайся забыть, дабы мысль о них, как искра, не произвела паки в грехолюбивой природе твоей пожара.

Можно ли по чему-либо узнать о действиях своей молитвы?

«Можно, – отвечает святой Иоанн, – При всякой молитве бывает некоторое знамение о услышании Богом нашего прошения: знамение сие состоит в разрешении нашего сомнения и в твердом объявлении нам неизвестного».

Значит, нужно только уметь наблюдать это знамение, и для этого иметь тонкость духа внутреннего.

Какие действия молитвы в тех, которые умеют молиться?

«Некоторые, восстав от молитвы, как бы из некоторой распаленной печи исходят, чувствуя себя от греховной нечистоты очищенными; а другие, как бы неким светом озарены будучи и в одежду смирения и веселия облечены, от молитвенного подвига возвращаются».

Довольно на этот раз и этих кратких приводов.

Не правда ли, братие мои, что творение, в котором содержатся такие редкие духовные опыты и такие превосходные душеспасительные советы, стоит того, чтобы обратить на него внимание и прочесть его, хотя из любопытства, в сии дни поста и покаяния? Кто может сделать это и не сделает, тот накажет сам себя, так как лишит душу свою пищи самой здоровой и сладкой. А тем, которые не могут иметь Лестницы Иоанновой сами, постараемся помочь мы, показывая ее по временам и предлагая для общего употребления с этого священного места. Аминь.

## Слово в среду недели 5-й Великого поста

«Заутра услыши глас мой: заутра предстану Ти, и узриши мя» (Пс. 5:4).

Кто это так рано хочет подняться на молитву? Какой-либо пустынник, которому нечего более и делать, как воспевать в уединении своем хвалу Богу? Нет, не пустынник. Так служитель алтаря, который самым званием своим призывает ежедневно во храм утро, полудне и вечер? Нет, не служитель алтаря. Стало быть, хотя мирской человек, но свободный от житейских дел и общественных обязанностей, у которого все дни и часы в полной власти, так что он делает, что и когда захочет. Нет, и не такой человек. Кто же это такой ранний и неусыпающий молитвенник? – Это человек, у которого тьма дел всякого рода, на котором лежит столько обязанностей, что их трудно перечесать, для которого нет ни одного часа совершенно свободного, словом – это царь многочисленного народа, святой Давид! Он-то говорит: «заутра услыши глас мой, Царю мой и Боже мой! заутра предстану Ти, и узриши мя»! И не подумайте, что так случилось с ним один раз, по какому-либо особенному случаю, когда и не привыкшие и самые ленивые делают себе понуждение и являются, и не пред лице Божие, а и пред лица человеческие, от которых чают милости, утру глубоку: нет, в псалмах Давидовых есть и другие места, свидетельствующие о его святом обычае утреневать к месту селения Бога Иаковля. «На утренних», – говорит он в другом псалме к Господу, – «на утренних поучахся в Тя» (Пс. 62:7). Самая ночь не мешала ему заниматься богомыслием и молитвою: «поминах Тя, – говорит он, – на постели моей». И не только поминал, но и что делал? Вставал с постели, повергался на землю и молился: «полунощи востах исповедатися Тебе о судьбах правды Твоя» (Пс. 118:62). Когда вся природа безмолвствует и когда в самой скинии свидения тишина и покой: ложница царя Израилева оглашается – исповеданием имени Божия! Так-то достигалось высокое звание пророка! Так-то низводилась благодать Божия на царство! Так-то заслужено то несравнимое преимущество, что о

доме Давидове глаголаю "вдалеко" (2Цар. 7:19), и от плода чрева его обещано воздвигнуть обетованного Избавителя не Израилю только, а всему миру.

Но, может быть, такая близость к небу куплена была с ущербом в чем-либо для земли; может быть, когда царь Израилев утренняявал таким образом ко храму святому, страдали от этого другие его обязанности: останавливалось или замедлялось течение дел царственных; приходили в слабость воинства; не соблюдалась правда и нелицеприятие в судах; опускалось из виду благосостояние градов и весей; не делалось улучшений, не вводилось того, что требовалось новыми нуждами народа и обстоятельствами? Нет, напротив! Царство Израилево никогда, ни прежде, ни после, не было в такой силе, не цвело так и не возвышалось, как при том царе, который не только дни, но и ночи посвящал на прославление имени Божия. Преемник Давида, Соломон, пошел, как известно, противными путями: забыв заветы отца, перестал ходить в оправданиях Господних непорочно; вместо святой арфы Давидовой, на которой утро и вечер бряцалась слава Иеговы, завел поющих и играющих на пирах его в удовольствие плоти; и – что же? – под конец царствования, несмотря на всю его прежнюю мудрость, богатство и славу, престол Израилев начал поникать долу, – доколе при преемниках его, превосходивших один другого нечестием, не сравнялся с землею.

Что мы должны заключить из всего этого в назидание себе? То, во-первых, что «благочестие, – как говорит святой Павел, – на все полезно есть, обетование имеюще живота» (1Тим. 4:8), не грядущего только, а и настоящего; и что те ошибаются самым жестоким образом, которые на время, проведенное в богомыслии и в делах благочестия, смотрят как на потерянное для успеха в делах мирских. Почему ошибаются? Потому что и успех в этих последних делах, как и во всех других, наиболее всего зависит от благословения Божия: кому же наиболее может принадлежать это благословение, как не тем, которые сами благословляют Господа и мыслями и делами своими? Если и земные владыки особенно любят и отличают тех, в которых замечают особенное к себе усердие: то Владыка ли земли и

неба забудет верных рабов своих? «Аз любящая Мя люблю», – глаголет Он, – и «прославляющая Мя прослаблю» (Притч. 8:17. 1Цар. 2:30). Кроме этого, благочестивое настроение мыслей и страх Божий, делая человека степенным, рассудительным, скромным и ко всем благорасположенным, этим самым уже спасают его от множества искушений и несчастий, которые постигают миролюбцев за их гордость, самонадеянность и презорство.

В частности, пример святого Давида учит нас быть прилежными к молитве и посещению храмов Божиих, и употреблять на это, когда можно, самые ночи, тем паче утро. В самом деле, день, начинающийся усердной молитвой, всегда будет гораздо счастливее того дня, которого начало не освящено ею. В такой день и сделается, что нужно, лучше, и избегается, что нужно, вернее. Православная Церковь наша, зная это, представляет нам все удобства к тому. Нет дня, в который бы она не сопровождала восхода солнца слышным для всех зовом на молитву утреннюю. Но многие ли внимают сему зову?! Он большей частью праздно раздается в воздухе; и грады, самые обильные жителями, бывают похожи в это время на кладбище, где, сколько ни возглашай и ни звучи, никого не поднимешь из утробы земной.

Будем ли винить без разбора в этом случае всех за неусердие? Нет, многие не только утром, но и весь день, можно сказать, прикованы к местам своим. За таковых Святая Церковь сама молится, как за «труждающихся и благословною виною отшедших». Но сколько таких, которым вовсе нечего делать дома, которые могут из своего времени делать все, что захотят, и которые, однако же, в самый большой праздник, то есть несколько раз в году, почли бы за невыносимый подвиг для себя встать рано утром и явиться в церковь вместе с другими на молитву! Препятствия к сему со стороны их другого нет, кроме того, что в таком разе надобно сделать некоторое принуждение себе и оставить ложе не в урочный час; а они издавна привыкли отдавать все утро сну; ибо большую часть ночи проводят в бдении. Но, спросите: над чем проводят? Над делами важными, не терпящими отсрочки? Нет, над тем, что называется – на их



же языке – проводить и убить время. Подлинно – убить, ибо нет ничего вредоноснее этих ночных занятий: ими убивается не одно время, а вместе с ним нередко совесть и душа. Хотя бы, бедные, пожалели при этом своего здоровья, которым так дорожат во всех других случаях, ибо и оно ни от чего так не гибнет, как от этого неестественного превращения ночи в день, а дня в ночь. Ибо, думаете ли, что напрасно велено в известный час восходить и заходить солнцу? Нет, в этом начертан закон нашей жизни, и наших занятий. Нарушать его можно, сколько угодно, но это нарушение никогда не останется без вредных последствий для нарушителей.

Может быть, иным кажется, что уже поздно возвращаться в этом отношении к порядку природы (а мне кажется, к порядку возвращаться никогда не поздно): не отвращайте насильно, по крайней мере, от него детей своих. Не стыдитесь признаваться пред ними в своем недостатке и говорите прямо, что вы имели несчастье увлечься худыми примерами, что теперь видите зло, и готовы были бы возвратиться назад, но трудно. Таким образом ваша исповедь послужит во благо вам и чадам вашим.

Что же, – скажет кто-либо, – уже ли ты хочешь, чтобы все каждый день ходили к утрени? Нет, возлюбленный, мы не требуем этого; ибо многие, хотя бы и хотели, не могут того сделать по разным причинам. Но нет человека, который бы, во-первых, не мог вставать рано, тем паче не спать до полудня; нет, далее, человека, который бы не мог и не должен был освящать свое утро и начинать свой день молитвой, хотя краткой. И это-то непременно должно делать всем и каждому; этого-то требуем мы от христианина. Великое ли требование? А между тем выполнение его крайне полезно не только для нашего спасения и для нашей души и совести, а и для самого успеха в делах земных и житейских. Ибо не напрасно сказано, что благочестие на все полезно, что оно созидает грады и дома; как, напротив, неверие и вольнодумство, ведя за собой роскошь и разврат, разоряют не только дома, целые царства. Доказательств на все это так много вокруг нас, что надобно быть слепым, чтобы не видеть их. Отчего, например, пал и разорился такой-то дом, которому, еще не так давно, не было

равного по богатству, миру внутреннему и радостям семейным? Оттого, что вместе с благочестивыми родителями, коих трудами приобретено все, похоронены в землю и их благие обычаи и усердие к вере и церкви, и страх Божий, и любовь к бедным. Иностранные языки и мода не могли заменить этих добродетелей; так называемое умение жить в свете не сумело не только нажать что-либо вновь, но и не потерять готового; и те, которые величались на великолепных колесницах, должны ходить теперь, как еще предсказал древний мудрец, пешком и едва не простирать руки за милостыней. Не в упрек кому-либо говорим это (наш долг и самых виновных не столько упрекать, сколько плакать о них и с ними), а в предостережение всех. Трудно быть счастливым без веры, и если бывают, то на краткое время, и то более по-видимому, нежели на самом деле. А не погибнуть без веры нельзя, – что бы, впрочем, ни защищало от гибели: ибо, как нет другого Бога, кроме Всемогущего, Правосудного и Всесвятого; так нет и другого способа быть блаженным, как хождение во святых заповедях Его и верность преблагой воле Его. Аминь.

## Слово в четверток недели 5-й Великого поста

«Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящихся».

Но не слишком ли уже много просим мы себе в этой молитве у Господа? Апостолам предстояла борьба с целым миром, с князьями и владыками, с самыми миродержителями тьмы века сего; им надлежало идти против тысячи заблуждений и предрассудков, на тьму опасностей, мук и смертей: посему им нужно было облещися силой свыше; для них требовались не только огненные языки, но еще более пламенные души и сердца. А нам – что предстоит? Борьба преимущественно с собственным сердцем, сражение с своими страстями и похотями, необходимость стоять против некоторых только мнений и ложных правил света. Не довольно ли поэтому ограничиться нам собственными нашими силами, и не тревожить, так сказать, напрасно благодати Духа Святаго, тем паче, что, на апостолов, по чистоте собственного их духа, легко и приятно было нисходить Духу Святому, а в нас, нечистых и плотских, как вселиться пречистой благодати Его?

Признаем, братие, со смирением собственное наше недостойнство: в сравнении с такими избранными сосудами благодати, каковы апостолы Христовы, мы все, как малые ночные светильники перед звездами, сияющими на тверди небесной. Но отречься от молитвы о благодати Духа нам невозможно уже по самой слабости нашей. Напротив, если для слабейших необходима и помощь сильнейшая: то мы не только вправе, но и в необходимости просить о ней.

Впрочем, и подвиг, нам предстоящий, хотя по наружности своей мал и незначителен, в сравнении с подвигом апостолов; но в существе своем также невозможен для нас к прохождению его с успехом без помощи свыше. Правда, апостолам предстояла борьба с целым миром, а нам с одним нашим сердцем: но загляните пристальнее в это единое сердце – здесь

целый мир не только со всеми его соблазнами, но и со всей злобой, со всем упорством. Чего нет в этом нашем грехолюбивом сердце? – Идолов и кумиров? – Стократ более, нежели в каком-либо капище языческом. Есть здесь и кумир гордости житейской, и кумир похоти плотской; есть здесь и истукан брани и вражды, и истукан сребролюбия. Различие разве только в том, что в капище идольском эти кумиры и истуканы стоят бездушны и неподвижны, очи имут и не узрят, руки – и не осяжут, а в сердце нашем все эти истуканы исполнены силы и движения. Доколе мы падаем пред ними и кури́м фими́ам им, они молчат: но прикоснись им, обнаружь намерение сокрушить их, даже сдвинуть только с места: и от каждого полетят громы и молнии, так что, не укрепленный благодатью, ты падешь во прах.

Как же после этого тому, кто хочет сражаться со своим сердцем и с его кумирами, не призвать на помощь Духа Божия, того Духа, Который един может создать сердце чисто и обновить дух правый во утробе нашей?

Апостолы должны были, среди своей проповеди, давать ответы пред князьями и владыками. Тебя, когда ты начнешь дело покаяния и спасения твоего, может быть не спросят князья и владыки; но зато сколько придется тебе дать ответов не князьям и не владыкам! На всех, какие есть у так называемого, большого или малого, света судилища или собрания, ты должен стать – в лице или заочно, – но стать, как подсудимый и виновный. В одном собрании донесут, что ты соделался лицемером и ханжей и имеешь различные тайные виды; в другом, – что ты впал в меланхолию и близок к помешательству ума; в самом снисходительном объявят за тайну, что с тобой начинает происходить что-то странное и достойное сожаления. Так будут судить чужие: от самых ближних и домашних ты не раз услышишь: что с тобой? Здоров ли ты? Не тревожит ли тебя что? Не оскорблен ли ты чем? И думаешь ли ты, что удовлетворишь, успокоишь всех и каждого, когда скажешь, что ты занят делом своего спасения, что у тебя печаль по Бозе? Увы, этот язык не ведом хорошо никому! За эти-то самые слова еще более возьмут против тебя подозрений; и ты не раз, или,

лучше сказать, всякий раз сам, не зная что сказать и как образумить на твой счет других, невольно будешь обращаться к Тому, Кто научил апостолов, да вразумит тебя: что подобает творить и глаголати.

Апостолам за их проповедь повсюду предстояли опасности, угрожали гонения и мучители. Тебя, начинающий дело спасения, не будут мучить видимо: но взамен того, что мучимые страдали несколько дней, иные несколько часов, твои страдания продолжатся всю жизнь. Мир, тобой оставленный, никогда не оставит тебя в покое. Поскольку ты пойдешь не тем путем, которым идут почти все, а противным; то всякий, встречающийся на пути, почтет тебя заблудшим и будет кивать glavой. Самые благие действия твои будут казаться обидой для многих, потому что будут мешать их действиям. И сколько готовится тебе отсюда огорчений, явных и тайных! Сколько клевет, больших и малых! Самое смирение и терпение твое послужат поводом для некоторых презирать и оскорблять тебя. А если ты, как человек, погресишь в чем-либо, то и малый грех твой поставится в преступление непростительное. Все это, порознь взятое, не так велико и важно; но в сложности своей из сего составитя такой крест, что ты не раз будешь падать под ним и искать Симона Киринейского на помощь; и горе тебе, если не предстанет с помощью благодать Духа Утешителя, которая одна только может подкрепить тебя и усладить горесть твоего положения.

И все это, однако же, еще не последняя борьба и не последний крест. Сущность дела в том, чтобы изменить сердце свое, из сердца плотского сделать духовным, изгнать из него дух самолюбия, умертвить в нем похоть, возратить ему ту чистоту, с какой оно вышло из рук Божиих, и без которой нельзя явиться нам пред лице Божие. Но кто может сделать это? Мы сами – решительно не можем. Ибо здесь надо быть превыше самих себя, сделаться чуждым себе, быть вместе и жрецом и жертвой. Для сего необходима сила высшая, божественная, сила Пресвятого Духа, Который, как начало жизни, один может проникнуть во все глубины нашего духа, во все изгибы сердца, чтобы все очистить, исправить и освятить.

Воззовем же, возлюбленный, воззовем вместе с Церковью:  
«Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом  
Твоим ниспославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови  
нас молящихся!» Аминь.

## Слово первое в пяток недели 5-й Великого поста

«Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!»

Не в шестый ли посему день, по сотворении человека, и не в шестый ли час дня последовало и грехопадение прародителей наших? – Не можем утвердить этого за подлинно; но не можем и не признать этого вероятным. Не утверждаем за подлинно: ибо день и час смерти Господа, хотя не вполне, определен у Евангелистов; а о дне и часе падения Адамова ничего не сказано в бытописании Моисеевом, как бы для того, чтобы это мрачное событие вместе с грехом навсегда изгладилось из свитка времен. Между тем весьма вероятно, как заметили мы, что день и час падения Адамова суть те самые, в которые последовало распятие на Кресте Господа нашего, то есть день и час шестой. И во-первых, что касается часа, к этой последней мысли препровождает нас, хотя не прямо самое сказание Моисеево: ибо в нем, между прочим, говорится, что для обличения прародителей наших во грехе Господь явился пополудни; следовательно, самое грехопадение последовало до полудня. В какой час? Очевидно, не в раннее утро, ибо в таком случае древо не показалось бы так добрым в снедь; это бывает в то время, когда, по закону естества, ощущается потребность в пище, то есть, около полудня, и следовательно, в то самое время, когда последовало распятие Господа: ибо час шестой, в который последовало оно, по нашему счислению часов, равен полудню. Можно убедиться в том же и другим путем тому, кто способен взирать на страдания Господа оком веры возвышенным, а именно из Евангелий видно, что день и час смерти Господа не были предоставлены случаю, а предопределены и избраны: посему и говорится, например, «не ...пришел час Его» (Ин. 7:30). Если же этот день и этот час избраны, то нет сомнения, что избраны между прочим в соответствие дню и часу падения Адамова. Ибо Господь, как

второй Адам, пришедший загладить грех Адама первого, по тому самому и действовал, где можно, применительно к деяниям Адамовым. Так, Он прошел победоносно искушение от диавола в тех же видах обольщения, каким уловлен был Адам. Самый род смерти избран в соответствие грехопадению едемскому: от древа мы пострадали и потеряли рай; на древе, а не иначе, пострадал Господь и возвратил нам рай. Не должно ли ожидать после этого, что Искупитель мира, так расположив обстоятельства Промысла Божия, прострет на Кресте руки Свои в ту самую минуту, когда несчастная праматерь наша простерла свою руку к плоду запрещенному? Если мы не можем сказать, что такое соответствие, по времени, было необходимо в деле спасения нашего; то, с другой стороны, нельзя не признать, что оно в этом случае так прилично, так трогательно и так поучительно, что ему веришь невольно, не ища на то других доказательств.

Видите, однако ж, с какой редкой осторожностью поступает Святая Церковь! В молитве, нами рассматриваемой, она наводит на эту мысль, но не утверждает ее. Почему не утверждает? Потому, как мы заметили, что на это нет явного указания в слове Божиим. Так поступает Святая Церковь и во всех других случаях: она никогда и ничего не выдает за истину, кроме того, что содержится в слове Божиим. Потому мы можем быть совершенно покойны, следуя учению Церкви, ибо следуем не человеческому мнению, которое, как бы оно ни было осмотрено, всегда может подлежать ошибке, а гласу Самого Бога, Который верен и не ложен во всех словесех Своих.

Но, что же молитва? Что в ней содержится и что испрашивается? Испрашивается величайшая милость, а именно, чтобы распятым на Кресте Господом раздрано было и уничтожено рукописание и наших грехов так же, как пригвождено ко кресту и уничтожено преступление в раю нашего прародителя. «Иже в шестый день же и час на кресте пригвождей в рай дерзновенный Адамов грех, и согрешений наших рукописание раздери, Христе Боже, и спаси нас!»

Раздери рукописание согрешений наших – выражение это взято из послания апостола Павла к Колоссянам; где он,



рассуждая о благодеянии, доставленном роду человеческому страданиями Господа, говорит, что Он «истребил еже на нас рукописание... взят от среды и пригвоздив е на кресте» (Кол. 2:14). У апостола же употреблено это выражение сравнительно, то есть, в том значении, что каждый грех наш пред Богом подобен долгу, на который есть долговая собственноручная запись должника. Пока существует такая запись, до тех пор должник, как известно, безответен по закону, и долг подлежит к неперемennomу взысканию: а когда запись уничтожается, то и ответственность престаёт. И вот, этого-то уничтожения испрашиваем мы в молитве, нами рассматриваемой! «Раздери рукописание согрешений наших, Христе Боже, и спаси нас!» То есть, говоря без сравнения, прости и оставь нам грехи наши, да будем свободны от всякого ответа на них пред судом правды Твоея!

Видите теперь, как велико прошение наше! Ибо если для нас важно, когда кто простит нам долг и денежный, особенно когда мы не можем уплатить за него; то кольми паче важно, чтобы отпущены были нам все грехи наши, из которых ни за один и ничем не в состоянии мы уплатить правде Божией.

И Господь премилосердый всегда готов оказать нам эту величайшую милость. Для этого самого Он и возшел на крест, и претерпел за нас смерть, чтобы изгладить все наши грехи и избавить нас от всякого ответа за них. Почему Он еще в Ветхом Завете устами пророка не только позволил обращаться к Себе с прошением об этом; но, можно сказать, призывал к этому всех и каждого, даже требовал его настоятельно. "Приидите, – говорил Он, – и истяжимся, то есть сочтемся в долгах, и еще будут греси ваши яко багряное, яко снег убелю: и еще... будут яко червленое, яко волну убелю» (Ис. 1:18).

После этого нет причины сомневаться: смело приступай ко Кресту Христову; с дерзновением приноси все рукописания грехов твоих. Как бы они ни были велики и разнообразны, все будет уплачено, прощено, все заглажено и уничтожено, Ибо кровь Сына Божия, за нас умершего, имеет пред очами Божиими цену беспредельную. В ней такая сила, что она может очистить от всякого греха. Посему прочь уныние и отчаяние!

Хотя бы ты грехами своими превзошел всех грешников; хотя бы сравнился нечистотой и беззакониями и с самим духом отверженным: коль скоро станешь под Крест Христов, оросишься в духе веры кровью Спасителя; то ты безопасен и помилован, и не только помилован, но и будешь награжден, как невинный и злопострадавший.

Но, братие мои, такая милость преподается со Креста Христова не безусловно; иначе злоупотребление ее не было бы конца; иначе грешник мог бы то и делать, что ежедневно грешить и ежедневно получать прощение. Таким образом самое милосердие Спасителя служило бы не во спасение ему, а в пагубу, располагая его к безчувствию в грехах и к продолжению жизни беззаконной. Посему Спаситель наш готов принять грешников, готов всякому даровать не только мир и прощение, но и новую жизнь, и освящение благодатью Святаго Духа: только от всех и каждого из прощаемых Он требует исполнения некоторых условий. Какие это условия? Самые необходимые и нужные не столько для Него, а для нас же самих; потому что без исполнения их, самое прощение, нам даруемое, не поможет. А именно, Он требует, чтобы, сложив у Креста Его бремя грехов наших, мы не возвращались более за ними, не впадали в те же или новые грехи, а старались провождать жизнь свою уже в чистоте и правде. Без сего нет ни прощения, ни помилования. Ибо, к чему бы послужило то и другое, если бы прощенные намерены были снова предаваться греху? К чему лечить рану, которую ты нанес себе безумно, если ты же на другой день по исцелении, намерен нанести себе ту же рану?

Теперь понятно, кто может вместе с Церковью достойно произносить молитву, нами рассматриваемую. Ее может произносить каждый грешник, ибо она сложена, очевидно, не для праведников, а для грешников; но какой грешник? Верующий в Господа Иисуса и в силу Креста Его воистину; раскаивающийся во грехах своих воистину; – имеющий твердое намерение, получив прощение, вести себя далее не так, как жил прежде, во грехах и нечистоте, а в страхе Божиим, в повиновении своей совести и закону Господню, стараясь не только не повторять прежних беззаконий и неправд, но и

заглаживать их, сколько возможно, делами веры и любви христианской. Такому просителю не будет отказано: к такому Сам Господь простирает со Креста руце; ибо Он взошел на него не за праведных, а за грешных.

А кто молится и просит, не подумав хорошо, о чем молится и просит, кто не имеет расположения оставить грех и душевредные навыки свои, тот не столько молится, сколько оскорбляет своего Спасителя и подобен тем, которые, когда Он страдал на Кресте, говорили: «спаси себе и наю» (Лк. 23:39)! И эти люди, по-видимому, молились, ибо говорили: "спаси наю"! Но что значили эти слова? Одну злобную насмешку. – В твоей молитве, нераскаянный грешник, нет, положим, такой злобы, но есть такое же безумие. Ибо скажи сам, как спасти тебя, пока ты не отстанешь от греха? Это значило бы спасти тебя со грехом, спасти не тебя только, но и грех твой, то есть, самое беззаконие твое признать за добродетель. Возможно ли это?

Есть и еще одно частное условие, без исполнения которого также нельзя просить у Господа уничтожения рукописания грехов наших. Это прощение с нашей стороны наших ближних. Ибо, не напрасно сказано: «аще... принесеши дар твой ко олтарю, и ту помянешь, яко брат твой имат нечто на тя: остави ту дар твой... и шед прежде смирися с братом твоим» (Мф. 5:23–24). Если пред алтарем и с даром Господь не принимает тех, которые ведут распри и неправедные тяжбы с ближними своими: то тем более не примет нас, когда мы явимся в виде грешников – не с дарами, а с мольбою о прощении нам долгов наших!

Что же мне делать? – скажешь: если я прощу всем должникам моим, то сам останусь ни с чем и сделаюсь нищим. Этого не требуют от тебя (хотя бы и этого можно потребовать: и лучше нищему войти в рай, нежели, оставаясь богатым, попасть потом в одно место с богачом Евангельским): по крайней мере, не будь жесток и притеснителен; не требуй лишнего; отпусти, сколько можешь и из следующего тебе; дай время управиться с обстоятельствами, помоги выйти из затруднения; вообще, пожалей о должнике, как о собрате, и вместе смотри на долг твой, как на средство к собственному твоему спасению, к тому,

чтобы и тебе получить милость от Господа. Когда будешь так смотреть, то есть представлять, что ты сам величайший должник пред Богом: то ты не сделаешь ничего с отягощением судьбы ближнего, а скорее окажешь ему всякое снисхождение, дабы и самому заслужить милость. А в этом именно и состоит цель условия и заповеди.

После этого к вам особенно надобно обратиться, богачи века сего! Верно, у вас лежит не одно рукописание на ближних ваших; и, верно, между должниками вашими есть, которые не имеют чем воздать вам. Смотрите же, не упускайте драгоценного случая к изглаждению грехов ваших. Возьмите и повергните эти рукописания у подножия Креста Христова: Господь воздаст вам сторицею! Аминь.

## Слово второе в пяток недели 5-й Великого поста, перед исповедью

Святой мудрец Израилев заметил некогда и изрек, что «смерть и живот в руце языка» (Притч. 18:21). Если когда замечание это исполняется во всей силе, то в настоящие дни поста и исповеди. Тут, подлинно жизнь и смерть человека в руце языка, то есть зависят от его уст. Жизнь и жизнь вечная, когда ты от сердца сокрушенно и смиренно исповедуешь пред Богом свои грехи и приимешь с верой прощение в них из уст служителя Церкви! Смерть и смерть вечная, когда, по стыду ли ложному, или по гордости, или по чему другому, умолчишь пред духовником о каком-либо твоём студодеянии и отыдешь потому не прощен и не разрешен! «Жизнь и смерть в руце языка» – то и другое на твоих устах: избирай любое, но одно из двух непременно избрать должен: или исповедь, то есть смирение, преданность, веру, и вместе с тем жизнь, или – сомнение, непослушание, скрытность, и вместе с тем смерть.

После этого надлежало бы ожидать, что смерть не найдет себе между нами ни одной жертвы, что все и каждый улучат благодать и жизнь: ибо у кого нет языка, что легче сказать – и пред кем? Не пред человеком, а пред Богом – что, говоря, легче сказать как: согрешил, прости? Но, к сожалению, есть немало таких, даже между исповедниками, которые не пользуются благом исповеди, как должно, которые с собственного языка и уст берут не жизнь, а смерть; берут смерть потому, что не хотят подвигнуть своего языка, отверсть своих уст, можно сказать, на произнесение своего собственного спасения. Такие люди знают свой грех, понимают даже, что он есть мерзость пред Господом, и составляет лютую язву на душе их: но не могут собрать столько сил, чтобы решиться на исповедь его пред служителем алтаря Христова. Иные из таковых даже идут к святому наложу с намерением не скрывать более своего беззакония; и, однако же, возвращаются, не открыв его, как должно.

Кто бы ты ни была, бедная душа, страждущая этим ужасным чревоношением греха, доселе еще не исповеданного, позволь обратить и к тебе слова пророка: «совлецы узу выи твоя, плененая дщи Сионя»! (Ис. 52:2). Ноги и руки твои освободились уже от уз и сетей вражьих; ибо ты не ходишь более на совет нечестивых, не стоишь на пути грешников и не творишь прежних дел беззакония: но шея твоя не свободна; враг искушитель держит еще ее в руках своих, и не дает тебе отверсть уст на исповедание греха твоего пред священником; ибо знает, что с исповедью и разрешением потеряет все права свои над тобой. Итак, собери последние силы твои и совлецы узу с выи твоей; совлецы и воздвигни главу твою; отверзи уста и произнеси слово, по-видимому, самоосуждения, а в самом деле слово собственного спасения твоего. Ибо в то время, как ты будешь говорить: я согрешил, сделал то и то беззаконие, – Ангел Хранитель твой будет изглаждать это самое беззаконие из книги деяний твоих.

Ах, возлюбленный собрат, если бы нам для освобождения себя от проклятия и вечной казни за грехи наши предложено было и что-либо самое трудное, например, всю жизнь просидеть в темнице, или быть осужденными на труды самые тяжкие; не должны ли бы мы с благодарностью принять это предложение, как милость, дабы временным злостраданием стяжать свободу от мучений вечных? Но вот, здесь при исповеди, требуют от нас не подвигов великих, не жертв тяжких, а единого смиренного признания своих грехов: и мы еще будем при этом медлить и отрицаться! – Не явный ли это знак, что мы или не верим Самому Господу, Который пастырям Церкви говорит в Евангелии: «вся елика... разрешите на земли, будут разрешена на небеси» (Мф. 18:18), или так упорны во грехах, что не хотим променять их даже на собственное спасение?

Но как, скажешь, исповедать мне свой грех, когда он ужасен и отвратителен? А как же, возлюбленный, носить его неисповеданным так долго в душе и совести своей, когда он ужасен и отвратителен? – Как ни отвратительна рана на теле, однако же, когда начинают лечиться, то непременно показывают ее врачу, и он старается узнать всю глубину ее. А душу твою ты

думаешь излечить не показывая, а скрывая ее раны! Но, мое сердце, – скажешь еще, – так чувствительно, что я не могу открыть уст на признание в тяжком грехе моем. Ах, если оно, это чувствительное сердце, не спасло тебя от этого греха, то это знак, что в нем нет той крайней чувствительности, для которой действительно несносна и одна мысль об известных грехах. Кто мог учинить какое-либо беззаконие: тот, будь уверен, уже может признаться в нем и исповедать его пред служителем алтаря, как требует Святая Церковь. Но допустим, что эта исповедь с твоей стороны будет стоить тебе усилий и принуждения себе, что это жертва, и притом не малая. Что же? – Принеси эту жертву и докажи тем, с одной стороны, благодарность за милость, тебе оказываемую, а с другой – искренность твоего покаяния, и что ты действительно возненавидел грех. Исповедью греха, до сих пор таимого в сердце, ты несказанно облегчишь собственную душу. Это все равно, как бы ты извергнул устами то, что тяготило, возмущало и портило твою внутренность. А вместе с тем исповедь греха, доселе утаиваемого, послужит для тебя в ограду от него на будущее. Ибо стыд, который ты почувствуешь от признания, будет удерживать тебя от повторения этого греха, чтобы снова не иметь нужды в нем исповедоваться.

Впрочем, как хочешь, возлюбленный, но мы должны решительно сказать тебе в заключение, что если ты явишься на исповедь с намерением утаить некоторые грехи, то лучше не приступай к святому налюю. Ибо ты приступаешь не к человеку только, а и к Богу. Духовник твой, не видя, что в твоей душе, даст тебе разрешение; но Господь сердцеводец не даст; и ты отыдешь еще более связанный, нежели как пришел, от чего да спасет тебя Господь Своею всемошною благодатью! Аминь.

## Слово первое в субботу недели 5-й Великого поста

«Взбранной Воеводе победительная, яко избавльшеся от злых, благодарственная восписуем Ти, раби Твои, Богородице».

По избавлении от зол и бедствий, радоваться и приносить благодарения всего естественнее и приятнее. Но знаете ли, братие, над кем и в чью пользу совершена победа, за которую мы взбранной Воеводе восписуем ныне благодарственная? Она совершена, как повествует история, в пользу греков и престольного града их – Константинополя, страдавшего от жестокой осады, – совершена над каганом, вождем скифов, в числе которых, по всей вероятности, были и наши предки. Таким образом мы благодарим за чуждое для нас благодеяние, – торжествуем собственное наше поражение!

Что это значит? – То, что христианская вера и в этом отношении, как во многих других, переменяла порядок вещей и научила смотреть на события иначе: мудрость мира почитать буйством, а буйство креста – единственной мудростью; слезы покаяния вменять в источник блаженства духовного, а радости и смехи мирские – во зло и пагубу; лишениями дорожить прежде богатства, страданиями – хвалиться, в унижении -торжествовать. Если бы мы доселе оставались во тьме язычества, то воспоминание о чудесном поражении предков наших под стенами Константинополя составило бы предмет печали общественной и сетования; но, поскольку мы благодатью Божией изведены из этой тьмы в чудный свет христианства, то воспоминаем его с нашими победителями, благодарим – за собственное поражение! И поступая таким образом, поступаем совершенно справедливо; ибо в лице, помраченных тьмой язычества, предков наших по плоти, неверие устремлялось против веры, дикая свирепость – против гражданского устройства, алчность добычи – против мирной собственности. Напротив, в лице жителей Константинополя (которые суть также предки наши по вере) через ниспослание им чудесной помощи свыше награждено упование на Бога и молитва: такие



добродетели, которыми и мы живем и дышим, от которых ожидаем спасения временного и вечного.

Торжество веры, где бы оно ни открылось, есть торжество всех верующих; награда пламенной молитвы, на кого бы она ни низошла, есть награда всем истинно молящимся; победа христианства, в каком бы то ни было виде, есть общая всем христианам победа. Поэтому несколько не удивительно, что мы празднуем ныне, некоторым образом, собственное наше поражение. Это совершенно в духе нашей святой веры; ибо «дух истинного христианства в том и состоит, чтобы всегда торжествовать победу над самими собою». Раскроем эту мысль в честь взбранной Воеводы нашей, Которая и в сей внутренней брани есть лучший вождь и помощник.

Святая вера наша, братие, исходя от Бога любви и мира, вся исполнена благодати и щедрот; но вместе с тем она приводит с собой жестокую брань. Христианин должен не воздавать злом на зло (Рим. 12:17), «любить самых врагов» (Мф. 5:44), молиться за самых распинателей (Лк. 23:34); но вместе с тем он должен быть всегда воином и победителем. Мните ли, – вопрошал Сам Господь и Спаситель наш, – «мните ли, яко приидох воврещи мир на землю? – ни, не приидох воврещи мир, но меч» (Мф. 10:34). И в другом месте, приглашая к мужеству и борьбе на брани духовной, Он же Сам говорит: дерзайте, то есть, стойте и сражайтесь мужественно, «яко Аз победих мир»! (Ин. 16:33). Апостолы Христовы также весьма часто призывают к духовной брани, предлагают для того всякого рода оружия, дают советы, ободряют мужество, указывают на венцы, уготованные победителям; христианин у них есть воин, от колыбели до гроба.

Что же это за брань, которую приводит с собой наша вера святая? -Что это за победа, к которой должен стремиться каждый христианин? Это – брань человека с самим собою; это – победа над страстями и плотью, над всем, что в нас есть враждебного Богу и нам самим. Христианин должен, во-первых, победить мир с его прелестями, соблазнами, могуществом, лукавством и заразной нечистотой. Он должен победить духов злобы поднебесных, с их невидимыми и видимыми

нападениями. Но главное поле брани для христианина есть – собственное его сердце. Внешние враги немного значат для него, если внутри нет мятежа; нападения извне пагубны только тогда, когда в самом человеке есть предатели. И против этого-то домашнего зла должны быть устремлены все силы и все мужество христианина. Идти против своих любимых привычек, против требований своей плоти, против желаний собственного сердца часто труднее, нежели идти против тьмы врагов: но – надобно идти! Кто не ведет этой внутренней брани, тот христианин по одному имени. Только победа над самими собой делает нас истинными христианами. Без этого христианство и человек остаются чуждыми друг другу. Без этого нет и не может быть спасения!

Для совершенного убеждения в этой важной истине, стоит только вспомнить, в каком состоянии теперь человек и для чего нам дана святая вера наша. – Она дана для нашего спасения, для того, чтобы избавить каждого из нас от тех ужасных зол, которые обременяют всех и каждого. Но в чем состоит сущность этих зол и бедствий, от которых христианство должно освободить нас? – Главным образом в том, что мы не свои, что мы в рабстве, в плену, в крайнем утеснении и нищете. Кто враг и притеснитель наш? Грех, чувства и страсти. Они господствуют в нас, все прочее покорствуется им и страдает. Страдает ум, наполняясь ложью, обманами, истощаясь в служении пороку; страдает воля, двигаясь непрестанно по ветру чувственных пожеланий и страстей; страдает свобода, не имея силы обратиться к закону и следуя слепо за чувствами; страдает самое тело от неестественных наслаждений, хотя живущий в нас грех всего более греет и питает его. После этого как спасти нас, если не бранью с самими собой, – с тем, что в нас есть враждебного нам самим? – И что другое остается делать святой вере нашей, как не доставлять нам средства к тому, чтобы выходить из этой брани победителями? Так действительно и есть! Вникните в существо и состав христианства; и вы тотчас увидите, что в нем все направлено к этой необходимой цели, – к тому, чтобы освободить человека от плена страстей, от рабства чувств, от унижения духа под владычеством плоти; а поскольку

источник и седалище этого зла в нем самом, – чтобы сделать его победителем над собой.

Поэтому самому христианин, как мы сказали, на многое смотрит совершенно иначе, нежели естественный человек. Что для последнего кажется величайшим злом, например, страдания, бедность, унижение, ибо все это уязвляет его самолюбие, то самое для первого кажется и должно казаться благом; ибо освобождает его от внутреннего рабства и возвращает к свободе духа.

По этому-то святому закону совершаем мы и настоящее торжество наше, несмотря на то, что событие, нами воспоминаемое, несовместимо с народным самолюбием. С самолюбием оно, подлинно, несовместимо; но совершенно совместимо с любовью к Богу, с любовью к ближнему и с чистой любовью к самим себе. Ибо в лице греков, избавленных предстательством Богоматери от осады скифской, награждена вера, упование и молитва: а это те самые добродетели, в которых заключено и наше спасение. Слух о чудесном поражении воинов под стенами Константинополя, распространившийся между древними предками нашими, без сомнения, содействовал произведению в них уважения к вере христианской, и предрасположил их к оставлению язычества, что потом и последовало, – сначала частно, в некоторых лицах, а потом и во всем народе, при святом Владимире. Поэтому самая вера наша есть, некоторым образом, плод того поражения, которое предки наши потерпели от взбранной Воеводы.

Не тем ли, братие, с большим усердием должны мы притекать ныне к пречистому образу Этой Воеводы, Которая, избавив греков *от злых*, и на наших предков навела злая для того, чтобы привести на них со временем благая (Рим. 3:8), которыми пользуемся мы ныне? Но, благодаря Богоматерь за победу над нами внешнюю, не забудем просить о победе над нами внутренней, будучи твердо уверены, что в этой последней победе, над самими собою, состоит и все торжество нашей веры, что от нее зависит самое наше спасение. Аминь.

## Слово второе в субботу недели 5-й Великого поста

Последуя примеру Святой Церкви, ублажающей Пресвятую Деву всеми возможными убеждениями, и мы, братие мои, желали бы ныне отверзть пред вами уста свои на похвалу Ее всесвятого имени, отверзть с тем, чтобы через это, подобно песнопевцу церковному, исполниться духа и, если возможно, наполнить и вас этим же духом. Но, слово Церкви, вчера нами слышанное, удерживает нас: то слово, которое говорит: «вития многовещанные, яко рыбы безгласные, видим о Тебе, Богородице!» -Если многовещанные оказались безгласными; то что будет с нами – маловещанными? Для нас поэтому, в подобном случае, «удобее», по выражению другой песни церковной, «любите молчание...»

С другой стороны, что же и делать в день похвалы Пресвятой Богородицы, как не разделять, по возможности нашей, эту похвалу вместе с Церковью? Остается поэтому поступить так, как делают те, которые, живя у моря, не имеют кораблей великих для плаванья на них по всем краям морским. Таковые на малых ладьях совершают небольшие плаванья у берегов, удовлетворяя таким образом своим нуждам и отдавая должную честь неприступности моря. Подобно этому, говорю, поступим и мы; то есть, укажем вам на главнейшие добродетели и совершенства, которыми украшалась на земле Пресвятая Дева, не дерзая входить в самую глубину благодати на Ней почивавшей.

Первая добродетель и вместе основание всех добродетелей человеческих, есть преданность в волю Божию с забвением собственной воли и пожеланий. Необходимая для человека добродетель эта постоянно преисполняла собою всю душу и всю жизнь Марии. «Се, Раба Господня: буди Мне по глаголу твоему»! (Лк. 1:38), – сказала Она Архангелу, благовествовавшему Ей зачатие Сына Божия. По-видимому, нетрудно было изъяснить таковую преданность в то время, когда следовало решиться не на что-либо прискорбное и

уничиженное, а на честь и славу – быть Матерью Сына Божия: но на самом деле это был верх преданности и самоотвержения человеческого. Ибо, во-первых, к сану и званию Матери Божией принадлежало, как мы увидим, множество скорбей и искушений, таких притом, которые не посещают самых великих подвижников благочестия. Посему сказать: «се, Раба Господня», значило сказать: се, Я готова на все лишения, скорби и страдания, – готова на то, чтобы «оружие прошло самую Мою душу!» (Лк. 2:35). Самое достоинство Матери Божией, хотя есть высшее всех достоинств, но для души, истинно смиренной, какова была душа Марии, решиться на приятие его еще труднее, нежели решиться на скорби, ибо последние человек смиренный почитает естественной своей долей и принадлежностью за свою нечистоту; а стать выше Херувимов и Серафимов – как подобало Матери Божией, -на это душу воистинну смиренную могла преклонить одна беспредельная преданность в волю Божию. И эта-то преданность во всей силе выразилась в словах Приснодевы: «се, Раба Господня, буди Ми по глаголу твоему»! Сказано так один раз – Архангелу; а исполняемо было всегда, не только пред Ангелами, но и пред упорными врагами истины и правды. Ничто не могло поколебать этой преданности в Марии, – ни самый Крест Сына Ее, поколебавший собою всю землю.

Вторая добродетель души праведной есть чистота тела и духа: ею украшаются все рабы Божий; но никто не украшался в такой полноте, как Пресвятая Дева. По этой-то добродетели Она, принадлежа еще к Ветхому Завету, где безбрачное состояние было как бы даже противно закону, обещавшему в награду за исполнение его многочисленное потомство, – избрала для Себя на всю жизнь девство, и таким образом показала в Себе пример совершенства, принадлежавшего Завету Новому. По этой-то добродетели Преподобная не прежде согласилась на благовестие Архангела, как узнав, что исполнением его над Нею не нарушится нисколько святой обет девства. Ибо, что Она говорит ему? «Како будет сие, идеже мужа не знаю»! (Лк. 1:34). Как бы, то есть, так рекла Она: дело, о котором ты поведаешь, все и во

всем зависит от того, могу ли Я при нем остаться в безбрачном состоянии, Мною для Себя избранном: если могу, то Я готова послужить тайне; если нет, то да прейдет благовестие твое на голову иную! – Вот до чего, как видите, простиралась любовь к чистоте духа и тела в Пречистой!

Третья добродетель душ святых есть мужественное перенесение скорбей и искушений. Мария, после Сына Своего и Бога, есть первый и высочайший пример этой добродетели. Какого искушения не перенесла Она, какой скорби не вытерпела? «Слово плоть бысть» (Ин. 1:14), то есть зачалось от Духа во чреве Приснодевы: для последней из матерей есть в подобном положении ослаба и снисхождение; для Матери Сына Божия – нет его! Святой обручник, не ведая тайны, подозревает Ее в бракоокрадовании!.. Что может быть тяжелее этого искушения? Но Святая Дева переносит его безмолвно. Одно слово Ее могло бы успокоить сердце, а с ним и Ее Самою, и рассеять подозрения, но Она не смеет сказать этого слова, потому что это тайна Промысла; – страдает и безмолвствует! Приближается потом время рождения – тут еще более нужен покой; а Матери Сына Божия надлежало в это самое время идти в Вифлеем с Иосифом, чтобы подвергнуться переписи народной. В самую минуту рождения недостает места в обители; и Мария идет для этого в вертеп, полагает Рожденного во яслях!.. Едва радость о Родившемся заставляет забыть стесненность Своего положения, как меч Ирода простирается уже над вертепом: и Мать с Отрочатом принуждена бежать во Египет тем путем, которым и среди дня доныне с трудом проходят люди самые крепкие и вооруженные. Подражая евангелисту, преходим в молчании годы последующие. Се, Мария уже на Голгофе. Какое мучение для сердца Матери видеть на кресте в муках Сына, Того Сына, Который зачат от Духа Святаго, Который по проречению Архангела, должен «воцариться в доме Иаковли во веки»! (Лк. 1:33). Чужие не могли выносить этого зрелища и возвращались с Голгофы, «биюще перси своя» (Лк. 23:48); а Мать Иисуса стоит у Креста в безмолвии, погруженная мыслью в бездну путей Божиих. Что может сравниться с этим святым мужеством духа и сердца?

Не продолжим нашего немотствования о величии Честнейшей Херувим; итак, мы уже далеко от берега, а ладья наша мала и слаба. Вместо прославления Пречистыя, поспешим обратиться к Ней же с молитвою. О чем? Прежде всего о том, чтобы Ее благодатным содействием и в нашей нечистой душе отразился хотя малый и слабый образ тех добродетелей и совершенств, которые украшали Ее на земле, чтобы мы в действиях своих водились и управлялись не своими суетными желаниями, а пресвятой волей Божией, – чтобы сохраняли, сколько возможно, душу и тело свое от скверн мирских, и чтобы умели благодушно переносить те бедствия и печали, которые встречают нас на пути нашего земного странствия. Аминь.

## Слово третье в неделю 5-ю Великого поста

Шестую уже седмицу поста начинаем, братие мои! Так течет время! – Пост столь же мало может удержать быстроту его, как и празднества самые светлые. А иные из нас еще скучают продолжительностью времени, и не знают, на что употребить его: до того может простираться в человеке забвение цели бытия своего! Кто помнит, для чего дана ему жизнь, и что потребуется от него за гробом, тот никогда не будет тяготиться продолжительностью времени: тому каждый час дорог; ибо он знает, что должен действовать и трудиться для вечности. Узнает это и каждый; но когда? На ложе смертном; тут самый рассеянный чувствует, наконец, цену времени; видит, как кратка земная жизнь; желал бы продолжить ее; готов отдать за то все прочее: но час смерти неотвратим – и несчастный миролюбец восхищается навсегда с того поприща, которое дается только единожды и, погубленное, никогда не возвратится. Можете представить, братие мои, что ожидает таковых людей в вечности! Для предупреждения этого-то несчастья Святая Церковь непрестанно оглашает слух наш всеми гласами пророков и апостолов, чтобы пробудить нас от усыпления и бесчувствия душевного. Для этой-то цели и мы, братие мои, возвышаем нередко пред вами слабый голос свой. Может быть, -думаем мы, исходя пред вас с словом жизни и спасения, – может быть, в нынешнем собрании есть душа, которая услышит его в первый раз, и не только услышит, но и обратит его в дело своего спасения: может быть, какой-либо грешник, вняв из уст наших гласу милосердия Божия, придет в чувство, остановится на пути к аду, и Господь отпустит нам за это хотя некую часть собственных наших прегрешений. Ибо не напрасно сказано: «обративши грешника от заблуждения... его спасет душу от смерти, и покроет множество грехов» (Иак. 5:20). Имея в виду это, и вы, братие мои, не оставляйте содействовать нам не только вашим вниманием, но и вашими молитвами о нас: ибо, если мы, при нашей слабости духовной, можем чем-либо быть



полезны для вас, то единственно верностью благодати Господней, избравшей нас в служение вашему спасению.

Настоящий день воскресный, как заметили мы в одном из прежних собеседований наших, посвящен Церковью, между прочим, ублажению памяти преподобной Марии Египетской. И подлинно, если когда воспоминание о этой дивной жене благовременно, то в настоящие дни поста и покаяния: ибо ничто так не может послужить и в поучение и в утешение для грешников, как ее жизнь и подвиги. Известно, что наиболее смущает грешника в то время, когда он начинает приходить в раскаяние. Смущает, во-первых, мысль о тяжести своих грехопадений; во-вторых, чувство пагубной привычки ко греху и трудности сражаться с нею. Но вот грешница, каких самый грехолюбивый мир видит у себя немного и всегда сопровождает презрением, вдруг разрывает все узы греха, на ней лежавшие, начинает жизнь святую и подвижническую, удостаивается чрезвычайных даров благодати Божией и восходит путем покаяния на такую высоту духа, что становится подобною Ангелам безплотным. Кто после этого может отчаиваться в своем спасении?

Чтобы образ покаяния Марии живее запечатлелся в нашей душе, для этого повторим, братие мои, кратко всю жизнь преподобной, как она изложена для нас святым Софронием, патриархом Иерусалимским.

Рожденная в Египте, Мария с юных лет имела несчастье впасть в бездну плотской нечистоты. Поводом к этому была ее особенная красота телесная – этот дар Божий, останок райского благолепия природы нашей, но который теперь редко не обращается в первый повод к греху. Разврат начался с того, с чего наиболее начинается он в летах юных, – с неповиновения своим родителям, дошедшего до того, что скоро оставлен навсегда дом родительский. После этого, нечего было уже ожидать от пятнадцатилетней девицы, кроме греха и соблазнов. И Мария, падая ниже и ниже по лестнице разврата, скоро явилась на самой последней ступени. Все, что страсти и диавол могут сделать из человека, все то было сделано из несчастной.

И в таком ужасном состоянии проведено около семнадцати лет. – Казалось, не было уже никакой надежды на исправление.

Но Тот, Кто оставляет девяносто девять овец и ищет одной заблудшей, Тот не оставил и теперь несчастную грешницу, и премудростью Своею обратил ко спасению ее то самое, что казалось верхом гибели. Ловя все возможные случаи на удовлетворение своей страсти, Мария заметила, что один корабль, наполненный юными людьми, отправляется в Иерусалим для поклонения Кресту Христову. Дьявол тотчас вложил в сердце мысль употребить этот случай для своей страсти; – и вот злополучная плывет в Иерусалим, скверня море своими делами, как прежде сквернила землю. Ни взор на святой град, ни вид Голгофы и гроба Господня не могли остановить навыка ко греху; Мария и в Иерусалиме продолжает губить себя и других. Но это было уже последней жертвой аду.

Когда наступил день торжественного поклонения Кресту Христову, Мария вместе с другими пожелала войти в храм, но сколько ни приближалась к воротам его, каждый раз уносилась волнением толпы народной. Сначала это казалось делом случая и возбуждало новые усилия протесниться вместе с другими в церковь: но когда, с одной стороны, все усилия остались тщетными, а с другой – заметно стало, что этот неуспех преследует из всех только ее одну; то в Марии пробудилась наконец совесть: как молния проникла все существо ее мысль, что не люди, а перст Божий и грехи ее отрывают ее от Святыни. В сокрушении сердца, Мария поднимает очи горе и видит пред собой на стене церковной святую икону Богоматери. Это было для нее как бы явление с неба. «Мати Божия, – восклицает со слезами грешница, – я знаю всю мою нечистоту; ведаю, что за тяжкие грехи мои мне место не в храме, а в аде, но призри, Всеблагая, на мое покаяние, и буди моею Ходатаицею и Споручницею пред Богом, Сыном Твоим: отселе вся жизнь моя будет принадлежать Ему и Тебе!»

После этой молитвы Мария опять стремится ко воротам церковным; и несмотря на прежние, еще большие толпы народа, входит невозбранно во храм и совершает поклонение

Кресту Христову. Видимая милость эта преисполняет душу ее новым умилением и благодарностью к Богу. Возвратившись ко вратам церковным, она снова повергается пред иконою Богоматери; снова произносит обет чистоты и покаяния; вторично избирает Ее Споручницею спасения: – и приравняв свыше вразумление идти за Иордан в пустыню, – оставляет навсегда мир и все человеческое.

Я говорю: «и все человеческое»; ибо Мария, заключившись в пустыне Иорданской, не только попрала всю прежнюю роскошь и изнеженность, не только отвергла удовлетворение самым необходимым потребностям плоти и крови; но вознеслась, можно сказать, над самою природою человеческою. Во все время ее пребывания в пустыне у нее не было ни крова, ни одежды, ни пищи. Трех малых хлебов, взятых ею из Иерусалима, стало ей – на сколько бы вы думали? На шестнадцать лет! Потом пищею для нее служило не столько зелье пустынное, сколько молитва и благодать Божия. И среди таких подвигов проведено сорок семь лет! Можете представить себе, братие, чего стоила такая жизнь телу, привыкшему к неге и чувственности!

Послушаем, как сама преподобная повествовала об этом святому старцу Зосиме. «Рече же Зосима к преподобней: «Колико есть лет, о госпоже моя, отнележе водворилася еси в пустыне сей?» Она же отвеща: «Мню яко сорок семь лет, отнележе изыдох от святого града». Зосима же рече к ней: «Что обретаеши в пищу себе, госпоже моя?» Она же рече: «Полтретья убо хлеба принесох, прешедши Иордан, иже по мале изсохше окаменеша, их же по малу вкушаючи, многа лета пребых». Зосима же рече: «Како же ли без воды пребыла еси толика лета; никоея же ли беды приемлющи от внезапного ослабления?» Отвеща же она: «Речи мя ныне вопросил еси, авво Зосимо, о ней же трепещу глаголати: аще бо воспомяну вся тыя напасти, яже пострадах, и помышления лютая, колико сотвориша ми беды: боюсь да не теми же паки оскорблена буду. Веру ми ими, авво, шестнадесять (шестнадцать) лет сотворих в пустыне сей, яко со зверьми лютыми, с моими безумными похотьми борющися: егда бо начинах пищи вкушати, абие

хотяшеся мы мяс и рыб, яже бяху во Египте, хотяшеся же ми и вина, любимого мною: много бо вина пиях, егда бех в мире; zde же не имуще ни воды вкусити, люте жаждою палима бех и бедне терпях. Бываше же ми и желание любострастных песней, зело возмущающее мя, и нудящее пети песни бесовские, ихже в мире навыкла бех: Абие же слезящи и с верою перси своя биющи, воспоминах обеты, яже бех сотворила, входящи в пустыню сию. Мыслью же идях ко иконе Пречистыя Богородицы, Испоручницы моея, и у Тоя плакахся, просящи отгнати помышления от мене, терзающие окаянную мою душу. Егда же довольно плакахся и в перси усердно биях: тогда свет видех, всюду осиявающ мя и тишина велика в бури место бываше ми. Како же тебе, авво, исповем помышления моя, поревавшия мя на грех? Яко огонь во окаяннем сердце моем разгарашеся и всю отвсюду мя опаляше, ко греху понуждая. Егда же таковое помышление прихождаше ми, повергах мя на землю, и слезы многи проливах, мнящи яко Сама Испоручница стоит и истязует мя, яко преступившу, и муку за преступление показующи. Не востаях же от земного повержения ночь и день, дондеже сладкий оный свет осияваше мя и помыслы, смущающи мя, отгоняше. Очи же мои к Испоручнице моей непрестанно возводях, просящи от Нея помощи; яко же и воистину Спомощницу Ту имех и к покаянию Споспешницу. И тако скончав семнадеcят (семнадцать) лет, беды тьмами приемлющи: оттоле же до днешняго дня помощница моя Богородица во всем и на вся руководствует мя». Рече же Зосима к ней: «Не потребовала ли еси уже прочее пищи и одеяния?» Она же отвеща: «Хлебы убо оны скончавши, якоже рекох ти в седминадесяти летех, питахся былием, сущим в пустыне сей. Риза же, юже имех, прешедши Иордан, от ветхости истле. Многу же беду от зимы и от зноя пострадах, солнцем горящи и морозом омерзающи и трясущися. Тем же и многожды падши на земли, лежах аки бездушна и недвижима. Многожды же с различными напастями и бедами боряхся. Оттоле убо и до днесь, сила Божия многообразная, грешную мою душу и тело унылое соблюде: помышляющи бо точию, от коликаго зла избави мя Господь, пищу неиздеваемую стяжах – упование спасения моего.

Питаюсь бо и покрываюсь глаголом Божиим, содержащим всяческая. Ибо не о хлебе едином жив будет человек. И елицы не имяху покрова, в камене облекошася, елико их совлечеса греховного одеяния». Слышав же Зосима, яко и словеса от писания воспоминаемы, от Моисея же и пророк и от книг псаломских, рече к ней: «Псалмом же и иным книгам, о госпоже, училася ли еси?» Она же слышавши это осклабися, и рече к нему: «Веруй, человече, не видех иного человека, отнеле же Иордан преидох, кроме твоего лица днесь, и ниже зверя, не иного животного видех: книгам же никогда же учихся, ни иного чтущего или поющего слышах, но слово Божие живо и действительно то учит разуму человека. Ныне убо заклинаю тя воплощением слова Божия, молитися за мя блудницу"".

После таких и столь долговременных подвигов не могло не последовать совершенного очищения души и тела, совершенного мира с Богом и совестью, совершенной победы над немощами природы человеческой, совершенного приближения к первобытному совершенству человека в состоянии невинности и содружеству с миром духовным и Божественным. И действительно, святой Зосима, которому предоставлена была Промыслом Божиим честь открыть преподобную подвижницу в пустыне и послужить ее погребению, застал ее уже не человеком, а ангелом. Мария облечена была еще плотью; но эта плоть походила более на дух, нежели на наше тело: она преходила немокренно Иордан; во время молитвы возносилась от земли на воздух; не могла вкушать почти ничего, кроме Тела и Крови Христовой. Для преподобной открыты были самые тайные движения сердца в Зосиме: она беседовала с ним из Священного Писания, из псалмов и пророчеств, никогда не читав Писания и вовсе не умея читать; знала все, что совершается в его монастыре; предрекла, что имеет совершиться в будущем. Самые звери пустынные благоговели пред лицом преподобной: в продолжение жизни ее не смели приближаться к ней; а по кончине вырыли для нее могилу и помогли немощному старцу предать ее святые мощи земле.

Судите теперь сами, братие мои, не благоприлично ли такая жизнь, как преподобной Марии, указывается Церковью всем грешникам среди настоящих дней поста и покаяния? Где яснее, как не в этой жизни, можно увидеть, что нет греха, побеждающего человеколюбие Божие, что нет бездны разврата, из которой, при помощи благодати Божией, нельзя было бы выйти путем веры и покаяния, что можно, и начав поздно, не только сравняться, но и упредить в совершенстве даже тех, которые работали в вертограде Господнем от первого часа?

Если бы, – помыслит кто-либо из грешников, – и мне было такое звание свыше, как Марии! А Марии, возлюбленный, какое было вначале особенное звание? Что она, за теснотою от народа, вместе с другими не могла войти в храм Иерусалимский? Ах, сколь многие из нас не обратили бы на это ни малейшего внимания, и спокойно, даже может быть с радостью, пошли бы домой! Совесть Марии сделала важным и решительным для нее это, если угодно так назвать, знамение. Будем внимательны к самим себе, – и мы в своей жизни найдем немало подобного, может быть еще более знаменательного, ибо можно сказать утвердительно, что нет ни единого из грешников, который не имел бы в своей жизни таких случаев, где благодать Божия видимо призывала его к покаянию; но наше непрестанное рассеяние и ожесточение во грехе делают для нас все это бесплодным. Что бы ни среталось с нами подобного, у нас один суд: это «случай»! Как будто все, самые так называемые, случаи были не в деснице Господней! И как будто со стороны Спасителя нашего мог быть опущен без внимания какой-либо случай к спасению бедного грешника! Посему, когда бы и где бы ни пришла тебе мысль отстать от греха, бросить развратную жизнь: будь твердо уверен, что эта душеспасительная мысль прямо от Бога; ибо как бы иначе она и посетила твою мрачную душу, если бы не была послана свыше? Прими таковую мысль; последуй, куда она зовет тебя: оставь гибельный путь греха: и благодать Божия, являющаяся и нищущим ее, тем более не замедлит явиться тебе, когда увидит, что ты начал искать своего спасения; озарит душу твою светом Лица Своего; укажет путь, которым должно тебе

следовать; подкрепит тебя в немощи, утешит в скорби, вознаградит за все земные лишения и рассеет для тебя на узком и тернистом пути к Царствию столько залогов Своей любви, что ты, и страдая, будешь радоваться и не променяешь нового ужасного для миролюбцев состояния своего ни на какие блага в мире.

Что же мне делать, вняв призыванию свыше, – спросит иная душа грешная: – неужели, подобно Марии, оставить все и идти в пустыню? Сделать и это, если бы оказалось необходимым, ибо ты конечно отдал бы все для своего спасения, если бы у тебя разбойники отнимали жизнь телесную. А страсти, эти враги, злейшие всех разбойников, отнимают у тебя жизнь духовную, вечную, – и ты будешь рассчитывать, чем пожертвовать для ее спасения и что оставить? Так ли пекутся о своем спасении? Так ли ценишь ты свою душу, ее же недостойн весь мир? Но для большей части кающихся грешников нет необходимости оставлять совершенно мирское свое состояние. Вступив вдруг на столь высокую, крутую и скользкую лестницу, мы, по слабости стоп своих, не могли бы идти по ней безбедно. Посему, душа кающаяся, довольно будет для тебя на первый раз и той пустыни, которая откроется в самой тебе, коль скоро ты внесешь во внутренность твою свет слова Божия; довольно той пустыни, которую составил для тебя тот же мир, тебя окружающий и тебя ласкавший, коль скоро ты отвергнешься его внутренно. Путь Марии есть путь необыкновенный, почему она и достигла совершенства равноангельского: для нас, грешная душа, довольно будет, если мы перестанем походить ожесточением и нераскаянностью на злых духов, возвратим себе чистый образ человеческий, погубленный во грехах, и соделаемся достойными войти со временем, хотя последними, в то же блаженное Царствие Божие, где живут и блаженствуют души покаявшихся грешников. Аминь.

## Слово в среду недели 6-й Великого поста

«Иже в девятый час нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти наша мудрование, Христе Боже, и спаси нас».

Итак, у плоти нашей есть не только тяжесть и дебелость, нас гнетущие, не только слабость и бренность, непрестанно запинаящие стопы наши, не только болезни и смертность, обращающие в ничто все наши замыслы и предприятия; но есть наконец и свое мудрование, такое опасное мудрование, что от него нельзя иначе избавиться, как умертвив его, чего, однако же, мы, при всей нужде в том, сами по себе сделать не можем, а должны молить о сем Того, Кто один имеет силу и власть, как оживить и укрепить в нас то, что для нас необходимо, так низложить в нас и умертвить то, от чего мы гибнем. Что это за мудрование, и откуда оно у плоти, которая как плоть, то есть, сложность вещества, хотя движущегося и одушевленного, но неразумного, по тому самому должна быть неспособна ни к какому мудрованию? Для понятия этого, надобно войти в рассмотрение нашего состава и взаимного отношения духа и плоти.

Понятие, рассуждение, умствование принадлежат собственно в нас одной душе; подобно как одной плоти в нас принадлежит очертание, цвет, тяжесть и движение; и пока в человеке происходит все, как должно, и каждая часть его состава, так сказать, на своем месте, в своем чине и действии; до тех пор в духе нашем нет дебелости, тяжести и бессмыслия плотского; а в плоти нет замыслов и умствований, принадлежащих душе. Дух, как владыка и руководитель, соображает, определяет и управляет; плоть, как орудие, повинуетя и служит, сколько может. Но когда человек, уклонившись от воли своего Творца и, что то же, от порядка и закона своей природы, повергается в грех и предается страстям и похотям, тогда это прекрасное согласие частей, его составляющих, нарушается; чин и послушание прекращаются: что должно оставаться внизу, является вверху, а верхнее падает и унижается; плоть – раба-делается владыкой, а дух



владычественный обращается в орудие плоти. Вследствие этого злополучного превращения отношений духа и плоти, они как бы меняются своими качествами: дух становится грубым и плотянеет; а плоть, не делаясь нисколько тоньше и духовнее, восхищает некоторые качества духа, является как бы смыслящею и мудрствующею, предприимчивою и мечтательною; только все это не на добро, а на зло. То есть, говоря точнее, не плоть сама по себе, как вещество, получает мысль и ум, что невозможно; а дух, смешавшись, так сказать, с плотью, и став с нею на одном месте, начинает мыслить, судить и действовать по ее требованиям и внушениям. Такое состояние духа и плоти, очевидно, есть состояние неестественное человеку, и потому не только предосудительное для его достоинства, но и крайне вредное по его последствиям. Низшая сторона человека -плоть – приобретает, по-видимому, в таком случае высшее совершенство, начиная действовать наподобие духа – стороны высшей: но это мнимое совершенство, как ей несвойственное, по этому самому не составляет никакого достоинства, подобно тому как в самозванце не составляет достоинства, что он ложно именует себя царем. Притом такое возвышение плоти сопряжено с крайним унижением духа, с лишением его своего места, своей чистоты и власти. Тут бывает то же, как если бы подданный и притом недостойный, стал повелителем, а природный владыка его сделался его слугою.

Судя по тому, откуда и как является у плоти способность к мудрованию, уже легко предвидеть, в чем будет оно состоять. Это мудрование крамольника и бунтовщика, который, захватив в свои руки власть, не иначе может удерживать ее, как средствами самыми незаконными и насильственными; это мудрование вора, который о том только и думает, как бы сокрыть следы своего хищничества и умножить несправедливое стяжание новыми хищениями; это мудрование человека, погубившего ум, который, вообразив себя не тем, что он есть, и сам внушает это всем, и от других требует, чтобы говорили то же самое. В самом деле, посмотрите на мудрование, то есть, на понятия, суждения и замыслы людей плотских – из чего состоят

они? Прямо или непрямо, явно или тайно, все они проникнуты ядом греха, все дышат самолюбием, устремлены к удовлетворению не истинных и существенных потребностей человека, а различных прихотей и требования страстей; потому все, рано или поздно, ведут человека к гибели. В отношении к Богу и вере мудрование плоти, в самом лучшем виде его, выражается холодностью и невниманием к предметам веры, как бы вовсе несуществующим или маловажным; в обыкновенном же состоянии своем соединено с отвержением всего непостижимого в вере и с превращением, по своему вкусу, всего, что в ней постижимо; а в худшем виде его нередко доходит до той гордости и самозабвения, что, подобно древним нечестивцам, готово бывает сказать Самому Богу: «отступи от нас; путей Твоих вести нехощем» (Иов. 21:14); или с Фараоном вопрошать: «Кто есть, егоже послушаю гласа»? (Исх. 5:2). В отношении к ближним, мудрование плоти состоит в превозношении себя выше всех, в присвоении себе, если бы то было возможно, всего, что видят очи и чего жаждет необузданное сердце, в обращении всех людей в слепое орудие своих прихотей. Даже в отношении к самому человеку мудрование плоти хотя все дышит самолюбием, раздражается постоянно похотями вреждающими и душетленными, замыслами несбыточными и пагубными, делами пустыми и мертвящими. Ибо, с одной стороны, мудрование плоти вредит человеку тем, что позволяет ему все, уничтожая различие между пороком и добродетелью, с другой – тем, что отъемлет у него все, уничтожая надежду жизни вечной и не веля ничего видеть далее могилы и тления. Прорываясь, наконец, из частной жизни на поприще общественного действия, мудрование плоти, не остановленное вовремя властью предержащею, не уврачеванное, или, по крайней мере, не умеренное благотворным влиянием веры и Церкви, сопровождается потрясением всего, чем держится сила царств и благоденствие народов. Где воцарилось это пагубное мудрование, там все хотят властвовать и никто не хочет повиноваться, разум человеческий приветствуют именем Божества, а следуют все явному безумию; провозглашают

всеобщее блаженство и златой век, а плавают в крови собратий; стремятся к невозможному совершенству, и теряют, одно за другим, все возможные блага.

Иначе и быть не может: ибо «мудрование плотское, – как замечает апостол, – закону Божию не покарется, ниже... может покоряться» (Рим. 8:7). Поскольку же только в законе Божиим жизнь, свобода и блаженство человека; то, сколько ни выдумывай иных законов, сколько ни изобретай иных средств к благоденствию человека и общества, все они должны оказаться, наконец, пустыми, несбыточными и гибельными.

Что же после этого делать с таким неисправимым мудрованием, как не стараться лишить его всех сил, искоренить его до конца? Ибо, доколе оно будет живо, дотолé не будет истинной жизни в человеке. Какая та жизнь, когда брeнная и греховная плоть мудрует и распоряжает, а дух вечный слепо выполняет эти безумные распоряжения? Но как и отнять силу и жизнь у плотского мудрования, когда оно соделалось в человеке грешном началом всеуправляющим, единственным источником его деятельности? Сама плоть не откажется от своего владычества, как оно ни противозаконно; дух, хотя бы и захотел, не может возвратить себе права свои: ибо оплотянетъ ему нетрудно; а оплотянев, очиститься, освободиться, просветлеть, стать на свое место, взять в руки власть, – крайне трудно: для этого нужна помощь свыше, необходима сила, которая сняла бы с него узы, подняла бы его из праха, наполнила бы силою и жизнью, и таким образом дала бы ему возможность быть тем, чем должно.

И вот, это-то самое испрашивается в молитве, нами рассматриваемой!

: «Иже в девятый час на кресте нас ради плотию смерть вкусивый, умертви плоти нашае мудрование, Христе Боже, и спаси нас!»

Ты, – как бы так говорилось в ней за всех нас, – Ты, Который для того и вкусил смерть плотью, да мы все оживем и проживем духом, призри на бедственное состояние духа нашего, гнетомого узами плоти, и умертви ее мудрование! Свяжи этого необузданного зверя: порази его в самое сердце, да престанет

грехолюбивая плоть наша влачить нас по дебрям страстей и пороков, да обратится в то, чем ей быть должно, – в послушное орудие духа!

Само собою разумеется, что произносящий эту молитву должен решиться на все действия, которые Умерший ради нас плотию Сам сочтет нужными для умерщвления в нас мудрований нашей плоти: – и поскольку никакое умерщвление не может быть произведено без боли и страданий, то должен решиться на перенесение сих страданий. Ибо без таковой решимости, что значила бы и наша молитва? Она была бы или обманом, или самообольщением.

Но, вот наша странность, или лучше сказать, наше безумие! Когда мы призываем врача для отнятия какого-либо неизлечимого члена, то уже не противимся его действиям, как они ни болезненны; а еще помогаем ему всем, чем можем: стонем, кричим, но повинuemся и благодарим за самые страдания наши. А с Врачом небесным поступаем большею частью напротив. Несмотря на то, что сами умоляем Его умертвить мудрование нашей плоти, – когда Он начинает Свое дело, то есть начинает смирять, поражать нашего плотского человека – болезнями ли, бесчестием ли, другими ли какими ударами: то мы тотчас обращаемся вспять, жалуемся и ропщем, ставим преграду за преградой, и таким образом, вместо умерщвления мудрований плотских, часто впадаем еще в большее рабство плоти.

Все это от того, что мы большею частью не убеждены в зловредности для нас плотского мудрования и вообще жизни плотской и греховной: если молимся об избавлении от них, то единственно потому, что так велит молиться Церковь; а сами по себе, в душе своей, нисколько не чувствуем нужды в этом.

Поэтому, чтобы нам не произносить столь святой молитвы напрасно, надобно прилежно размыслить о том, как вредно для нас мудрование плоти; надобно убедиться вместе с апостолом, что это мудрование есть вражда на Бога, что оно есть смерть для нас. Как убедиться в этом? Во-первых, размышлением о том, откуда происходит в нас мудрование плоти, – к чему указан нами путь для каждого, – и какою пагубой оно обнаруживается в

нас, – для чего может служить опыт и наш собственный, и других людей. Ибо если будем внимательны, то увидим, что всякий раз, когда мы слушались мудрования плотского, никогда не выходило из действий наших для нас ничего, кроме худого и зловредного. Аминь.

## Слово первое в пяток недели 6-й Великого поста

«Вкусите и видите, яко благ Господь». (Пс. 33:9)

Драгоценные слова эти никогда так часто не возглашаются, как в течение Святого и Великого поста. Мы слышим их по два раза в седмицу, то есть, на каждой преждеосвященной литургии. И действительно, если когда прилично им часто повторяться, то в настоящие недели; ибо под конец каждой из них устраивается обильная трапеза для всех желающих причаститься Тела и Крови Господней. Где же можно более видеть всю благодать Господа, как не на этой божественной трапезе? Большого и очевиднейшего доказательства своей благодати, мне кажется, нельзя было дать людям Самому Богу. Ибо, скажи пожалуй, что же бы еще можно было сделать? «Нет большей... любви, – изрек Сам Спаситель, – да кто душу свою положит за други своя» (Ин. 15:13); за други только, а мы что были Богу, когда Единородный Сын Его полагал за нас душу Свою на кресте? Были грешниками, следовательно, врагами Божиими, и притом такими, которые вовсе не думали о примирении. И вот, за этих-то врагов непримиримых, не за друзей и присных, – положил Единородный Сын Божий душу Свою. Уже это верх любви, какой нельзя найти в целом мире. Но Он, как Бог, возшел любовью Своею к нам еще выше: ибо изобрел в премудрости Своей средство полагать за нас душу Свою, можно сказать, не раз, а многократно. Ибо что делается в каждой литургии? Повторяется священнотайне то, что было на Голгофе; повторяется до того, что в пречистых Тайнах Он снова приносится за нас в жертву, не образно только и припоминательно, а с полной силой и действием. Потому и принесенное не остается простым символом Тела и Крови Его, а обращается в это самое Тело и в эту самую Кровь; так что Божественное Тело Спасителя, которое висело некогда на кресте и было погребено Иосифом, которое теперь сидит на престоле одесную Отца, является и на наших престолах и жертвенниках. Одно такое присутствие и явление Тела

Христова пред нами уже показывает величайший избыток Его любви к нам. Но Он этим не удовольствовался, а что делает? То, чего мы сами по себе не могли и вообразить – предает Себя под видом хлеба и вина на вкушение всем желающим! Не знаем, провидел ли сие святой Давид, когда возглашал: «вкусите и видите, яко благ Господь»! Но мы, которые видим, мы, которые вкушаем, что должны мыслить и чувствовать при этом? Не должны ли мы вострепетать всем существом от любви, удивления и благодарности? Подлинно, если от радости умирают, то не было бы ничего удивительного, если бы кто, по причащении Тайн Господних, вдруг разрешился от уз телесных и перешел от веры к блаженному видению.

Подумай еще при этом и о том, кому предлагается этот Божественный дар, кому говорится, вкусите и видите! Не одним избранным, не пророкам и апостолам, не мученикам и подвижникам, не постникам и девственникам, а всем, самым последним грешникам. Господь и ныне, так же, как на последней вечери, знает, что не все чисты суть (Ин. 13:10) из приступающих к Его тайнам; ведает, что уже не один, а многие предадут Его, и только малая часть останется верною: и, несмотря на эту нечистоту почти всех, на эту неверность многих приступающих, никого не отвергает от Своей вечери; всем подает равно то же самое Тело и ту же – Свою собственную Кровь. Если бы такое чудо любви сделано было и единожды; если бы, то есть, каждому из нас только раз в жизни дано было причаститься Тела и Крови Господней: и тогда мы не имели бы, чем возблагодарить Господа.

Но нам всем предоставлено это благо на всю жизнь: приступай когда хочешь, вкушай сколько угодно, во храме и дома, в жилище и на пути, на суше и воде, днем и ночью, в какой угодно час. Скажите, – можно ли бы было даже поверить этому, если бы не ручались за то ясные слова Самого Господа? – Здесь-то познаем, что каждому из совершенств Божиих нет меры и предела: всемогущество – оно рассыпает без счета мириады солнцев и звезд; премудрость – она творит числом, весом и мерой каждую былинку полевую; правосудие – оно не оставляет ни одного покаянного вздоха без награды, и ни

одного нечистого взора без наказания; благость – она не удовлетворяется тем, что кладет печать щедроты на всех делах своих, дает пищу всякой плоти, но наконец сама воплощается, чтобы дать себя в снедь верным.

И после этого, еще некоторые могут доходить до отчаяния в милосердии Божиим и думать, что у Отца Небесного может нехватить любви, когда они прибегнут к Нему с верою и покаянием? – Такие мысли, если приходят к кому, то приходят большей частью от врага нашего спасения, который обыкновенно поступает так, что, когда мы живем в беззаконии, то представляет грех вещью маловажной, до которой Царю неба и земли, по самому величию Его, нет будто никакого дела; а когда увидит, что мы начинаем каяться во грехах и решаемся разорвать узы страстей: то изображает Бога немилосердным судиею, а грехи наши совершенно неотпустительными. Когда придут к тебе, кающийся грешник, подобные мысли отчаяния, то, оградив себя крестным знамением, тотчас вспомни Таинство Святого Причащения, и скажи: возможно ли, чтобы Тот, Кто дает мне вкушать Тело и Кровь Свою, отверг мое покаяние? Для чего же Он и питает меня, недостойного; Самим Собою, как не для того, чтобы исцелить, помиловать и оправдать? Скажи так, и продолжай в мире дело своего покаяния. Господь благ ко всем, но первое и более всего – ко грешникам кающимся. Аминь.



## Слово второе в пяток недели 6-й Великого поста

«Душеполезную совершивше Четыредесятницу, и Святую Седмицу Страсти Твоя, просим видети, Человеколюбие, еже прославити в ней величия Твоя, и неизреченное нас деля смотрение Твое, единомудренно вопиюще: Господи, слава Тебе».

День за днем, седмица за седмицею, – и вот прешла уже вся Святая Четыредесятница, хотя иным, по непривычке к воздержанию и посту, она казалась, может быть, бесконечною. Пост еще продолжится одну седмицу: но дни эти не принадлежат уже Четыредесятнице, а имеют особенное название, будучи посвящены на воспоминание Страстей Господних. Это как глава и крест на храме. Поэтому сама Святая Церковь останавливает в настоящий день наше внимание, неоднократно возглашая: «душеполезную совершивше Четыредесятницу»! Так поступает она для того, чтобы мы, достигнув конца Четыредесятницы, собрались с мыслями и рассмотрели, достигнута ли в нас цель Святого поста? Ибо можно, и много сеяв, ничего не пожать; можно употребить разные лекарства, иждить даже, как говорит Евангелие о жене кровоточивой, все имение врачам, и не получить исцеления (Лк.8:43).

Итак, что теперь с нами, то есть, с душою и совестью нашею? Чувствуем ли в себе какую-либо перемену благотворную? Можем ли сказать с описанною в Песни Песней невестою: «се, зима прейде, дождь отыде... цветы явишася на земли... нашей»! (Песн. 2:11–12). Ах, мы привыкли называть природу, нас окружающую, неразумною: но посмотрите, как все разумно исполняет она свой долг и делает свое дело! Едва только обратилось к ней лицо летнего солнца, она тотчас начала раздеваться, и теперь совершенно избавилась от своей тяжелой зимней одежды; освященная, согрета лучами весенними, она немедля омылась от нечистот зимних; отдала сполна всю дань вод морю; и теперь, что ни день, то более и

более износит из недр своих все, что прошедшей осенью вверила полям и нивам рука земледельца. К светлому Празднику всюду явится у земли новая праздничная одежда из зелени и цветов; горы и холмы препояшутся радостью, и новый хор пернатых возгласит новую песнь радости и благодарения Творцу природы. И к нам, братие мои, с самого начала Святого поста, можно сказать, приблизилось духовное Солнце, Господь и Спаситель наш: ибо не напрасно возглашала тогда Церковь слова апостола: «ныне... ближайшее нам спасение»! (Рим. 13:11). Что же произвело в нас это приближение к нам и это умножение вокруг нас света и теплоты духовной? Растаял ли внутри нас лед бесчувствия сердечного? Омылись ли мы от нечистот греховных слезами веры и покаяния? Готова ли душа наша, подобно земле, к несению плодов любви и правды? – Встречая день Воскресения Господня, возможем ли сказать, что и мы уже не мертвы духом, что в нас, по благодати Божией, есть хотя малый начаток жизни вечной? – Пост настоящий для этого именно был и предназначен. Ибо, чего хотела Святая Церковь, налагая его на нас? Конечно не того, чтобы сберечь от употребления несколько снедей, или лишить нас известных удовольствий. Нет, пост должен был обуздать нашу чувственность; укротить, а потом и умертвить наши страсти; очистить наши мысли и желания; дать большую свободу духу и совести; пробудить в нас печаль по Бозе и святую тоску по небесному отечеству; приблизить нас к небу; очистить, просветлить и освятить все существо наше.

По этому самому Четыредесятница и провозглашается душеполезною. – Таковою ли она была для нас? Что приобрели мы от такого числа чтений, молитв, коленопреклонений, тем более от нашей исповеди и причастия Святых Тайн Христовых? Не с видом суровых приставников требуем мы, братие мои, от вас плодов поста; а, подобясь врачам, для вашей же пользы хотим обратить внимание ваше на состояние души и сердца вашего. Ибо легко может быть, что некоторые, и желая спасения душе своей, не умели воспользоваться поприщем великопостным. Это бывает, например, когда во время поста ограничиваются одним воздержанием от пищи и питья, одним

более или менее частым хождением в церковь, одним поверхностным исповеданием своих грехов пред священником, исправлением каких-либо маловажных недостатков в своем поведении и жизни: тогда как для спасения нашего требуется гораздо большее, – необходима совершенная перемена наших плотских мыслей и чувств, всецелое обновление нашего духа и сердца, или, как выражается слово Божие, целое новое рождение свыше. Если кто имел неблагоприятное остановиться на указанной нами малопродуктивной поверхности благочестия, тот да ведает, что он, и много, по-видимому, делая, еще ничего не сделал как должно; ему надобно трудиться снова, и начать, так сказать, сначала. То есть, что сделать? – Углубиться в свое сердце и совесть, убедиться, что, без освящения свыше, корень всех его действий, даже благих, есть самолюбие, а не святая и истинная любовь к Богу и ближнему, что все, произрастающее от этого корня, есть нечисто пред очами Божиими и не достойно Царствия Небесного; должно познать это и молить Господа, да Сам изведет его из плена страстей и злых навыков, да Сам созиждет в нем сердце чистое и дарует ему дух сокрушен, – то сердце, из которого сами собою явятся воистину благие мысли и деяния; тот дух; который один может быть приятелем даров благодатных и обителью в нас Духа Божия.

Но как же сделать все это, спросит кто-либо, когда уже миновала Святая Четыредесятница и пропущено время, самое удобное к тому? -Точно, время поста есть весьма удобное к сему важному делу; но наступающие дни страданий Господних, можно сказать, еще удобнее. Как на середине земного шара под равноденственной линией, или так называемым экватором, солнце действует так сильно, что в один день вырастает более, нежели у нас в неделю, так то же самое можно сказать и о наступающих днях Страстей Христовых. Это наш духовный экватор: тут сосредоточены все лучи духовного Солнца. Не было бы только недостатка с нашей стороны в слезах истинного покаяния, а то в час и минуту может произойти с душою и сердцем нашим то, чего в другое время трудно ожидать от целых седмиц и месяцев.

Итак, да не теряет надежды никто! Да соберутся под знамя веры и креста все остальные! Да возвратятся к своему месту самые беглецы! На Голгофе всем верующим доступ; всем кающимся – прощение; всем, любящим воистину – жизнь вечная! Аминь.

## Слово в субботу Лазареву

Настоящий праздник можно назвать праздником дружества. Иисус говорит: «Лазарь, друг наш, успе» (Ин. 11:11), и спешит в Вифанию, несмотря на опасность там для своей жизни от иудеев. Ученики говорят также: «идем и мы, да умрем с ним» (Ин. 11:16), то есть, говорят то, что могла внушать только самая пламенная дружба к Лазарю. О Марфе и Марии, сестрах его, невозможно и сомневаться: их душа и сердце как бы погребены вместе с братом и другом. Самые фарисеи, забыв свои лицемерные виды и расчеты, пришли в Вифанию не для чего другого, как да утешать сестер о смерти брата. А при гробе Лазаря – тут Иисус даже прослезился, – и конечно не от уныния и печали, ибо сейчас скажет: «Лазаре, гряди вон», (Ин. 11:43) а от любви и дружбы, для которых тяжело видеть и на одну минуту возлюбленного своего в гробу; среди праха и тления. – Посему-то самые иудеи заговорят: «виждь, како любляше его!» (Ин. 11:36). – Итак, говорю, праздник настоящий можно, по всей справедливости, назвать праздником дружбы.

Если когда, потому, то ныне самый удобный случай для нас наблюдать, как Господь поступает со Своими друзьями и возлюбленными. Много ли Он любит их? Так любит, что проливает слезы на их гробе. Иисус не плакал на Своем Кресте, а над Лазарем плачет; и сделал для него то, чего не делал ни для кого: ибо воскресил его из мертвых, уже четвердневна и смердяща.

Но любовь эта делает ли друзей Господа вовсе неприкосновенными ни для какой скорби и искушений? Напротив. Из примера Лазаря и сестер его особенно видно, как справедливо замечено апостолом Павлом, что «егоже... любит Господь, того наказует и испытует» (Евр. 12:6). Ибо смотрите, вот семейство, которое Господь постоянно отличал Своим вниманием; среди которого, во время пребывания Своего в Иерусалиме, всегда находил для Себя дружеский приют и успокоение, которому явил столько знаков Своей благорасположенности, так что оно само уже несколько не

сомневалось в любви Его, а возлагало на Него полную надежду во всяком случае, как и теперь, едва только Лазарь заболел, дали Ему знать о том, в уверенности, что Он немедля явится и возвратит здоровье Своему болящему другу, – вот, говорю, семейство, святое, чистое, самое близкое к Господу: и, однако же, какому великому искушению и какой скорби подвергается оно теперь со смертью Лазаря! Господь, без сомнения, мог отворотить болезнь от Своего друга, но не отворотил; мог сделать ее, по крайней мере, не смертельною, но не сделал; мог поспешить чудом и прийти в Вифанию на другой или третий день по смерти, но явился на пятый. Почему так и для чего? Потому и для того, чтобы сделать и Лазаря и сестер его вполне орудием славы Божией, дабы дать им – и печалью Своею, и болезнью брата, и самою смертью его, послужить великому делу спасения человеческого: «да прославится Сын Божий ея ради»! (Ин. 11:4). Так поступает Господь с друзьями и присными Своими! Он блюдет их яко зеницу ока, без Его воли не падает с главы их ни одного волоса: но это не значит того, чтобы Он непрестанно ущедрял их только благодеяниями, чтобы увеселял и питал их сладостями, подобно как поступают с детьми своими сердобольные, но неразумные матери, портя таким образом их нрав, приучая их к изнеженности и роскоши: – нет, Господь премудр и не может поступать таким образом; Он взирает не на удовольствие, а на истинную пользу любящих Его и любимых Им; и для усовершенния их в вере, любви, смирении и преданности, нередко посылает на них такие искушения, каких не видят над собой грешники. У кого, например, из грешников требовал когда Господь в жертву Себе сына? А у Авраама требовал. Кто любезнее Ему был двенадцати учеников Его? И все они скончались за имя Его среди мучений – иной от меча, иной от креста, иной от камней. Все это не только по любви их к Господу, но и по любви к ним Господа. Ибо для Него, как Всемогущего, ничего не стоило отворотить от них все искушения, окружить их даже всеми видами счастья земного; но Он не сделал этого, а, напротив, попустил обрушиться на них всем бедствиям, да принесением их взойдут на большую высоту и достигнут светлейших венцов: потому что ничто так не делает

человека чистым, ничто так не возвышает его в духе и не приближает к Богу, как мужественное перенесение скорбей и напастей.

Перестанем же, братие мои, соблазняться и недоумевать, если видим, что кто-либо и из верных рабов Божиих не благопоспешается в земных делах своих, терпит нападение или клевету, страдает от болезни и других зол. Ужаснемся, напротив, и пожалеем, когда встретим счастливого во всем нечестивца, высящегося как кедр ливанский. Ибо это значит, что он, как неисправимый, предоставлен уже самому себе и, по выражению Писания, восприимлет, подобно богачу Евангельскому, благая в животе своем, дабы по смерти идти прямо во огонь геенский.

Перестанем унывать и отчаиваться, когда и нас, несмотря на чистоту рук и правоту путей наших, посетит какая-либо горесть и потеря. Напротив, если мы хотим быть воистину рабами Господними, то должны в этом случае не падать, а возвышаться в духе, утешаясь той мыслью, что Господь взирает на нас уже не как на малых детей, неспособных ни к какому трудному опыту и подвигу, а как на возросших, от которых с благонадежностью можно ожидать и требовать жертв и усилий. А для этого утвердим навсегда в душе нашей мысль, что все горести и напасти земные, в чем бы они ни состояли и как бы велики ни были, коль скоро переносятся надлежащим образом, то есть, со смирением, верою и преданностью в волю Божию; то никогда и ни в чем не могут повредить нам, а всегда доставляют, напротив, великую пользу душевную. Хотите знать – какую? Ту, что ослабляет в нас плотского человека, этого опаснейшего врага нашему спасению; ту, что подавляет в нас приверженность к благам мира и его нечестивым утехам и обращают мысли наши к небу и вечности; ту, что приближает нас к Богу, заставляя в Нем едином, как неизменном и вечном, искать для себя опоры и утешения; ту, наконец, что видимо уподобляют нас Господу и Спасителю нашему, Который, во время бытия Своего на земле, не царствовал и не блаженствовал, хотя имел на то все право, а ежедневно лишался, терпел и страдал ради спасения нашего. Аминь.

## Слово первое в Великий Понедельник, на утрине

Пришла наконец и великая седмица! Открылось божественное поприще Страстей Христовых! Тут столько света для ума, самого косного, столько огня для сердца самого хладного, что нам, служителям слова, можно бы уже умолкнуть, и вместе с этим соделаться зрителями происходящего, слушателями сказанного. Но, поскольку сама Церковь не прекращает слова, то и нам нельзя оставить его. Будем отверзать уста, чтобы указывать вам, на что особенно каждый день обращать внимание. Это тем нужнее, особенно в первые дни, что хотя Церковь и Евангелием дневным и песнопениями сама напоминает каждый день о некоторых предметах, но они, не знаю почему, не пришли до сих пор в общую народную известность.

Многие ли, например, знают, что ныне соблюдают память праведного Иосифа и смоковницы, пораженной проклятием? А воспоминание о них потому именно и присвоено настоящему дню, что в них содержится для нас премного поучительного. Итак, обратим теперь внимание на святого Иосифа; а среди литургии рассмотрим судьбу проклятой смоковницы.

Почему является в нынешний день святой Иосиф? Потому, что он был прообразом Спасителя нашего. Ибо, надобно знать, братие мои, что Спаситель наш, кроме того, что был предсказан пророками, был и прообразован и лицами и вещами. Так, например, жертвоприношение Исаака Авраамом прообразовало жертвоприношение Голгофское. Пребывание три дня пророка Ионы во чреве китов прообразовало трехдневное пребывание Спасителя во гробе. Вознесение Моисеем змия в пустыне на крест для исцеления образовало вознесение на Крест Иисуса во спасение всех. Повелением – печь на огне агнца пасхального целым, не сокрушая кости от него, прообразовано, что на кресте не будут пребиты голени у Распятого Спасителя. Но из всех ветхозаветных преобразований Божественных Страстей Христовых нет полнее, как – в Иосифе. Праведник этот



прообразовал собой не одно какое-либо обстоятельство в страданиях Господа, и не одну какую-либо сторону Креста Его, а многие. Вообще в жизни его видимо отличаются два состояния: унижения и прославления, и последнее вышло из первого так, что если бы не было унижения, то не было бы и славы. Так и в жизни Господа: сначала унижение, страдания, смерть и погребение, а потом воскресение, вознесение и посаждение на престоле Отца, и все это за то, что Он был послушлив даже до смерти крестной. В частности, что ни черта в жизни Иосифа, то сходство с жизнью Господа, и особенно с Его страданиями. Так, Иосиф был любимейшим сыном отца: Спаситель есть возлюбленный Сын Отца Небесного. Иосиф послан был навестить братьев своих, бывших вне дома отеческого; но вместо любви встречен ненавистью, заключен в ров и продан чужестранцам. Спаситель послан также с неба посетить нас в земле странствия; пришел к своим, к братьям, к народу Иудейскому, «и свои Его не прияла» (Ин. 1:11), связали как злодея и предали язычникам – Римлянам. Иосиф пострадал в Египте невинно, и однако же, думали, что он виновен: Иисус греха не сотвори, и однако же, предавшие Его говорили: «аще не бы (был) Сей злодей, не быхом предали Его...». (Ин. 18:30). Из темницы, от крайнего унижения, Иосиф взошел на верх почестей, сделался спасителем Египта и посажден одесную царя: со Креста и из гроба Иисус взошел на высоту, доставил спасение всему роду человеческому, и посажден одесную Отца.

До такой подробности простирается сходство в судьбе праведного Иосифа с судьбой Спасителя человеков. Поэтому-то он ныне и воспоминается, дабы мы в самом начале поприща крестного привели себе на память, что все обстоятельства страданий Христовых не только были предсказаны словами у пророков, но и предызображены в жизни и деяниях праведников ветхозаветных.

Что же из этого? – спросит кто-либо. То, чтобы ты не смотрел на страдания Христовы, как на нечто случайное, так чтобы в них то зависело совершенно от чуда, то от Пилата. Нет, хотя действовали и люди, но все главным образом зависело от Бога. Люди, самые злобные, в этом случае – только то, чему

судила – для блага всего мира – быть премудрость Божия. Посему-то Сам Спаситель скажет Пилату: «не имаши власти ни единыя на Мне, аще не бы ти дано свыше» (Ин. 19:11).

Во-вторых, подивись и возблагоговей пред величием тайны, которая за тысячи лет была предсказуема и прообразуема. Так и должно быть по самому ее величию, что к ней явно и тайно, все направлено было в Ветхом Завете – и весь закон нравственный, заставлявший неумолимою строгостью искать и ожидать Ходатая и Икупителя, и закон обрядовый, дававший во всех жертвоприношениях своих видеть то, что произойдет на Голгофе. А мне кажется, что не много будет, если скажем, что и все в мире, самая неодушевленная природа своими законами и явлениями прознаменовала то же. Потому-то на Голгофе, в час смерти Господа, покажет участие свое вся тварь.

Самая жизнь и судьба Иосифа для нас весьма поучительны. Это – образец чистоты, невинности, терпения, потом смирения в счастья и великодушия к своим гонителям. Будучи продан от братьев, отведен в страну чуждую, находясь в рабстве, как бы не потерять духа? Но Иосиф не терял. Почему? Потому что твердо веровал в Бога отцов своих. Рабская доля не унизила ни его мыслей, ни его чувств, а можно сказать, еще возвысила, по крайней мере, показала и обнаружила во всей лепоте. Какое искушение для юноши – красота женщины! Эта женщина была притом госпожею Иосифа, от нее зависело усладить участь, и преогорчить до последней крайности: Иосиф-раб не посмотрел ни на то, ни на другое. У него одно было – что и над господами так же, как и над рабами, равно есть верховный Владыка, Которого, где дело идет о совести, одного должно слушать. «Како сотворю глагол злый сей и согрешу пред Богом»? (Быт. 39:9). Мысль о Боге, значит, всегда окружала его и охраняла от всего злого. Вот пример для вас, которые жребием рождения поставлены в состояние рабства! – Возноситесь мыслью к Тому, Кто живет на небесах, будьте верны своей совести. Он, как Иосифу, не даст вам искувиться паче, неже можете понести.

Вот, Иосиф в темнице! – Чистота и невинность его скоро заблистали в этой тьме. Будучи сам узником, он делается, за свою беспорочность, начальником и как бы смотрителем прочих

узников. Чудесное толкование снов двум несчастным царедворцам, сопровождавшееся верным исполнением, приводит его в известность правителю Египта, а изъяснение его собственных снов – не только выводит из темницы, но до того вводит в доверие и любовь Фараона, что прежде бывший бедный узник становится первым по царе, приемлет власть над всею страной. Какой благоприятный случай отмстить своим гонителям, легковерному Пентефрию, безстудной жене его: но Иосиф и не думает об этом. Их как будто не существует для него. Подобное и с братьями, которые так безжалостно поступили с ним, продав его измаильтянам! Не только ни единого наказания, даже ни единого упрека. Иосиф напротив утешает и ободряет их, говоря: «вы совещаете на мя злая, Бог же совещает о мне во благая» (Быт. 50:20) Так поступают рабы Божий! В несчастьи они терпят и благодушествуют: в счастье смиряются и благотворят. Почему? Потому, что уверены в Промысле Божиим, убеждены, что счастье и несчастье, хотя зависят и от людей, но посылаются и допускаются по распоряжению свыше. Это их утешает в несчастьи, располагая и на него смотреть, как на дар Божий.

Но меня особенно трогают слова Иосифа, которые он говорит братьям, как причину, почему они не должны его бояться: «не бойтесь, Божий бо есмь аз» (Быт. 50:19) То есть, как бы так говорил он: вам нет нужды опасаться меня, ибо я не свой, а Божий; у меня нет воли, кроме Божией: моя личность, посему, и моя обида для меня ничто. И точно, человека Божия нет причины бояться: страшны и опасны те, которые не Божий, которые водятся самолюбием. О, таковые, как бы они ни казались мягки и человеколюбивы, – страшны! У них всегда могут вспыхнуть страсти, как огонь, и попалить вас.

Еще также особенно трогательны слова, которыми Иосиф признается к своим братьям, не узнававшим его: «аз есмь Иосиф, брат ваш»! – Так некогда скажет и Господь Своим гонителям, и голгофским и всем, которые после распинали Его – иные своим вольнодумством, иные своими грехами; скажет, говорю, и Он всем не признававшим Его Божества: «Аз есмь Иосиф, брат ваш»! (Быт. 45:4).

Но, увы, эти слова, хотя они и скажутся с кротостью, произведут не то, что произвели слова Иосифовы в братьях его. Все таковые, подобно им, признают в Иисусе своего Спасителя; но спасение уже будет чуждо для них: ибо время милосердия прешло. Воззрят они нань, егоже прободоша; но взор сей послужит только к стыду и муке. Тогда возопиют горам: «падите на ны, и холмам, покрыйте ны от лица Сидящего на престоле» (Откр. 6:16). И горы не падут, и холмы не покроют.

Братие мои, если кто имел доселе несчастье предавать Иисуса, не узнавать Его Божественного лица; тот да кается в этом теперь, доколе на земле. Теперь все примется, все забудется, все простится; но после, изшед отсюда, прешед туда, напрасно будет самое обращение. Аминь.

## Слово второе в Великий Понедельник

«Утру же возвращься во град, взалка. И узрев смоковницу едину при пути, прииде к ней, и ничтоже обрете на ней, токмо листвие едино, и глагола ей: да николиже от тебе плода будет во веки. И абие изсше смоковница». (Мф. 21:18–19).

Такова, братие, сила Божественного глагола! Как всемогущее: «да будет!» самому ничтожеству дает бытие и жизнь; так всемогущее: «да не будет!» все мертвит и уничтожает.

Но что за перемена с Господом и Спасителем нашим? Во все время служения Своего, Он только учил, прощал, питал, исцелял и воскрешал; а теперь, под конец служения, – изрекает проклятие! Почему и для чего так наказана смоковница? – Потому что она не удовлетворила гладу, как можно подумать, слыша слова: "взалка", и прииде к ней, «и ничтоже обрете на ней»? – Но, Кто провел сорок дней в посте и, несмотря на голод, с негодованием отверг предложение искусителя – обратить камни в хлебы. Тот мог теперь потерпеть голод еще несколько часов, пока достигнет города; и всего менее мог обратить чудодейственную силу Свою на отмщение невинному дереву. И не Он ли Сам говорил ученикам, когда они на источнике Сихемском приглашали Его подкрепить Себя пищею: «Аз брашно имам ясти, егоже вы не весте... Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя»! (Ин. 4:32, 34). Ужели недостало этого Божественного брашна теперь, когда предлежало довершить на Голгофе самую трудную часть определений этой всесвятой воли? И как бы, наконец, преподавая ученикам наставление о вере и молитве по случаю проклятия этой смоковницы, Спаситель мог сказать им: «егда стоите молящися, отпушайте, аще что имате на кого» (Мк. 11:25), если бы Им Самим смоковница проклята была во гневе и по личному неудовольствию на нее? Все это, не говоря уже о других обстоятельствах, ясно показывает, братие, что проклятие смоковницы последовало не в отмщение или наказание дереву (такой поступок был бы несообразен не только с Божественным достоинством лица Иисусова, но и с природою дерева), а для

цели высшей. Это было одно из тех действий символических, которыми Спаситель вместо слов выражал иногда высокие истины Своего учения. Смоковница тем удобнее могла быть употреблена теперь символом, что она уже служила им некогда в одной из притчей Спасителя. Памятуете ли эту притчу? Вот она! «Смоковницу имяше некий, – так говорил некогда Господь народу, – в винограде своем всажену: и прииде ища плода на ней, и не обрете: рече же к винареви: се, третье лето, отнелиже прихожду, ища плода на смоковнице сей, и не обретаю: посецы ю (убо), вскую и землю упражняет? Он же отвещав рече ему: господи, остави ю и се лето, дондеже окопаю окрест ея, и осыплю гноем, и аще убо сотворит плод: аще ли же ни, во грядущее посечеши ю» (Лк. 13:6–9). У этой притчи, как видите, нет окончательного заключения. Не видно, что последовало по истечении грядущего лета с смоковницею: исправилась ли она и начала приносить плоды? Или осталась бесплодною? Если осталась бесплодною, то посечена ли действительно? – Не видно, говорю, этого. А видеть это, то есть, что угрозы Божественные не суть праздные слова, весьма нужно для нас. Ибо плоть и кровь наша любят обманывать и усыплять дух наш между прочим и ложным упованием, что Господь милостив, и потому не исполнит над нами угроз своих. Настоящее проклятие смоковницы ниспровергает это обольщение чувственности, показывая решительно, что как есть время милости и долготерпения, так есть время суда и осуждения; что самая полнота любви, с которой Божество явилось на земле в лице Богочеловека, служа прибежищем для покаяния, не есть защита для нераскаянности, и что та же любовь умеет не только восходить на крест для искупления кающихся, но изрекать осуждение на нераскаянных. Вот смысл символа смоковницы! Вот цель ее проклятия!

Участь, постигшая бесплодную смоковницу, прежде всего выражала судьбу народа Иудейского. Вчера был день для него самый решительный: ожидаемый Мессия явился пред ним в виде кроткого Царя, предсказанного пророками; надлежало узнать и признать Его в этом качестве; от этого зависело все. Почему Сам Спаситель при входе в Иерусалим со слезами

изрек: «О, если бы ты хотя в сей день твой уразумел то, что служит к благосостоянию твоему!» (Лк. 19:42) Иерусалим не уразумел этого; кроме восклицания невинных детей: «осанна Сыну Давидову»! (Мф. 21:15) – все прочее и великое и малое, и старое и юное осталось равнодушным и неподвижным: смежило глаза, чтобы не видеть, заткнуло слух, чтобы не слышать. Посему завтра, в заключение последней окончательной речи к народу в храме, Господь скажет: «се, оставляется... дом ваш пуст»! (Мф. 23:38) То есть скажет целому народу подобное тому, что сказано сейчас смоковнице: «отселе да не будет на тебе плода»!

Но, изображая собою участь народа Иудейского, проклятая смоковница выражает судьбу и каждой души грешной и нераскаянной. Все мы, братие, подобны древам, которые для того насаждаются небесным Вертоградарем, для того поливаются, очищаются, окапываются, чтобы во время свое цвести и приносить плоды. Души добродетельные соответствуют этому святому предназначению; почему само слово Божие уподобляет их древам, стоящим при исходящих вод, которые всегда почти зеленеют и бывают весьма плодоносны; а души грешные и нераскаянные есть древа бесплодные, которые множеством листьев только показывают вид жизни, а на самом деле ничем не награждают трудов, над ними положенных. Что делать небесному Вертоградарю с такими древами? – И Он, подобно земному вертоградарю, употребляет разные средства к их поправлению. Но когда эти средства, заботы и труды остаются без действия над нераскаянным грешником, правосудие небесное изрекает наконец грозное определение – посечь бесплодное дерево и бросить в огонь! – Ангел смерти исполняет определение это над бедным грешником иногда с такой внезапностью и рвением, что и нехотящий воспоминает при этом слова Давида: «мимо идох, и се не бе, взысках... и не обретеса место его!» (Пс. 36:36) А иногда ознаменованный небесным отвержением грешник остается еще на некоторое время в живых (подобно как проклятая и иссохшая смоковница, без сомнения, еще занимала несколько времени свое место); но эта жизнь страшнее самой

смерти. Для имеющих очи видеть нет ничего более жалкого, чем вид этих живых мертвецов. Несмотря на роскошь и великолепие, их нередко окружающее, на них видимо лежит печать суда и отвержения; вокруг них хлад и мертвенность; близ них уныние и тайный страх.

Иссохшие убо смоковницы за неплодие прещения убоявшеся, братие, плод достоин покаяния принесем Христу, подающему нам велию милость. Аминь.



## Слово третье в Великий Понедельник

Между церковными особенностями первых трех дней недели настоящей главная та, что каждый день на часах читается по целым Евангелиям. Нетрудно угадать, для чего установлено это чтение: очевидно, для того, чтобы, приближаясь ко дню смерти Господней, мы, вослед за читающим Евангелие, повторили и обозрели в уме своем всю жизнь Его, дабы когда Он возгласит на Кресте Своем: «совершишася» (Ин. 19:30) нам можно было яснее и раздельнее представить себе, что сделано Им в продолжение земной жизни для нашего спасения.

Уже по одному этому, а вместе с этим и потому, что слушание Евангелия составляет великую сладость для души, надлежало ожидать, что если когда, то в эти три дня храмы наши будут наполнены слушателями. Но, на деле выходит другое, почти противное. Этому чтению Евангелий в значительном числе внимают разве только Ангелы, выну пребывающие в храмах наших: а людей в большей части храмов бывает при этом не много, очень не много. Даже из постоянно ходящих в церковь, некоторые стараются прийти ныне позднее, чтобы явиться к одной литургии, когда часы с чтением Евангелий уже кончились.

Чего боятся при этом? – Очевидно, утомления от долгого стояния. Но Господь разве не утомлялся для нас? Послезавтра вы услышите от святого Иоанна, как Он, «утруждая от пути, сядяше тако на источнике Иаковле» (Ин. 4:6). Однако же это утомление не мешало Ему делать Свое дело, беседовать с женою самарянкою и привести ее к сознанию своих грехов. И когда ученики говорят Ему: «Равви, яждь», – Он не оставляет Своего дела, не обращается к пище, а говорит: «Мое брашно есть, да сотворю волю Пославшаго Мя и совершу дело Его» (Ин. 4:31, 34). Вот как поступал для нас Господь наш! А мы боимся простоять для Него лишний час!.. Ибо, долго ли продолжается чтение Евангелий? Много, если два часа. – Итак, всего на все требуется пожертвовать в целом году только

шестью часами, чтобы выслушать из уст священнослужителя сказания всех четырех евангелистов о земной жизни Спасителя! – И такой жертвы, то есть столь малой и ничего не стоящей, мы не можем принести!.. А посмотрите, как поступают с собою при других случаях те же самые люди, которые жалуются на усталость в церкви! Сколько ночей от начала до конца проводится за игрою, которая удручает и тело и душу! Сколько часов гибнет на балах в кружении, которое, если бы не сделалось обыкновенным от частого употребления, то могло бы быть налагаемо в виде наказания! – Тут нет ни долготы времени, ни утомления; сами говорят, что остались без ног, и спешат снова туда же, где отнимают, к сожалению, не ноги только, а нередко душу и совесть. – Подобное же долготерпение оказывают многие и в других случаях, где идет дело об угождении плоти и миру! Для одной церкви и богослужения нет у нас этой терпеливости; для одного Спасителя нет у нас лишних шести часов в году! И в какое время! Когда Он идет за нас на Крест!

Перестанем же обнаруживать так безрассудно нашу неблагодарность и безчувствие. Поймем душеспасительное намерение Церкви, и начнем пользоваться попечением ее о спасении нашем. Ибо Устав – читать в настоящие дни Евангелия, весьма благодетелен уже тем, что не умеющие читать сами, каковых весьма много, могут в это время выслушать все Евангелия, от начала до конца, и таким образом возыметь некоторое понятие о всей жизни Господа в ее Божественной полноте и совокупности, простоять не только час или два, а и целый день.

«Но по этому самому, – скажет кто-либо, – для меня не нужно присутствовать в это время в церкви; ибо я умею читать сам, и Евангелие могу прочитать дома гораздо с большим удобством. Знаешь ли, что мы скажем тебе на это в ответ, возлюбленный? То, что если ты не хочешь прослушать всего Евангелия в церкви, то мы не вдруг поверим, чтобы ты занялся прилежным чтением его дома. Почему так? Потому, что если бы ты действительно любил читать со вниманием Евангелие дома, то оно привлекло бы тебя на слушание его и в церкви. – Да,

Евангелие не такая книга, которую, раз прочитав, потом не хочется читать, как бы она хороша ни была; Евангелие, напротив, на первый раз может читаться со скукой, но чем более будешь читать и узнавать его, тем сильнее оно начнет привлекать тебя, так что ты каждый день будешь в нем находить что-либо новое в пищу души и сердца. И это так и должно быть по двум причинам: во-первых, потому, что предметом Евангелия есть земная жизнь Богочеловека, Господа и Спасителя нашего, а это такой предмет, в котором тайна на тайне, которого всю глубину не понять не только нам, а и Ангелам. Ибо не напрасно сказано Павлом: «велия... благочестия тайна; Богавися во плоти» (1Тим. 3:16)! Не напрасно и евангелистом Иоанном замечено в конце Евангелия, что если бы из деяний Господа «вся по единому писана быти, то ни самому... всему миру вместити бы пишемых книг» (Ин. 21:25). Каждый раз, раскрывая Евангелие, можно видеть только одну часть неизмеримой картины, и то малую; а всей никогда нельзя объять, хотя бы всю жизнь читать и размышлять о читаемом. Во-вторых, Евангелие неисчерпаемо и всегда ново в назидании, потому что его начертала не рука человеческая, а Дух Святой, который водил и управлял этой рукой. Поскольку этот Дух знает все, испытует... самые глубины Божия: то, несмотря на крайнюю простоту и безыскусственность речи евангельской, она устроена так премудро, что никогда не теряет силы и сладости для читающего и слушающего, сколько бы раз ни читать и слушать, а напротив становится тем питательнее, чем более знакомится и, так сказать, роднится с ней наше сердце. Посему-то, говорю, трудно поверить, чтобы тот не захотел простоять лишний час для слышания Евангелия в церкви, кто привык находить удовольствие от чтения его дома. Напротив, оттого-то, по всей вероятности, не хотят слышать его и в церкви, что никогда не читали его, по надлежащему, дома, и не нашли в нем для себя вкуса. Может быть, и брали иногда в руки Новый Завет, и читали по несколько часов, но читали с принуждением и скукой, как это бывает со многими, испортившими вкус свой от чтения худых и душетленных книг. В таком случае, чтение Евангелия, как лекарство, может показаться даже весьма неприятным. Но,

когда, несмотря на это, продолжают читать, то неприятность постепенно исчезает, пробуждается духовная алчба к читаемому; оно со дня на день становится слаще для души, а наконец обращается в ежедневную необходимость. Кто достиг этого, тот готов слышать Евангелие где бы то ни было снова, тем более в церкви. Ибо слышимое в церкви с амвона, из уст священнослужителя, Евангелие оказывает нередко особенную силу и действие в сравнении с чтением его домашним. – Откуда это особенное действие? Может быть, и от священной торжественности чтения. Ибо что делается дома, нами самими, запросто, то по тому самому не так сильно действует на душу. С другой стороны, душа наша в церкви бывает гораздо восприимчивее для действия слова Божия, будучи преднастроена к тому и святостью места, и зрением священнодействий, и слышанием умирительных песнопений. Но более всего причиной особенного действия в церкви Евангелия – благодать Божия, которая и везде сопровождает это чтение, но наипаче в церкви, как естественном и постоянном жилище благодати. Поэтому, кто думает заменить слушание Евангелия в церкви чтением его дома, тот тяжко ошибается и много теряет. В случае необходимости, когда нельзя поступать иначе, такая замена терпима и хороша; в противном случае, не только непохвальна, но и составляет грех.

Таким образом, братие мои, великая неделя началась у нас ныне невольным обличением что делать? – Давно замечено Премудрым, что лучше «язвы друга, нежели... лобзание врага» (Притч. 27:6); лучше, скажем и мы, обличение, даже наказание от Церкви, нежели похвалы и величания от мира. Когда же и нам выговорить и вам услышать что-либо не так приятное, но душеполезное, как не в нынешние дни? Это по преимуществу, в целом году, дни покаяния и самоисправления во всем, в продолжение которых надобно осматривать все, что в нас есть худого и противного делу нашего спасения, осматривать и исправлять. Иначе дома наши выйдут к празднику лучше душ и сердец наших. Ибо среди их у самых бедных людей происходит в настоящие дни полное преобразование: все примечается, чистится и упорядочивается. Ужели же среди предпраздничного

обновления одной лишь душе остаться у нас с прежним беспорядком и недугами? – Да не будет! Аминь.

## Слово четвертое в Великий Понедельник

«Чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный! и одежды не имам, да вниду в оны: просвети одеяние души моея, Светодавче, и спаси мя!»

В одной из притчей Евангельских будущее Царствие Небесное изображено, братие мои, под видом вечери брачной, которую один могущественный царь устроил по случаю бракосочетания сына своего.

Сообразно важности случая, на эту вечерю приглашено все, что только было ближайшего к царю по своему месту и званию; но, к крайнему удивлению всех, эти званые, эти близкие, имели безрассудство отказаться от вечери: один, как говорит Евангелие, пошел в это время «на село свое, другой – на купли своя» (Мф. 22:1–14). И презрители дома и чести царевой были немедленно наказаны со всей строгостью. Между тем, чтобы приготовленная вечеря не осталась без гостей, царь велел слугам своим выйти на распутия и пригласить всех, кто только явится на встречу. Таким образом дом царев немедленно наполнился гостями; и все они начали веселиться светло. Среди пира сам царь, по обычаю домовладык, вошел «видити возлежащих». Всеми остался он доволен, как и все им; один только гость принудил его собой, среди всеобщего довольства и веселия, обнаружить свой праведный гнев и даже показать пример строгости. Ибо – вообразите – вместо сколько-нибудь приличной и дню и месту одежды, этот безрассудный явился на вечерю в своем ежедневном платье, которое видимо отзывалось нечистотою его образа жизни. Царь обратился, однако же к нему с кротким вопросом: «друже, како вшел еси семо, не имый одеяния брачна?» (Мф. 22:12). Но когда виновный не мог сказать в ответ ни одного слова, обнаруживая этим, что, идя к царю, он совсем не подумал о том, куда и зачем идет; то царь, в праведном гневе своем, повелел не только изгнать его вон из чертога, но и предать на заключение во тьму кромешную.

Этой царской вечерю, как мы сказали, изображено в Евангелии Царствие Небесное. Званные на вечерю, но вознебредшие зовом и не явившиеся, есть неразумные Иудеи, которые, за незаконное отвержение Иисуса Христа и апостолов Его, лишились отечества и преданы с тех пор всемирному рассеянию. Призванные потом на вечерю с распутий и халуг (халуга – огороженное место, хижина) – это все мы бедные грешники, которые призваны в Церковь Христову с распутий идолопоклонства. Новая одежда брачная, в которой надлежало явиться на вечерю, – это одежда оправдания, снискиваемая раскаянием во грехах своих и верой в заслуги Христовы. Гость, оказавшийся не имущим одеяния брачна и, однако же, дерзнувший появиться вместе с другими на вечери, – это христианин лжеименный, который, вместе с другими, говорит: «верую и исповедую; чаю жизни будущего века», а живет и действует, как неверный, и весь предан суетам века настоящего.

Таков, братие мои, разум притчи Евангельской о вечери и чертоге брачном, и таково отношение ее к делу нашего спасения! Эта же самая притча служит основанием и того умилительного песнопения, которым Святая Церковь оглашает слух наш в продолжение настоящих дней. Христианин представляется здесь видящим пред собой тот пренебесный чертог, в котором учреждена Божественная вечеря для всех уневестивших себя Жениху душ и сердец: «чертог Твой вижду, Спасе мой!» Вид неизреченного блаженства привлекает его, и он хотел бы войти на вечерю и присоединиться к священному лику празднующих, но взор на себя самого останавливает его. Он помнит злополучную участь того, кто имел безрассудство явиться на вечери царской, «не имый одеяния брачна»; чувствует в то же время, что у него нет этого драгоценного одеяния, что одежда его, то есть дела и жизнь, мрачна, ветха и отвратительна: и одежды не имам, да вниду в он.

После этого надлежало бы оставить желание быть на вечери; но как оставить, когда туда стремится все существо его? – И вот, скудный одеянием, но не верой и любовью, он обращается с прошением к Тому, Кто силен восполнить все

недостающее, Кто светом Своим может просветить всякую тьму, и молит Его оказать ему эту великую милость: «просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!»

Бывали ль мы с тобой, возлюбленный слушатель, в подобном состоянии души и сердца? Если не бывали, то святая песнь Церкви не по нас, и нам нужно размышлять еще не о чертоге царском и вечери брачной, а о плене вавилонском и тьме египетской, в которых находимся мы с тобой. Но есть люди, пред умственными очами которых выну чертог Жениха небесного, которые куда ни пойдут, что ни начнут делать, утром и вечером, днем и ночью, созерцают его пред собою: «чертог Твой вижду, Спасе мой!» Такие люди употребляют все свои силы и средства к тому, чтобы очистить душу и сердце свое от всех скверн мирских и стяжать одеяние брачное; не упускают ни одного случая убелить душевные ризы свои, – то в крови Агнчей – в заслугах дражайшего Искупителя, то в собственных слезах, текущих от сердца сокрушенного и духа смиренного, то в купели любви и милосердия к своим ближним; но никогда не почитают себя достигшими желанного совершенства. Ибо та же благодать Духа, которая открывает им красоту и величие благ небесных, уготованных любящим Господа, дает видеть им и всю нечистоту нашей падшей природы, все несовершенство самых благих дел наших; постоянно указывает им в сердце их новые и новые остатки зла и нечистоты греховной. Поэтому, как бы высоко ни стояли они, всегда бывают проникнуты чувством глубокого смирения; не стыдятся, подобно апостолу Павлу, называть себя первыми из грешников, и, не видя в себе самих возможности очистить себя, «якоже Он чист есть» (1Ин. 3:3); наряду с последними грешниками взывают из глубины души: «просвети одеяние души моя, Светодавче, и спаси мя!»

Очевидно, братие мои, что большая часть из нас не имеет счастья принадлежать к этому, как Сам Спаситель называет его, малому числу избранных. Но, с другой стороны, неужели кто-либо из нас решился принадлежать явно к ужасной толпе людей отверженных? Нет, такого духовного бесчувствия и омертвления, такой ненависти к самим себе, такой любви и, так сказать, пристрастия к аду; нет в самых ожесточенных



грешниках. И в их душе слышится по временам голос совести; и их сердце посещается омерзением к греху; и над ними действует иногда сила благодати, не оставляющей человека до самых последних минут бытия его на земле: нет только решимости разорвать узы греха; недостает только спасительного принуждения своей злой воли, и усилия возникнуть от сети дьявольской.

Станем же, возлюбленный слушатель, станем со всеми узами и язвами нашими пред светоносным лицом всемилосердного Спасителя нашего; станем и воззовем к Нему из глубины души: буди милосерд, Владыко, и ко мне, бедному созданию Твоему! Как ни далеко заблудил я от прага дому Твоего, как мир и страсти ни заслепили очей сердца моего, как ни оземленел я всем существом моим, как ни глубока пропасть греха, в которой держит меня враг мой: но и я, недостойный, поднимаемый силой благодати Твоей, не оставляющей самого последнего из грешников, озаряемый светом Евангелия, вразумляемый примером избранных рабов Твоих, возношусь иногда мыслью до той святой высоты, с которой все дальнее и земное кажется малым и ничтожным, а все небесное, святое, вечное, видимо приближается ко мне и как бы зовет к себе: «чертог Твой вижду, Спасе мой!» О, как в нем все чисто и свято, как все светло и радостно! Лучше, воистину лучше, приметаться у прага этого чертога, нежели восседать и царствовать в селениях грешничих: «чертог Твой вижду, Спасе мой, украшенный!» Вижду и то, что, несмотря на всю мою нечистоту и недостойность, и для меня есть место в этом чертоге, что и мое бедное имя не забыто Тобой, а вписано в число искупленных и предназначенных к блаженству в царствии Твоем.

Все давно зовет меня к Тебе; и я готов идти на Божественную вечерю Твою, но как явиться пред светлое лицо Твое с моей тьмой и наготой, с моими рубищами и язвами греховными? Была у меня одежда невинности в Едеме, украшал меня там самый драгоценный образ Твой, но явился лукавый змий, похитил у меня эту одежду: и оттоле лежу наг и стыжуся. Было у меня потом и другое царское облачение от

Тебя – бесценная одежда заслуг Сына Твоего, в которую облекла меня при крещении Святая Церковь, но пришли с летами нечистые помыслы, злые пожелания и страсти; совлекли с меня нешвенный хитон оправдания благодатного; – оттоле лежу наг и стыжуся. Омывался и после я не раз в таинственной купели покаяния; убеялся паче снега причащением святых и животворящих Тайн: но вскоре снова, безумный, возвращался к благу мирских забав и утех, погружался еще глубже в тину невоздержания и сладострастия. Что мне теперь делать? Куда обратиться? Кто снимет мрак и язвы с моей совести? Кто покроет наготу души моей?

Напрасно обратился бы я за этим к тварям, меня окружающим: они сами воздыхают от ужасной работы истлению, которой покорило их преступление Адамово; сами ожидают от меня освобождения из плена. Вотще молил бы я об этом самых небожителей и Ангелов: у них много света и любви; но их одежда не по мне: ибо я землян и смертен. Куда ни посмотрю, явно вижу, что не к кому прибегнуть мне, кроме Тебя же, о всемилосердый Владыко и Судие мой, Тебя, Который умер за нас, еще грешников сущих, Который доселе долготерпеливо ожидаешь обращения моего. Твой, Господи, чертог: Твоя да будет и одежда! – Просвети, Светодавче, одеяние души моей! Просвети!.. Я не молю Тебя о свете Фаворском: пусть остается он уделом и наградой присных и друзей Твоих! Озари меня хотя светом Синайским, да вижду ясно путь заповедей Твоих и, проникнутый страхом Твоего всемогущества, начну ходить непреткновенно в оправданиях Твоих! – Не скрой от меня света Голгофского, да узрю силу и необходимость, для спасения людей, животворящего Креста Твоего, и займу от него мужество и святую решимость умерщвлять плоть мою с ее страстями и похотями! Осени меня сиянием света Синайского, да, облеченный силой свыше, благодатью Духа Утешителя, не усташусь борьбы с соблазнами мира и со злыми моими навыками!

Да посетит, наконец, о Всеблагий, мрачную душу мою, хотя единый луч света с Елеона, да не опущу из вида той блаженной стези, по которой взошел Ты к Отцу Твоему на небо, и которой

должно востекать к Тебе всем, желающим обрестись на Божественной вечери в богосветлом чертоге Твоем! Аминь.

## Слово первое в Великий Вторник

Нынешний день можно назвать днем прощания для Господа с храмом Иерусалимским и с народом Иудейским. Ныне же посему произнесена Им и последняя проповедь в храме. Вы могли слышать ее на утрени, и если она не тронула вас и не привела в спасительный страх за собственную свою вечную участь, то это знак – или крайнего невнимания, или подобного же бесчувствия. Ибо проповедь эта состоит не столько из слов, сколько из слов и воздыханий. Спаситель жалуется в ней на ожесточение народа Иудейского, на слепоту и лукавство его вождей и наставников, и предсказывает те ужасные бедствия, которые неминуемо должны последовать из этого для руководителей и для руководимых.

Но особенно нельзя без чувства слышать последние слова, которыми заключена проповедь Спасителя. «Иерусалиме, Иерусалиме, – воскликнул Он, кончив обличение книжников, – избивый пророки и камением побивали посланные к тебе, колькраты восхотел собрати чада твоя, якоже собирает кокош птенцы своя под крыле, и не восхотесте! Се, оставляется вам дом ваш пуст» (Мф. 23:37–38).

(Не закончено).

## Слово второе в Великий Вторник

«Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща; недостоин же паки, егоже обрящет унывающа. Блюда убо, душе моя, не сном отяготися, да не смерти предана будеши, и царствия вне затворишися; но воспрями, зовущи: свят, свят, свят еси, Боже, Богородицею помилуй нас!»

Кто этот таинственный Жених, грядущий в полночи? К кому грядет Он, и что означает эта полночь? И опять, кто этот раб, выну бдящий и потому блаженный, и кого разумеет под рабом унывающим, а потому недостойным сретить Жениха?

Быть не может, братие мои, чтобы эти вопросы не были уже многими из вас предложены самим себе и решены, по указанию Евангелия и сообразно потребностям их души и сердца, так что когда Святая Церковь возглашает: «се Жених грядет!» – они знают уже, Кого при этом ожидать, и что требуется от каждого из нас для Его сретения. «Но не во всех, как говорит апостол, разум" (1Кор. 8:7). Есть люди, которые и среди полудня имеют нужду в вожатае, одни по слабости зрения, другие по незнанию пути, хотя он и не далек от них, а иные и по нежеланию идти. Поэтому не будет излишне, если и мы, по приличию настоящего дня, размыслим в слух всех о пришествии Жениха, чтобы и не размышлявший об этом доселе мог ясно увидеть, кто он – раб бдящий и поэтому блаженный, или унывающий и недостойный, и потому отвергаемый?

Итак скажем, что Жених дивный, грядущий в полночи, есть дражайший Спаситель наш, Господь Иисус Христос. Между многими знаменательными названиями, которые присваиваются Ему в слове Божием, Он носит имя и нашего Жениха; потому что душа наша обручена Ему, как невеста жениху, на всегдашнее и совершенное соединение с Ним верой, любовью и блаженством. «Обручих вас», – пишет апостол Павел Коринфянам, – «обручих... вас единому мужу деу чисту представити Христови» (2Кор. 11:2). Это святое обручение – со стороны Божественного Жениха нашего – произошло на Кресте, где Он, из любви к нам, для искупления душ наших от грехов и

проклятия, и для усвоения нас Себе на всю вечность, претерпел смерть и пролил всю Кровь Свою. А с нашей стороны это драгоценное обручение, по Его же непосредственному распоряжению, совершается в Таинстве Крещения, где, отрекшись мира, плоти и диавола, мы, как невеста жениху, сочетаваемся Христу и Богу нашему. Со времени этого обручения, мы уже, как выражается апостол Павел, "не свои" (1Кор.6:19), а принадлежим – душой и телом – Искупителю и Господу нашему.

Как между нами людьми бывает, что за обручением не вдруг следует брак, и обрученные разлучаются друг от друга на некоторое время до брака; так то же самое произошло и в нашем обручении со Христом. Брак, по многим и важным причинам, отложен, и самый Жених, для нашего же блага, должен был удалиться от нас. Это последовало, как известно, в čtyредесятый день по воскресении Его, когда Он вознесся с Елеона на небо. Много знаков любви оставлено Им при нас в залог нашего союза с Ним: с нами святое слово Его, с нами животворящий Крест Его, с нами пречистое Тело и Кровь Его, с нами Церковь, наперсница советов Его и наша невестоводительница, с нами Таинства Церкви и сама благодать Духа Пресвятаго; но Сам Он, Жених душ наших, с тех пор невидим и пребудет таковым до конца нашей разлуки с Ним, то есть до последнего дня мира, когда Он снова явится во славе для совершения всемирного торжества брачного. Долго ли продлится эта разлука, это замедление таинственного брака Агнча? Об этом ведаёт только Сам Жених душ и сердец. – Когда придет Он, в какой год и день, в какую пору и час? Опять тайна для всех. «О дне... и часе том, – сказал Сам Он, – никтоже весть, ни Ангели небеснии» (Мф. 24:36). И вот, эта-то глубокая неизвестность составляет ту таинственную полночь, в которую, как говорится в рассматриваемом нами песнопении, Жених придет, ибо полночь у нас есть такое время, когда прекращаются не только все дела, но и все ожидания, и люди, ничего больше не ожидая, предаются сну. Поскольку таким образом время пришествия небесного Жениха неизвестно; а с другой стороны, нигде не сказано, чтобы это пришествие

последовало не иначе, как спустя весьма долгое время, то явно, что оно может последовать всегда, во всякий день и час; а посему тем, которые обручены небесному Жениху, то есть всем нам, должно быть всегда готовыми к встрече Жениха, ожидать Его всегда, не отлучаться, так сказать, никуда вдаль, не заниматься ничем таким, что бы могло помешать явиться вовремя к Его приходу. Так именно заповедал нам Сам Жених, пред Своею разлукою с нами: "бдите убо, – говорил Он, – яко не весте дне, ни часа, в онъ же Сын Человеческий приидет» (Мф. 25:13).

Те, которые верны своему обручению и обету, которые истинно возлюбили Жениха душ, те так всегда и поступали, и ныне поступают. Они всегда на страже; первое и последнее ожидание их в жизни есть чаяние пришествия Жениха. Услышать глас: «се Жених грядет»! – было бы верхом их земного блаженства. Чтобы сделать себя способнее к ожиданию и сретению Его, многие из них вовсе оставляли для этого мир и все, что в мире; отрекались навсегда от самых невинных удовольствий и связей земных, чтобы, по слабости природы, занявшись слишком чем-либо житейским, не охладить любви в душе к Жениху, не раздвоить внимания и усердия, не отяжелеть духом и не предаться сну чувственности. Другие, не оставляя мира, участвуя во всех его движениях и делах, и живут, однако же, так, как бы они были не в мире; не прилепляют ни к чему сердца своего; все житейские дела и отношения свои подчиняют одному началу – любви к Иисусу: и где бы ни были, чем бы ни занимались, всегда готовы оставить с радостью все дела и все приобретения земные, по первому гласу о пришествии Жениха. Все таковые, и вне мира и в мире живущие, очевидно, есть рабы бдящие: Жених видит их усердие, уготовляет для каждого из них венец славы; и они блаженны воистину, как бы ни была низка и горька участь их на земле, ибо все здешние лишения и страдания, которым они могут подвергаться, временны и скоропреходящи, а в будущем их ожидает за это такое блаженство; которого око не виде, ухо не слыша, и которое не восходило на самое сердце человеческое.

Но есть из обрученных небесному Жениху и такие, которые совершенно забыли о своих обетах, не помнят даже того, что у них есть Жених, что прихода Его надобно ожидать всегда, и что худо, крайне худо, будет тому, кто, во время пришествия Его, обрящется спящим. Много ли таковых людей между христиан? Так много, что слово Божие называет их потому – всеми: «коснящу же Жениху, – говорится, – воздремашася вся и спяху» (Мф. 25:5).

И подлинно, братие мои, много ли можете вы указать таких христиан, о которых с уверенностью можно бы сказать: се раб бдящий в самой полночи! Будущее пришествие Господа и Спасителя нашего сделалось таким предметом, о котором никто и не говорит, а если бы кто и заговорил где-либо, то показался бы человеком странным, занимающимся такими вещами, которые не заслуживают внимания людей, так называемых, деловых и образованных. Между тем, будущее пришествие Господа есть событие, чрезвычайно важное для каждого, от которого вполне зависит вечная судьба наша, с которым должны прийти к нам или все блага, или все бедствия: и все это не может возбудить в нас внимания, и все это – как дело, нам вовсе чужое! Напрасно Евангелие говорит с силою: «бдите... яко не весте дне, ни часа, в онъ же Сын Человеческий приидет!» (Мф. 25:13) (Мф. 24:42, 44). Напрасно Святая Церковь восклицает: «се Жених грядет в полночи!» Мы слышим и не внемлем; слышим и, вместо того, чтобы готовиться к встрече Жениха, беспечно предаемся суетам мирским, как бы нам оставаться на земле вечно. Сколько найдется христиан, оканчивающих уже жизнь свою, которые даже не ведают, что у души их есть Жених, и что они могут даже дожить до Его пришествия!.. Что виной такой непростительной холодности к небесному Жениху душ и сердец? Виною наше безмерное пристрастие к благам земным, наше погружение в чувственность. Сердце наше разделено на столько предметов, что в нем нет уже места для Возлюбленного. Все отдано миру и плоти! Все в плену у похотей и страстей!

Напрасно, совершенно напрасно, в извинение беспечности нашей, стали бы мы ссылаться на медлительность в



пришествии Жениха: ибо эта медлительность только с одной стороны, а с другой – необыкновенная скорость. Все равно – Он ли к нам приидет, или мы к Нему пойдем. Он медлит приходом, и, может быть, еще отложит его на тысячи лет, а мы эти тысячи лет разве будем оставаться здесь и ждать Его? Нет, ныне, завтра, явится Ангел смерти, и воззовет нас к Жениху. Как же, после этого, спать беспечно и не ожидать зова и исхода, нам предстоящего? Тем более, когда он видимо недалек от каждого, и в то же время совершенно неизвестен? Ибо о дне и часе, в который мы окончим жизнь свою, также никтоже не весть: это – наша собственная полночь! – Но, увы, и о ней должно сказать тоже, что сказано о полуночи, в нюже Жених приидет: «воздремашася вся, и спаху»! Приготовление к смерти, это дело столь важное, что ему надлежало бы занимать нас всю нашу жизнь, – не почитается даже делом. Занимающиеся им, как должно, составляют исключение, и притом весьма редкое. Все прочие живут так, как бы им жить здесь вечно. Болезни, нас посещающие, эти видимые предтечи и вестники смерти, не в силах заставить нас подумать о ней. Увы, сколько ни видели мы умирающих, никогда почти не видали таких, которые предварительно были бы уверены, что им должно наконец расстаться с жизнью. Многие, напротив, за несколько часов и минут до смерти, все еще предавались мыслям о земном, думали жить, не оставляли помыслов о таких делах и о предприятиях, для которых нужны силы и жизнь продолжительная. Так умирают юные; так нередко умирают самые старцы: можете судить по этому, в каком виде эти несчастные души являются пред своим небесным Женихом, и что постигает их на вечери брачной!..

При таком ужасном примере беспечности, среди этого жестокого вихря суеты и страстей, заслепляющего прахом глаза у самых лучших, по-видимому, людей, не должно ли, братие мои, каждому, кто только хотя мало дорожит собственным спасением, прийти в страх, обратиться к самому себе, и сказать словами священной песни: «блюда убо, душе моя, и ты, не сном отяготися, да не смерти предана будеши!» Блюда, – не увлекайся никаким примером, не следуй никакой стези, которая

кажется покрытой цветами, а ведет в пропасть адскую. Блюди – стой на страже, доколе не сменят; храни веру и упование, доколе не явится само упование. Жених невидим; но Он всегда близ тебя, видит все твои мысли и желания, и считает все труды и жертвы, и готовит венец за все. Еще несколько лет, может быть, недель, дней терпения: и завеса падет, мир и все, что в нем, исчезнет из глаз; явится чертог небесный, и ты введена будешь на брак Агнчий! Аминь.

## Слово первое в Великую Среду

Ныне день предания Господа, день мрачный и печальный, почему Святая Церковь и ознаменовала его, наравне с днем смерти Господа, печатью поста в продолжение всего года. – Кто любит Спасителя своего, тот не будет нарушать этой печати: тот со всей верностью хранит знамение скорби и сетования по Возлюбленном. Ибо, хотя предание, равно как и смерть Господа, послужило – своими последствиями – к спасению всего мира, но тем не менее это действие – самое черное и отвратительное. Мне даже представляется оно преступнее самого распятия. Ибо распинатели Господа не знали Его, как должно; «аще бо быша разумели, не быша Господа славы распяли» (1Кор. 2:8). А здесь кто предает? Собственный ученик, один из двенадцати, то есть ближайший, – предает тот, кто слышал все беседы Господа, был свидетелем Его жизни и чудес, разделял с Ним, в продолжение более трех лет, и радости, и печали.

После всего этого предание так неожиданно в предателе, что сама Церковь в недоумении будет завтра вопрошать: «кий ты образ, Иудо, предателя Спасу содела? Еда от лика Апостольского ты отлучи? Еда дарования исцелений лиши? Еда иных ноги умыв, твои же презре? Еда от трапезы ты отрину? О, коликих благ непамятлив был еси!» (Великий Пяток. Утро. Седал. гл. 7).

Все было сделано для Иуды, и все им презрено! Что он не имел никакой причины сетовать и жаловаться на Учителя, показывают собственные слова и ужасный конец его: "согреших", – говорит он самим убийцам Учителя, – «согреших, предав кровь неповинную»! (Мф. 27:4).

Что же ввело тебя, несчастный, в этот ужасный грех? – Сребролюбие и диавол, – отвечают евангелисты. Нося ковчежец с деньгами, Искарот пристрастился к носимому, и оказался вором. После этого, святое общество Иисусово, в котором господствовал дух произвольной нищеты и самоотвержения, сделалось для него чуждым, тяжелым, противным душе,

зараженной страстью. Иуде везде и во всем мечталась корысть и сребреники. Дьявол не замедлил воспользоваться этой несчастной расположенностью сердца и, основав в душе Иуды жилище себе, заставил его смотреть на все происходившее не очами веры и любви, как смотрели прочие апостолы, а своекорыстным глазом мытаря и фарисея. Так смотрел Иуда на мир, которое Мария возливала на ноги Иисусовы, и, притворившись другом нищих, жалел, что оно не продано, и деньги не отданы в распоряжение его лукавству. Так, без сомнения, смотрел Иуда и на все прочее. «Что, – думал он, – мы ходим из края в край Иудеи, как нищие? Почему бы не воспользоваться усердием народа, не взять в свои руки власть, которая видимо дается сама собой? Ведь Мессия должен наконец же господствовать над всеми и всем. Ужели ждать, чтобы нас всех захватили, как преступников, и подвергли казни? Пожалуй, за этим не станет. Но пусть дожидаются этого другие. Искарот не так прост и недалёковиден. Он возьмет свои меры заранее». – Что же ты медлишь? Шептал в уши дьявол. Теперь самый благоприятный случай отстать от общества Иисусова. Видишь, как синедрион ищет случая взять Учителя тайно. Ты сам можешь сделать это неявно, так что Учитель даже не сочтет тебя предателем. Ибо что требуется для сего? Только указать место пребывания Учителя ночью. Кроме того, что тебе заплатят за эту важную услугу, ты войдешь через это в связь с первыми лицами синедриона. И Ему будет не большая беда от этого: ты сам видел, как Он не раз спасался чудесно от всех козней и сетей Своих врагов; спасется и теперь, а ты сделаешь свое дело и составишь себе счастье: пользуйся случаем и спеши!

И несчастный ученик точно спешит – на свою погибель. Под предлогом покупок, нужных к празднику, он находит случай тайно побывать у первосвященников и сговориться с ними о предательстве. Желание не представлять из себя низкого продавца, торгующегося за кровь, и показать мнимое усердие к пользам синедриона, заставляет его согласиться на самую невеликую цену, в надежде, со временем, большей и лучшей награды. Для этого же он явится в самом вертограде

Гефсиманском, с видом не предателя, а человека, возвращающегося из посылки, который потому позволяет себе дружелюбно приветствовать Учителя и даже облобызать Его; между тем, как это именно лобзание было знаком для явившейся затем, как бы без всякого согласия с Иудой, сперы иудейской (спира – рота или полк). Посему-то до самого конца никто из учеников не мог знать, кто предатель. Один Учитель видел и ведал все; ведал и употреблял все меры спасти – не Себя, а ученика несчастного. Сколько трогательных вразумлений на одной последней вечери! Омовение ног, преподание Тела и Крови могли тронуть духа отверженного, но не тронули Иуду! Страсть сребролюбия заглушила все!

Но заглушила на время. Когда замысел совершился, когда Учитель, вместо того, чтобы чудесно спастись от врагов, предал Себя им, как овца на заклание, – Иуда пробудился, вспомнил обо всем, что видел доброго, святого, Божественного в Иисусе, и обратился к раскаянию. Сребреники повержены; невинность Учителя исповедана всенародно; оставалось только, подобно Петру, омыть грех слезами и обратиться к тому же Учителю и Господу с верой. Но диавол внушил теперь другое: как прежде соблазнял безстрашием, так теперь представлял неотпускаемость вины и греха. И вот, Иуда на древе погибельном! Тогда-то, не прежде, во всей силе постигли его грозные слова: «добрее было бы ему, аще не бы родился человек той»! (Мр. 14:21).

Видите, до чего довела страсть сребролюбия человека самого нехудого! Ибо, если бы Иуда не обещал из себя много доброго, то не был бы избран в апостолы.

Будем же, братие, блюстись этого недуга, равно как и прочих страстей: ибо все они равно опасны, и рано или поздно оканчиваются и душевной, и телесной гибелью для человека. Но, падший да не унывает и да не приходит к отчаянию! У небесного Врача нет неисцельно больных. Доколе живем, дотолé можем спастись, как бы ни были велики грехи наши. Если бы сам Иуда, вместо погибельного древа, поспешил к древу Креста Христова с верой и покаянием, то вместе с кающимся разбойником вошел бы в рай, без всяких

сребреников. Так рассуждают об этом и учат все богомудрые отцы Церкви. Аминь.

## Слово второе в Великую Среду

Святая Церковь указывает нам ныне в своих песнопениях окрест Спасителя преимущественно на два лица: на одного апостола и на одну жену блудницу. Противоположность разительная. Апостол по самому званию своему был недалек от третьего неба; блудница, яко великая грешница, близка была к самой пропасти адской. И что же? На деле вышло совершенно противное. Через два дня бывший апостол соделался жертвою ада, а блудница вошла в лик жен-мироносиц. Пришла страсть сребролюбия, овладела сердцем апостола, и обратила его в сосуд погибели, в сына отвержения. Пришло святое покаяние, овладело сердцем блудницы, повергло ее к ногам Спасителя мира, и приобщило ее к святому лику мироносиц. Что убо заключим из сих двух примеров? То, что доколе мы на земле, из нас может быть все, мы можем переходить, так сказать, от неба к аду, и от ада к небу.

Близость ко Христу Иуды не спасла его от греха и отчаяния. Почему? Потому что он вознебрег о самом себе и допустил к себе в сердце страсть, за коей уже сам собою вошел и диавол. Отдаленность от Христа блудницы не помешала ей улучшить спасения. Почему? Потому что она пришла в себя, бросила навсегда грех, исповедала свою нечистоту и переменила жизнь.

Нет, следовательно, такой высокой добродетели, коей не угрожало бы падение самое тяжкое; и нет такого тяжкого падения, от коего нельзя было бы восстать и взойти на самую высоту добродетели. Посему, как бы кто ни высоко стоял в совершенстве, не должен предаваться гордости и беспечности. «Мняйся стояти... блюдется, да не падет» (1Кор. 10:12). Равно, как бы кто ни упал низко, в какой бы бездне греховной ни находился, да не отчаивается, подобно Иуде. У Господа нашего есть покаяние для всех грешников. Оставь грех, обратись ко Господу, принеси покаяние и исповедь: и ты, подобно жене блуднице, будешь прощен и принят в милосердие Господне.

В частности из примера Иуды да познают сребролюбцы, как опасна страсть сребролюбия. Если из апостола она сделала

предателя, то что может сделать из тебя? Если апостол доведен ею до отчаяния и смерти, то ты ли уцелеешь от ее злости? Но мы, скажет кто-либо из недугующих сребролюбием, не предаем Христа, мы готовы служить Ему от имений своих и действительно служим, по возможности. Конечно, ты не предаешь Христа, как Иуда, ибо и не можешь предать Его таким образом. Но вспомни, – не продавал ли ты своей веры и совести? А это то же, как бы ты продал Христа. Вспомни, не предавал ли ты, по любви к серебру, ближнего твоего? А в лице его ты предал Христа. И – что много говорить? Кого более любит сребролюбец: Христа – или деньги? Очевидно, деньги; ибо если бы любил Христа, то не любил бы злата и серебра, кои Он запрещает любить. Но, моя любовь к богатству, – еще помыслит кто-либо, – не доводит меня до самых худых дел. Положим, но разве мало, что она мешает тебе творить дела добрые? Без сребролюбия твоя душа была бы похожа на рай Божий, в ней росли бы и цвели разные добродетели, а теперь, поскольку сребролюбие не дает им расти, она похожа на голый песок; великое ли утешение, что на этом песке не растет и терния, то есть худых дел? – Сребролюбие действительно удаляет человека от некоторых худых дел, например от роскоши, игр и плотоугодия; но зато оно постепенно сокращает круг добра, им делаемого. Сребролюбец со дня на день становится нечувствительным ко всему, кроме прибытка; он бывает бесчеловечен даже к себе самому. У него сокращаются его собственные потребности; он желал бы освободиться от всех их, чтобы не подвергнуться тратам; желал бы сделаться для сего бестелесным, обратиться в духа. И этот бесплотный дух, уже вознесшийся над большей частью потребностей собственной природы, прилеплен к глыбе металла!

Лют есть зверь сребролюбия! А, между тем, этот лютый зверь угрожает, братие мои, каждому из нас. Возраст старческий особенно подлежит сему недугу душевному; и кто заранее не берет мер против него, тот неминуемо подвергнется сей заразе душевной. Это тем бывает жалче, что таковые старцы нередко имеют немало совершенств душевных. Но сребролюбие и скупость все мрачат и портят.



Пример помилованной блудницы, как мы сказали, должен служить в ободрение грешников к покаянию, а не к продолжению греха, не отлаганию покаяния до смерти. Ибо если праведник, как показывает пример апостола, небезопасен, то грешник на чем утвердит свою надежду?

(Не закончено).

## Слово третье в Великую Среду

Чем занимаются теперь в мире? Приготовлением к светлым дням Воскресения Христова. И богатый и бедный равно движутся, суетятся о том, как бы сделать для себя праздник посветлее.

Будем ли винить за хлопоты праздничные? – Нет, это в порядке вещей. Доколе мы на земле, во плоти: дотоле нельзя забыть ни земли, ни плоти. Самые Павлы забывали их только тогда, как восхищаемы были до третьего неба. А в другое время и они вопияли: «окаянен аз человек, кто мя избавит от тела смерти сея» (Рим. 7:24).

Итак, не будем осуждать, если каждый в нынешние дни проведет лишний час на торжище. Но не можем не предложить совета, как сделать праздник каждому для себя действительно светлым.

Есть ли сему средство? Есть и притом равно у всех. Это средство состоит в очищении себя молитвою и покаянием. Таким образом и только таким сделается у тебя на душе легко, чисто и светло: а когда на душе будет так, то и праздник будет светел и радостен. А без сего ничто не поможет. Плоть, пользуясь уготованным на празднике, возвеселится, а дух останется во тьме и хладе, в прежних узах и под той же тяжестью.

(Не закончено).

## Слово первое в Великий Четверток

«Странствия владычня и безсмертныя трапезы, на горнем месте, высокими умы, вернии, приидите насладимся».

Наконец, и у Святой Церкви трапеза и пир духовный! Долго продолжалось и говение и пост: зато и брашно и питье необыкновенные. Ибо трапезы и вечери мирские насыщают и улаждают на время; а потом нередко тяготят собою и всегда уступают место новому голоду: здесь, кто вкусит достойно, не взалчет во веки: «безсмертныя трапезы». Человеколюбив бо наш Владыка! Не потерпел зреть рабов своих гладных; знает, что дух бодр, а плоть немощна: и вот, под конец поприща постного Сам уготовляет трапезу. «Странствия владычня и безсмертныя трапезы.» Кроме успокоения и ободрения для алчущих, вечеря сия послужит прощанием для ее Устроителя. Ибо Ему надобно оставить всех и идти в долгий путь, надобно разлучиться не на краткое время. Как не разделить последних минут с другими и присными? Как не оставить им в память о Себе чего-либо? – Тем паче как нам не поспешить на такую трапезу? «Приидите убо насладимся!» Войдем все на сию вечерю; ибо хотя сказано: «высокими умы»: но это сказано по необходимости, потому что предлагаемое на вечери высоко по самому существу своему, так что кто лежит долу, тот не может достать устами предлагаемого. А, впрочем, нет никаких особенных условий. Сказано только: «вернии». Но без веры что же и ходить туда, где без веры нельзя сделать ни шага? И трудно ли иметь веру там, где распоряжает всем Сам Владыка и Господь всяческих, и где потому действует всемогущество? Оставив убо всякий страх и недоумение, взойдем на горнее место и, кто может, «насладимся», кто еще неспособен к тому, по крайней мере, посмотрим, что там предлагается, кто и как приемлет, и что следует из предлагаемого и принятого?

«Вечеру же бывшу, возлежаше со обеманадесяте ученикома» (Мф. 26:20).

Так святой Матфей начинает описание трапезы Господней. Известно, по какому случаю была она: надлежало, по закону, в

нынешний день,

«Востав от вечери... положи ризы и прием лентион, препоясая. Потом вля воду во умывальницу, и начат умывати ноги учеником, и отирати лентием, имже бе препоясан» (Ин. 13:4–5). Все повинуются: один Петр прекословит: «не умыеши ногу моею во веки!» (Ин. 13:8). Напрасно! Прежде взяться бы за лентион, и омыть ноги Учителю и соученикам. Тогда услышал бы паки: «блажен еси, Симоне... яко плоть и кровь не яви тебе, но Отец... Иже на небесех» (Мф. 16:17). А теперь, хотя похвальное чувство выражается в словах твоих, но от той же плоти и крови: возвышенных, но все еще не могущих наследовать Царствия Божия. Посему и скажется не прежнее, а другое: «аще не умыю тебе, не имаши части со Мною!» (Ин. 13:8).

Теперь нет более преград. Да начнется пир, да явится веселие! И оно началось. Агнец снесен, горькое зелие вкушено, опресноки потреблены, чаша благодарения испита: Ветхий Завет исполнен. Но все это смертное, тысячу раз вкушаемое и ни разу не насыщавшее духа. Где же бессмертная трапеза? Где страннолюбие Владычне?

Не скучайте и не опасайтесь! Кто наплат пять тысяч пятью хлебами, Тот наплатит и нас. Если и неприглашенных приемлет, кольми паче не отпустятся тщи приглашенные. «Вернии, приидите насладимся!»

«Ядущим же им (ученикам), прием Иисус хлеб и благословив преломи, и даяше учеником, и рече: примите и ядите: сие есть Тело Мое! И прием чашу и хвалу воздав, даде им, глаголя: пейте от нея еси: сия бо есть Кровь Моя, Нового Завета, яже за многия изливаема во оставление грехов» (Мф. 26:26–28).

Итак, вот чем будут угощать нас: не хлебом, а телом, – не вином, а кровью! – сие есть Тело; сия есть Кровь! – И чьим Телом и Кровью? -Спасителя нашего: Тело Мое, Кровь Моя!

Кто бы мог приложить веру сему, если бы не вещал о сем Он же Сам, если бы не повторили того же, от лица Его, апостолы?

Но как же нам употребить эту снедь? Так любит нас Владыка! Видя, что все трапезы оканчиваются во истление, и не

делают нас бессмертными, Он уставляет брашно и питье нетленные. Их можно было составить только из Плоти и Крови, кои одни во всем мире не подлежали разрушению, а, напротив, имели силу оживлять, и Он не пожалел ни Своего Тела, ни Своей Крови, а предложил их на вечери, предложил не ученикам токмо Своим, а в лице их всем народам.

За нас первый принял святой Андрей, но принял с тем, чтобы передать верно каждому из нас. И кому он не передает верно? Приступай всяк; на каждой трапезе церковной, то же Тело и та же Кровь, коих причащались ныне апостолы.

Но как приступить к сей трапезе? – Как вкусить Тело? Как пить Кровь? – Это – не по природе нашей. Ведал сие все Учитель, и позаботился о нашей слабости.

Вкушаемое есть Тело, но вид у него тот же, хлеба; пиемое – Кровь, но образ и вкус его тот же, – вина. Таким образом снисходится к нашей природе, что вместо единого чуда каждый раз делается два: и хлеб и вино обращаются в Тело и Кровь и, обращенные, удерживают свой прежний вид, дабы таким образом было с нашей стороны место и вере.

Подлинно, не низкий ум надобно иметь, дабы насладиться сей трапезы. Надобно сим умом возлететь на высоту любви Спасителя к нам, полагающего за нас душу Свою. Но этот высокий ум – на сей случай – дает не ученость, а вера: «аще не уверите, ниже имате разумети» (Ис. 7:9).

Итак будем веровать, приступая к трапезе Тела и Крови, не будем поникать умом долу, вопрошая: «како может... дати Плоть Свою ясти?» (Ин. 6:52) или, подобно еретикам, недоумевая, как под видом хлеба и вина может сокрываться Тело и Кровь?

От человек это невозможно, а от нашего Спасителя, Который есть Бог и человек, вся возможна. Напротив, недостойно Его было преподать один хлеб и одно вино: ибо это может сто раз сделать каждый из людей. Ему, яко Богу, предлежало сделать большее; и Он соделал самое большее; «ибо никтоже больше... любви имать, да аще кто душу... положит за други своя» (Ин.15:13). Аминь.

## Слово второе в Великий Четверток

По окончании предстоящего священнодействия, вы будете слышать, братие, такое поучение, пред коим все наши вещания ничто, ибо вы будете слышать поучение от Самого Господа и Спасителя нашего, сказанное по омовении ног апостолам, а в лице их и всем нам. При таком слове самого Слова животного, всякое поучение со стороны нашей было бы неуместно и даже дерзновенно. Для чего же я изшел теперь пред вас? – Для того именно, чтобы обратить внимание ваше на сие слово Господа нашего, которое по краткости своей не обращает на себя внимания многих; между тем, в нем вся сила, и все наши вещания не могут заменить в нем одной йоты. Итак, не опустите дорогого случая собрать драгоценный бисер словес Христовых и положить их в самой лучшей и самой крепкой сокровищнице сердца своего. Вообще, братие, просим и молим вас, не останавливайтесь на том, что видят взоры, а переноситесь мыслью к Тому, Коего лицо мы изображаем пред вами, представляйте себе не слабого и ничтожного человека, преклоняющегося пред подобными себе, и может быть гораздо лучшими, человеками, а как Господь славы послужил вместо раба своим тварям, как, делая все нашего ради спасения, ради сего же спасения, умыл ныне и ноги ученикам, омывая символ священнотайне скверну деяний наших, и подавая нам пример глубочайшего смирения. Если вы будете созерцать настоящее священнодействие в сем духе, то, мы уверены, что оно не останется без плода для душ ваших, и вы, возвратившись в дома, не будете разглагольствовать праздно о том, как совершалась церемония, кто и как говорил или действовал, а в тишине духа и сердца, со слезами умиления на очах, размыслите сами с собою прилежно, как должно действовать вам, как смирять свою гордость, обуздывать гнев, искоренять превозношения плоти, как, водясь любовью, переносить унижение, терпеть обиды и побеждать благим злое. О сем-то мы почли за долг напомнить вам кратко, для приготовления вас к послушанию вместе с нами проповеди Господней. Аминь.

## Слово третье в Великий Четверток на Страсти Христовы

И одного простого слышания повести Евангельской о страданиях Христовых достаточно, братие мои, дабы видеть что сии страдания были ужасны. Когда представишь при сем, что их терпела плоть пречистая, душа пресвятая, для коих, по самой чистоте их, всякое мучение долженствовало быть гораздо чувствительнее, нежели для нашего грубого тела, для нашего оплотняемого духа; то страдания Господа становятся еще ужаснее. А когда, вслед за сим, помыслишь, что таким образом страдал не только Пресвятой, но и Всемогущий, что на кресте висел в муках не простой человек или Ангел, а Сам Единородный Сын Божий; то, поражаясь ужасом и недоумением, вопрошаешь: что могло быть причиною столь беспримерного события, или паче сказать, таинства и чуда?

Явно, что не воины римские вознесли Сына Божия на Крест; явно, что Он терпит муки и смерть не потому, что коварный ученик предал Его, что ослепленные страстью фарисеи и книжники испросили Его на смерть, что человекоугодливый судья осудил Его и отдал на пропятие. Когда Божественный Страдалец восхотел показать свое могущество, то единое Его слово: "Аз есмь"! (Ин. 18:6) повергло на землю всю спирю иудейскую. И теперь, когда Он на Кресте истаивает в муках и вопиет: "жажду"! (Ин. 19:28) теперь помрачающееся солнце, трепещущая земля являют, что вся тварь готова восстать на защиту своего Владыки.

Кто же связал «льва от Иуды»? (Быт. 49:9) Кто отдал Сына Божия на пропятие и смерть? – Правосудие Божие. – За что? – За грехи людей. – Чем Он виновен в грехах наших? – Тем, что принял их на Себя за нас. – Для чего принял? – Дабы освободить нас от казни за грех и примирить с Богом. – Как примирить? – Удовлетворив за грехи правосудию своею смертью. – Вот лестница, по коей взошел на Крест Сын Божий! Вот гвоздие, коим пригвожден Он ко Кресту! Вот терны, из коих соплетен венец на главу Его!

Нужны ли на все сие свидетельства слова Божия? Они бесчисленны. Вопросите пророков, и они скажут вам, что Сей, висящий на Кресте, Страдалец грехи наша носит и о нас болезнует, что Он «язвен быст за грехи наша и мучен... за беззакония наша, что наказание мира нашего на Нем, и язвою Его мы все изцелехом» (Ис. 53:4–5). Вопросите апостолов, и они скажут вам, что Бог «бе во Христе мир примиряя себе Крестом Его» (2Кор. 5:19), что милосердие Божие «не ведавшего... греха по нас грех сотвори, да мы будем правда Божия о Нем» (2Кор. 5:21), что Сын Божий «дал есть Себе за ны, да избавит ны от всякаго беззакония» (Тит. 2:14). Приложите слух ко гласу Самого Божественного Страдальца, и вы услышите, что пречистая Плоть Его отдана на мучение и смерть «за живот мира» (Ин. 6:51), что пречистая Кровь Его изливается на Кресте «во оставление грехов» (Мф. 26:28) всего рода человеческого.

Итак, этот Крест, стоящий на Голгофе, есть жертвенник всемирный! Этот висящий на нем Страдалец есть очистительная жертва за грехи всех падших сынов Адамовых! Кто требовал сей жертвы? – Закон и правда небесная, неизменная святость существа Божия и непреложный порядок мира нравственного.

И во-первых, святость существа Божия. Что Бог столько же свят, сколько благ и милосерд – это истина непререкаемая. Бога несвятого мы не можем себе и представить. В чем же состоит сия святость? – В том, что Бог вечно любит одно благое и святое, и вечно отвращается всего злого и незаконного; в том, что как от Бога исходит одно совершенное и правое, так и к Нему не может приблизиться никакая нечистота и скверна; в том, что Он, как вездесущий и всеисполняющий, нигде и ни в ком не терпит греха, употребляет все на его истребление. Тако свят Господь Бог наш!

Смотрите же теперь, что пред сею святостью? Пред нею род человеческий, падший, безобразный и нечистый; пред нею целый бесчисленный сонм существ, именуемых людьми, из коих каждое уклонилось от цели бытия своего, расторгло блаженный союз свой с Творцом, приняло характер и правила действий



врага Божия; пред нею, сею святостью, целая бездна грехов, преступлений, неправд и беззаконий!..

Может ли чистейшее око Божие сносить сие отвратительное зрелище? Может ли гром Всемогущества не двинуться против сего темного полчища пороков? Может ли святейшее лоно Творца спокойно носить в себе сие море зла?

Не может! – «Проклят всяк... иже не пребудет в... словесех закона и правды»! (Втор. 27:26). Вот единожды и навсегда изреченное определение правды Божией!

Вследствие сего, грешник долженствовал неминуемо погибнуть, ибо у него нет средства не только вознаградить за грех пред судом правды вечной, но и освободить себя самого от пагубной склонности впадать в новые грехи. И погиб бы таким образом весь грешный род человеческий, если бы не явился Ходатай, Искупитель и Споручник – Единородный Сын Божий!

В то время, как непреложная правда Божия готова была изречь суд и осуждение на погибавший во грехах род человеческий, сей Единородный Сын Любве Отчей оставляет престол славы, приемлет лицо ходатая, является пред Отцом и вещает: человек, созданный по образу Нашему, погиб во грехе; беззакония его навсегда разлучили его с Нами; святость существа Нашего не может терпеть преступника; но и любовь Наша не может не печись о восстановлении падшего. Для сего нужна жертва за грехи его: да буду Я Сам сею жертвою! Да прейдут на Меня все беззакония сынов человеческих! Да понесу всю тяжесть наказаний, подобающих грешнику. «Се, прииду... сотворити волю Твою, Боже!» (Пс. 39:8–9).

Любвеобильное ходатайство принято, и Сын Божий соделывается сыном человеческим, да понесет на Себе неправды всех сынов человеческих. Все, что Он, явившись потом на земли, совершает и терпит, все сие направлено к изглаждению грехов наших: для сего Он полагается в яслях, для сего приемлет обрезание, для сего бежит в Египет, для сего погружается в водах Иорданских, для сего терпит поношения от книжников, для сего не имеет где подклонить главы, для сего плачет на гробе Лазаря, для сего потеет кровавым потом в Гефсимании, для сего приемлет лобзание от предателя.

Довольно бы, казалось, подвигов для правды человеческой; но не довлеет для правды Божественной: она требует большего – смерти преступника! И се, в довершение всех жертв, приносится и сия последняя: Сын Божий – на Кресте! Большого удовлетворения за грех не могло требовать само небесное правосудие: принесена жертва всесовершенная; ибо принесена в жертву самая жизнь, – жизнь не простого человека, а Того, Кто есть человек и Бог.

Что после сего видите вы на Кресте? Видите, что Бог всесвятый, не терпящий беззакония нигде, поражает проклятием и смертью грех в лице Самого Единородного Сына Своего. Что видите в Кресте? Видите, что Бог всеблагий, Который не оставляет без помощи создания Своего, любит самых строптивых чад Своих, и для спасения их Сам восходит на Крест. Что видите в Кресте? Видите таинственное, чудесное сочетание правды и милости, суда и прощения, святости и благоутробия, страха для грешников нераскаянных и упования для грешников кающихся. Это – верх премудрости Божественной, которая изобрела средство и поразить грех со всею строгостью, и не погубить человека со всею его нечистотою.

В самом деле, вообразим на время, что благодать Божия, разлучившись от правды Божественной, провозгласила бы прощение грешному роду человеческому без той жертвы за грехи, которая принесена теперь на Голгофе. – Что подумали бы мы тогда о Боге и Его святости? Не возмнили ль бы (и праведно), что Он, если и свят, то более милосерд, нежели праведен? Что если Он и дает закон, и требует исполнения, и угрожает наказанием: то все сие делает не по внутреннему, непреложному требованию существа своего, а по одному изменяющемуся произволу? – Что можно нарушать закон и не быть отвергнутым от Законодателя? Такая мысль, а она в сем случае неизбежна, могла бы соблазнить и не человека, склонного ко греху; такой образ действий со стороны верховного Законодателя и Судии мог бы дать случай к беспорядку и не в одном нашем мире. А что было бы тогда с грешниками? Что вселило бы в них святой ужас и отвращение к

греху, когда они не исполняются страхом и тогда, как видят пред собою Крест Сына Божия? Тогда Закон Божий потерял бы уважение, ему подобающее, добродетель – свое достоинство, грех – весь ужас...

И был ли бы успокоен самый кающийся грешник, не видя пред очами правды Божией жертвы за грехи свои? Если мы легко смотрим иногда на свои беззакония и почитаем их делом не важным; если готовы бываем принять прощение во грехах, не думая, чтобы за них нужна была жертва, то это потому, что в нас нет чувства истинного покаяния: что совесть наша не раскрылась, как должно. Но посмотрите на тех, кои поняли, что значит грех, и прониклись живым чувством раскаяния, в коих совесть начала действовать со всею силою! Ах, они становятся судьями и врагами самим себе; не убегают, а ищут наказания; не удовлетворяются ничем, готовы бывают лишиться себя всего, самой жизни, которою злоупотребили против воли Создателя. И что представили бы им в успокоение, если бы не имели Креста Христова, не могли указать на язвы Господа, на Тело и Кровь Сына Божия, принесенные в жертву за грехи наши?

Да умолкнут же те, кои, в ослеплении ума, дерзают говорить, что дело спасения нашего могло бы совершиться без Креста Христова. Отымите Крест – и нет христианства; отымите Крест – и нет спасения миру; отымите Крест – и грешники все паки пред судом правды и гнева; отымите Крест – и нет успокоения кающемуся; отымите Крест – и грех неудержимо воцарится над всем!

Но кто может поколебать тебя, святое и треблаженное Древо? Рукою всемогущей любви водружено ты посреди всея земли для спасения нашего, и будешь стоять несокрушимо, доколе останется на земле хотя один грешник, взыскующий своего спасения! Будешь стоять, как знамение правды и любви Божией к грешникам кающимся, как залог гнева и мук вечных для нераскаянных. Много приражалось к тебе волн и нападений, и все сокрушились: сокрушатся и те, кои будут паки приражаться к тебе. Стой, божественное Древо, и распростирай райские ветви твои по всей земли! Да соберутся под сень твою все падшие сыны Адама, и да оживут вкушением

от плодов твоих! Но что произрастишь ты нам, размышляющим теперь и беседующим о тебе? Укроемся ли мы под сенью твоею в день суда и воздаяния?..

Укроемся, возлюбленные братие, если теперь не будем, подобно злополучному прародителю нашему, сокрываться от лица Бога, взыскующего нас на покаяние; укроемся, если, преклоняясь до земли во храмах пред Крестом Христовым, не будем убегать от него, когда Он срывает нас, среди жизни нашей, в скорбях и искушениях, посылаемых для нашего вразумления; укроемся, если, освящая себя верою в заслуги нашего Божественного Ходатая, и приемля во имя Его оставление грехов, не будем снова распинать Его нашими беззакониями.

Падем же в духе пред сим животворящим Древом и скажем Распятому на нем: видим, Господи, видим, сколь нестерпим грех для правды и святости существа Божия; видим, чего стоило Тебе, Человеколюбцу, искупление нас от проклятия закона и казни вечной; видим, что угрожает нам, если не воспользуемся безприкладною жертвою Твоею, за нас принесенную; видим, и даем обет жить все остальное время не похотям и страстям, не миру и диаволу, а Тебе, Владыке и Искупителю нашему! Аминь.

## Слово первое в Великий Пяток

«Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?» (Ис. 53:1).

Так, за шесть веков до крестной смерти Спасителя нашего, предначинал о ней проповедь свою един из великих пророков народа Божия! Действием Духа Святаго пред ним поднята была завеса будущего, и он ясно узрел уничиженное состояние на Кресте Сына Божия, дабы предвозвестить потом о нем своим современникам, а в лице их и всему роду человеческому. Пораженный страшным зрелищем Голгофским, пророк, вместо проповеди к людям, обращает речь к Богу и с недоумением вопрошает: можно ли говорить о таких предметах в слух человеческий? И не сокрыть ли всего виденного в глубине собственной души? Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся? Я готов, как бы так говорил он, провозвестить о том, что явлено мне во свете лица Твоего, но где те, кои способны принять возвещаемое? Пред Крестом Сына Твоего нужна вера величайшая: как обрести ее между людьми? Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?

Спустя более двух тысячелетий после сего пророчества, и более осмнадцати веков после события его на Голгофе, – теперь, когда Крест Христов, будучи водружен посреди всея земли, соделался во спасение всех и каждого, – теперь можно бы, казалось, ожидать, что слово крестное не найдет уже себе противоречия в умах и сердцах человеческих, что при первом благовестии о тайне искупления, совершившейся на Голгофе, все преклонят слух и отверзнут души свои к принятию жизни вечной.

Но, братие мои, что если бы древний пророк воскрес и стал теперь пред нами, думаете ли, чтобы он оставил или изменил для нас начало своей проповеди крестной? Уверены ли, чтобы он, взирая на всех нас – и стоящих здесь и отсутствующих – не воскликнул бы паки: «Господи, кто верова слуху нашему, и мышца Господня кому открыся?»

Ах, если б была вера в нас, то стал ли бы богач в нынешний же день затворять немилосердно утробу свою при виде собрата своего, требующего помощи? Стал ли бы сто раз взвешивать каждую лепту, подаемую нищему, и как подаемую? Во имя Христа, умершего для нас и воскресшего, когда притом за все поданное сей же Умерший и Воскресший обещал воздать – там – сторицею?

Если бы была вера в нас, то стал ли бы наперсник мудрости искать разрешения тайн бытия человеческого, недоумений своей души и совести где-либо в другом месте, кроме Евангелия, когда оно для того и дано, чтобы мы знали, кто мы, откуда и для чего?

Если бы была вера в нас, то предавались ли бы мы так безумно соблазнам мира и преступным обаяниям плоти, поставляли ль бы многие из нас всю цель жизни своей в удовлетворении чувств и страстей, падали ль бы так низко пред каждым кумиром гордости житейской и похоти очес?

Если бы была вера в нас, то могла ли бы приводить в такую безотрадную печаль смерть, когда Спаситель наш для того и сошел Сам во гроб, дабы воссиять для всех нас из него жизнь и нетление?

Ах, когда была вера в сердцах, тогда христиане были яко светила среди тьмы иудейства и язычества; тогда слово, сказанное христианином, было сильнее всех обязательств, пример последователя Иисусова был лучше всех правил мудрости человеческой; тогда без сожаления расставались, когда нужно, со всеми благами мира, без ропота переносили величайшие скорби и лишения, на самые муки и смерть шли с радостью.

И ныне, в ком есть истинная вера, тот не похож на других, и в каком бы звании ни находился, являет из себя человека, видимо принадлежащего не земле токмо, но и небу. В ком есть вера, тот и ныне – богат ли – богат не столько для себя, сколько для других, не златом точию и серебром, а смирением и любовью; беден ли и страждущ, – и бедствует и страдает без ропота, с упованием, якоже подобает наследнику жизни вечной; мудр ли, – не превозносится своими познаниями, повергает их в

жертву, у подножия Креста Христова; прост ли и не книжен, – самую простотою дорожит, яко сокровищем. В ком есть вера, тот и ныне целомудр, благочестив и праведен, кроток и любовен, воздержен, смирен и прост. В ком есть вера, тот и ныне взирает на жизнь, как на странствие, – на мир видимый, как на временную гостиницу, – на плоть свою, как на темницу бессмертного духа, – на гроб, как на место своего успокоения.

Но много ли таковых? Покажите мне христианина, о коем можно бы тотчас, ничтоже сумняся, речи: се раб Божий! Се последователь Христов! Сколько, напротив, христиан, о коих трудно сказать: имеют ли какую-либо веру! Сколько христиан, коим если бы досталось переходить в язычество, то не следовало бы делать никакой перемены ни в образе мыслей, ни в образе жизни, кроме что взять себе другое имя! – И что много говорить? Осмотритесь вокруг себя: ныне день смерти Господа и Спасителя нашего; ныне Он взшел на крест за грехи наши, да доставит всем нам оправдание и живот вечный; ныне ли посему не собраться всем последователям Иисусовым у гроба Его? Но сколько людей, кои остались теперь дома, сидят в праздности, не знают даже, что делать и как провести время, и, между тем, не спешат в храм, к подножию Креста Христова!..

Кого винить в нашей хладности и бесчувствии? Уже не Тебя ли, Господи! Ты, может быть, мало сделал для того, чтобы просветить и вразумить, тронуть и возбудить, согреть и привлечь нас к Себе!.. Но что же бы можно было сделать более? Явись, грешник, кто бы ты ни был, у гроба сего и скажи сам, что нужно для тебя сделать и чего не сделано. Тебя надлежало вывести из тьмы естественного неведения на свет Божий: и над тобою возжено столько светил богопознания, что младенцы ныне более знают о Боге и жизни вечной, нежели сколько знали великие мудрецы мира древнего. Для тебя необходим был пример жизни благой и праведной, – пример чистой любви, смирения и терпения: пред тобою жизнь и деяния Спасителя твоего, в коих не на словах, а на деле весь закон и все заповеди. Тебе нужно было и врачевство от расслабления духовного: и ты окружен благодатью Духа Святаго, молитвами и таинствами Церкви. Тебе нужно всеоружие для сражения с

врагами твоего спасения: и оно всегда готово в сокровищнице Церкви. Итак, явись, грешник, у сего гроба и скажи сам Спасителю твоему, что нужно было для тебя сделать и чего не сделано. Он столько любит тебя, что если, действительно, что нужно для тебя, Он восстанет из гроба и паки взойдет на крест...

Между тем, возлюбленный о Христе собрат, рассмотрим беспристрастно, делали ль и делаем ли мы с тобою, что можно и должно было делать нам, дабы вера и Евангелие Иисусовы не оставались в нас бесплодными. У нас есть ум: употребляем ли мы его на познания наших обязанностей, нашей души и совести, – на уразумение Божественного лица Спасителя нашего, Его учения, жизни и смерти, для нас подъятой? – У нас есть воля и свобода, способные следовать или закону Божию и гласу Евангелия, или внушению чувств и страстей: действовали ль мы сею волею и свободою так, как повелевает Евангелие, стояли ль в истине и правде, сражались ли с собственными страстями и похотями? Нам преподано множество и естественных и сверхъестественных средств к искоренению в нас злых навыков, к очищению нашей природы, к укреплению в нас доброго расположения, к ограждению нас от соблазнов и искушений, к препобеждению мира, плоти и диавола: многие ли из сих средств употреблены нами в дело, и не остаются ли доселе даже неизвестными нам, по нашему небрежению о них?

Кого же винить после сего, как не самих себя, если мы доселе остаемся во тьме и хладе, во грехах и нечистоте, в бесчувствии и смерти духовной? Если бы ты, человек, был камень, тебя можно бы взять и обделать, как угодно строителю. Если бы ты был дерево, тебя можно было бы садить и пересаживать, как вздумал бы садовник. Если бы ты, грешник, был существо, хотя живое, но неразумное и лишенное свободы, с тобою можно было бы поступить, как поступают с бессловесными. Но ты – человек, тебе даны ум и произвол, даны на всю вечность. Раз дав тебе дары сии и преимущества, Творец Премудрый никогда уже не возьмет их назад. Что же после сего остается делать с тобою самому всемогуществу Божию, как токмо наставлять и вразумлять тебя, убеждать и



трогать, просить и молить тебя – о собственном твоём спасении?

И смотри – чем это всемогущество не вразумляет, не убеждает, не просит и не молит тебя: самым крестом и гробом Единородного Сына Своего, за тебя распятого и погребенного! – Виждь, глаголет оно, виждь, чего стоит грех твой, какой жертвы потребовал он для спасения твоего, виждь и уразумей, что будет, наконец, с тобою, если ты не воспользуешься жертвою, за тебя принесенною! Аминь.

## Слово второе в Великий Пяток

«Чий образ сей и написание?» (Мф. 22:20)

Так спросил некогда Господь книжников Иерусалимских о златом пенязе, Ему представленном, дабы из того, что изображено на нем, взять ответ на недоумение их достойно ли... «дати кинсон кесареви, или ни?» (Мф. 22:17). А мы спросим ныне таким образом вас, братие мои, о предлагаемом здесь изображении, спросим для того, дабы показать, какую дань любви и благодарности подобает приять Божественному Страдальцу сему от нас, кои искуплены от греха и смерти не златом и пенязями, а драгоценною Кровью Его, на Кресте за нас излиянную.

"Чий убо образ сей и написание»?

Се образ величайшего Наставника в мудрости, Который на то родился и на то пришел в мир, дабы свидетельствовать истину; – и свидетельствовал ее всюду и пред всеми, возвещал пути живота во храме и на торжищах, среди градов и весей, на суши и на водах, на горах и в юдолях, равно свидетельствовал пред прокуратором Римским и женою самарянской, пред синедрионом и слепцом иерихонским, пред мудрыми и буими мира, пред старцами и отроками, пред иудеями и язычниками. Какая истина не вышла из уст Его во всем свете? Какая заповедь не преподана Им во всей силе? Какое обетование жизни вечной не открыто и не утверждено Им непоколебимо? Алтарь и престол, колыбель и гроб, меч и мрежи, плуг и весы – все озарено светом Его Божественного учения. Глас истины во устах Его был так силен, что самые враги должны были умолкать пред Ним и исповедать, яко «николиже тако... глагола человек, яко сей человек» (Ин. 7:46).

Но бедные грешники возлюбили паче тьму, нежели свет; страсти и предрассудки их, не терпя обличения, восстали на Проповедника истины; – и се, Он, яко льстец и противник Моисея и пророков, поруган, умучен и взят от среды живых!..

Итак, это ваш образ и написание, любители и любимцы святой истины! Окружите с благоговением гроб величайшего

Свидетеля ее и восприимите от Него дух веры и мужества для борьбы с заблуждениями и упорством человеческим. Если хотите почтить память Его страданий и смерти: то дайте обет никогда не скрывать истины в неправде человеческих мнений, а возглашать ее на кровях и стогнах, не изменять ей и тогда, когда против нее весь мир, когда за нею стоит для вас крест. Се жертва, коей ожидает от вас этот Божественный Страдалец за истину! «Чий образ сей и написание»?

Се образ величайшего друга и благодетеля человечества, проходя из града в град, из веси в весь, всюду оставлял Он следы Своей благодати: слепым подавал зрение, глухим слух, хромым хождение, мертвым жизнь; и благотворя телу, в то же время еще более благодетельствовал душе. По гласу любви Его, взыскующей всех погибших: сребролюбивые Закхеи раздавали пол-имения нищим, всеми презираемые мытари обращались в апостолов, блудницы целомудрствовали, разбойники со креста переходили в рай.

Но злоба человеческая не усрамилась сих чудес любви; – и друг человечества представлен Пилату, яко враг общественного спокойствия; и утеха Израиля предана на поругание язычникам и низведена во гроб!..

Итак, друзья человечества, это ваш образ и написание! Не ищите другого вождя и другого примера в ваших человеколюбивых подвигах и трудах на пользу бедствующих братьев ваших, кроме Иисуса Распятого. Не ищите и других средств к уменьшению бедствий на земле, кроме тех, кои указаны Им в Его Евангелии, или сами собою выходят из духа Его заповедей. Научитесь, подобно Ему, благотворить не одному телу несчастных, но и их душе, – благотворить, не ожидая за свои подвиги на земле ничего, кроме утешений совести; научитесь даже терпеть за ваши благодеяния, и полагать из любви к ближнему не только стяжания и труды, но самую душу свою. Се любовь к ближним по чину Иисусову!

«Чий образ сей и написание»?

Это образ величайшего Праведника и Подвижника в добродетели. «Кто от вас обличает Мя о грехе» (Ин. 8:46), – вопрошал Он врагов Своих; и никто из врагов не мог обличить

Его ни в едином грехе. Напрасно синедрион искал лжесвидетелей: они клеветали токмо на самих себя. Сам Пилат принужден был совестью своею умыть руки и сказать: «я не повинен... о крове Праведного сего!» (Мф. 27:24). Сам Иуда исповедал пред смертью, что он согрешил – предав кровь невинную.

Но клевета человеческая не усомнилась и сего Праведника вменить со злодеями. Тот, для Коего было брашном, да творить волю Отца Своего, поставлен ниже Вараввы, и вознесен на Крест!..

Итак, подвижники добродетели и благочестия, это ваш образ и написание! – Посмотрите пристальнее на этот венец терновый, на эти руки и ноги, прободенные гвоздями, на это сердце отверстое копием; посмотрите и поверьте сими язвами вашу любовь к Богу и ближнему, вашу чистоту и правду, ваше терпение и мужество. Здесь показано, что значит жить для Бога и вечности, как должно хранить закон и правду, как сражаться с пороком и нечестием, где искать помощи среди скорбей и напастей века, и чем укреплять себя в грозный час смерти. Если хотите служить Господу воистину, то примите и вы на рамена свои Крест Христов. Без распятия плоти и страстей – нет спасения человеку падшему!

«Чий образ сей и написание»?

Это образ Икупителя человеков, второго Адама, «иже есть Господь с небесе» (1Кор. 15:47). Заступив для нас место Адама первого, приняв на Себя грехи всего рода человеческого, Он, яко Икупитель и жертва, вознесен для изглаждения их на крест, и, смертью Своею удовлетворив вечной правде, примирив нас с Богом, возвратил нам чистоту и невинность, отверз для нас рай, нами потерянный. После сего нет греха, побеждающего человеколюбие Божие; после сего «ниедино... осуждение сущим о Христе Иисусе» (Рим. 8:1), и ходящим не по плоти, а по духу; после сего и для разбойников отверзт крестом рай, коль скоро они оставляют навсегда грех и с верою от сердца вопиют: «помяни мя, Господи, ...во Царствии Твоем»! (Лк. 23:42).

Итак, вздыхающие под тяжестью страстей грешники, это ваш образ и написание! Что надлежало бы претерпеть за грехи ваши вам, то самое претерпел за вас Сей Божественный Ходатай. Спешите же к живоносному гробу Его; слагайте у пречистых ног Его все ваши греховные тяжести; взимайте правду и чистоту, для вас приобретенные; почерпайте благодать и милость, текущую из язв Его. Но, примирившись с Богом и совестью, не возвращайтесь к прежним кумирам греха, да не явитесь виновными в Божественной крови, за вас пролиянной и вами злоупотребленной.

«Чий образ сей и написание»?

Это образ великого Царя и всемогущего Владыки, Который за то, что, будучи во образе Божием, уничижил Себя нас ради до смерти крестной, превознесен теперь над всем, и получил имя... «паче всякаго имене» (Флп. 2:9), Коему Отец Небесный, яко возлюбленному Сыну, предал всякую власть на земли и на небеси, в руках Коего ключи не только всех дарований и всех благ земных и небесных, но самого ада и смерти; но Который, несмотря на высоту и славу свою, не стыдится прежнего уничижения, не сокрывает язв и венца тернового, благоволит являться распятым и погребенным, дабы тем удобнее был доступ к Нему, дабы никто не мог усомниться в прежней любви Его ко всем бедным грешникам.

Итак труждающиеся и обремененные, это ваш образ и написание! Страдалец Голгофский для того и воцарился над всем миром, дабы верующим в Него все споспешествовало во благое. Теперь нет бедствия, коего бы Он не мог отвратить от вас; нет блага, коего Он не мог бы подать вам. "Просите убо, и приимите» (Ин. 16:24). Нужны ли познания, – у Него все сокровища премудрости и разума. Нужна ли защита от врагов сильных, – у Него вся сила и могущество. Нужно ли здравие, – Он воскресение и жизнь. Нужно ли благорастворение стихий, плодоносив земли, Ему служат источники, Ему работают бездны. Только просите с верою, ничто же сумняся; просите с решимостью употребить во благо просимое, просите, предавая судьбу свою и самое прошение Его премудрости и всесвятой воде.

«Чий образ сей и написание»?

Это образ будущего нашего Судии и Господа. По безприкладной благости Своей к нам, в надежде нашего обращения, Он продолжает являться с Крестом и Плащаницею, страгемый стражами Римскими, погребаемый Иосифом и Никодимом, печатаемый печатью Каиафы. Но время долготерпения не без конца; настанет день, когда Он явится на облаках небесных, с силою и славою многою, окруженный Архангелами и Ангелами; явится для того, чтобы возбудить от сна смертного и воззвать пред Своей праведный Суд всех сынов Адамовых, и произнести над каждым из нас решительный приговор на всю вечность. Тогда потребуются уже не поклонения и лобзания, а одни дела веры живой и любви чистой. Тогда возвратимся от лица Его уже не в дома, как теперь для занятия суетою мира, для уготовления того, что требует плоть и кровь, а – или в рай и царствие, для празднования вечной Пасхи, или во ад, для нескончаемого плача и скрежета зубов.

Итак, все чающие воскресения мертвых и жизни будущего века, се ваш образ и написание! Станьте у гроба сего Мертвеца, подобно тому, как вы станете некогда пред страшным престолом Его же – Судии; станьте, и дайте Ему отчет в делах своих; сравните, что сделано для вас Спасителем вашим, и что делаете для Него, паче для вас же самих, вы. Вспомните, чего потребует Он от вас на Суде; и рассмотрите, есть ли хотя некая часть того в вас.

Если вы изменяете истине, за которую Он умер; если чужды любви и милосердия, для коих Он жил; если не храните правды и чистоты, коими Он облек вас; если те грехи, кои Он пригвоздил на Кресте, снимаете со креста и полагаете в душу и сердце свое; если вместо того, чтобы готовиться к Суду и вечности; все время и силы ваши отдаете грехам и похотям, то знайте: сколько бы вы ни поклонялись сему изображению, сколько бы ни лобызали сии язвы, ваш «суд написан» (Пс. 149:9), – написан и подписан – сею же самою кровью, за вас пролиянною! Для грешников нераскаянных нет более Икупителя: остается один Судия и Мздовоздаятель! Аминь.

## Слово третье в Великий Пяток

«...дщери Иерусалимски, не плачитесь о Мне, обаче себе плачите и чад ваших...». (Лк. 23:28).

Так говорил Господь сердобольным женам Иерусалимским, кои с плачем сопровождали Его из претории Пилатовой на Голгофу.

Но можно ли было удерживаться от слез, при виде умученного уже воинами Пилатовыми Страдальца, Который с тяжелым Крестом на раменах шествовал теперь посреди злодеев к месту лобному? Плачущие жены могли сказать в ответ то же, что Сам Господь говорил фарисеям при Своем входе в Иерусалим: "аще мы умолчим, камение возопиет"! (Лк. 19:40).

Теперь другое: на нашей ежегодной Голгофе нет более мучений для Сына Человеческого. Когда мы окружаем гроб Его, и поем песни исходные, Он сидит во славе одесную Отца, и внемлет хвалебным гласам Архангелов и Ангелов. Не тем ли более мы вправе от лица Божественного Страдальца воззвать теперь гласом Голгофским: «дщери Иерусалимски» – души чувствительные и состраждущие, при виде сей Плащаницы «не плачитесь о Нем, обаче себе плачите и чад ваших!»

Не плачитесь о Нем; ибо чаша лютых страданий, уготованная для Него правосудием небесным, давно истощена Им до конца; крест и смерть, яко необходимые для искупления рода человеческого от проклятия за грех, претерпены, состояние земного унижения Сына Человеческого кончилось, и Он почил от всех дел Своих.

Не плачитесь о Нем: ибо смерть и гроб не удержали Его в своих узах; Он воскрес со славою; вознесся на небо с торжеством, ниспослал Пресвятаго Духа апостолам и всем верующим; и теперь сидит одесную Отца, ожидая, дónдеже все враги Его положатся в подножие ног Его.

Не плачитесь о Нем: ибо что плакать о Том, Который наслаждается теперь блаженством и славою, коим нет ни предела, ни конца? Что проливать слезы над Тем, Который для

того и восходил на Крест, дабы отъять всякую слезу от всяких очей?

Что же делать? Вопросите. Ужели на Крест и гроб Спасителя своего можно взирать хладным сердцем и сухими очами? Нет, братие мои, если где место нашим слезам и воздыханиям, то здесь: только сии слезы и воздыхания должны быть не о Нем, а о нас самих: «себе плачите и чад ваших!»

Плачите себе: ибо Спаситель ваш на небе во славе, а вы еще на земле во плоти, в коей по естеству не живет доброе. Он среди Архангелов и Ангелов, а вы еще среди мира, который весь во зле лежит, еще посреди сетей и искушений, напастей и печалей века, так что не можете быть уверены ни в жизни, ни в самой добродетели своей.

Плачите себе: оплакивайте заблуждения вашей юности, исчезнувшей в суете и помышлениях лукавых; рыдайте над грехопадениями мужества и лет зрелых, кои безпощадно отданы в жертву честолюбию и любостыжанию, плотоугодию и роскоши; слезите над самыми седидами старчества вашего, богатого летами, но не нравами благими, удалившего от вас мир, но не освободившего вас от мира.

Себе плачите: ибо сколько даров и природы, или паче Творца ее и вашего, вами погублено! Сколько даров благодати отвергнуто или принято вотще! Сколько благих движений духа и сердца принесено в жертву суетным обычаям мирским! Какое множество учинено явных грехопадений, кои, как камень, лежат теперь на вашей совести и тяготят душу!

Себе плачите: плачьте и всегда, тем паче ныне, у гроба своего Спасителя и Господа. Ибо чем заплатили вы за безприкладную любовь Его к вам недостойным? Какое употребление сделали из святых обетовании и заповедей Его? На какой кумир земной не меняли безумно Евангелия и Креста Его? Какую самую ничтожную выгоду земную не предпочитали делу вашего спасения?

Плачите убо себе и чад ваших. Плачите и чад, потому что они зачаты вами в беззакониях и рождены во грехах; потому что, вместо примера добра, вы служили для них нередко в



соблазн и претыкание и, собирая для них наследие на земле, не приготовили им ничего на небе.

Плачитесь... и чад ваших, кои, оставив дом родительский, не вынесли из него с собою ни чистоты духа, ни чистоты тела, кои, преуспевая в познаниях мудрости земной, небрегут об уроках мудрости небесной, кои от малых лет быв преданы на жертву обычаям иноземным, сделались чуждыми между своих, хладными к вере и преданиям отцов.

Плачите себе и чад ваших: ибо, при таком несчастном положении вещей, что ожидает вас и чад ваших в будущем? Ожидает гнев Божий на земле и на небе; ожидает расстройство здоровья, превращение благосостояния домашнего и всех отношений семейных; ожидают взаимные распри, плач и горесть...

Себе убо плачите и чад ваших: плачите теперь, когда приемлются наши слезы и отираются рукою милосердного Спасителя, дабы не плакать вечно после, когда они не будут более приемлемы, и когда плачущие напрасно будут вопиять к горам: «падите на ны! и холмом: покройте ны от лица грядущего гнева!» (Лк. 23:30). Аминь.

## Слово четвертое в Великий Пяток

Вы слушали сейчас, братие мои, страшную повесть страданий Богочеловека. Се пред очами вашими самое изображение Божественного Страдальца, снятого уже со креста и почивающего во гробе. После сего и о нас подобает рещи то же самое, что апостол Павел вещал некогда о христианах церкви Галатийской: «имже пред очима Иисус Христос преднаписан бысть, в вас распят!» (Гал. 3:1).

Для чего убо Святая Церковь приближает таким образом не только к слуху, но и к самому зрению каждого из нас страдания и Крест Господа нашего? Для того, без сомнения, чтобы каждый из нас, пораженный сею близостью, оставил теперь прочие занятия, и обратил все внимание на Спасителя и Господа своего, – для того, чтобы каждый сам вступил ныне в непосредственную беседу с Ним. Да, братие мои, если когда вы можете обойтись без нашего поучения, то в настоящий день, и если мы взошли теперь на сие священное место, то не для обычного собеседования с вами, а чтобы напомнить вам о необходимости вашей собственной беседы со Спасителем вашим.

Скажет ли кто-либо, что он неспособен к сему? Увы, со всеми и о всем можем мы беседовать и беседуем сами, а с Господом и Спасителем нашим, с Тем, Кто умер за нас на Кресте, с Ним одним не можем!.. Если действительно есть в ком-либо сия жалкая невозможность, то что значит она? То, что мы бесчувственны и неблагодарны к нашему Спасителю, что мы никогда не думали, как должно о своем отношении к Нему, не обращали души и сердца ко Кресту Его: – если смотрели на Него иногда, то смотрели как на простое зрелище; если покланялись Ему, то подобно тому, как покланяется язычник своим рукотворенным изваяниям. Нет, Крест Христов не подобен сим бездушным изваяниям; он весь облит кровью живоносною, которая, по уверению апостола, стократ лучше глаголет, нежели кровь Авеля праведного (Евр. 12:24).

Распятый на сем Кресте Господь наш, хотя почивает теперь яко мертв во гробе, но Он мертв для неверующих иудеев, а для тебя, христианин, Он и во гробе есть Божия сила и Божия Премудрость. Премудрость ли Божия не даст ответа нам, если только будем вопрошать ее с верою и смирением?

Итак, кто бы ты ни был, возлюбленный слушатель, первый мудрец или последний невежда, самый великий и важный в мире человек, или самый незначущий член общества человеческого, стань у гроба Господа своего, и начни беседу с Ним. Спроси, во-первых, откуда этот Крест и гроб, для чего Сын Божий претерпел столько ужасных страданий, подвергся смерти и погребению, скажи с пророком: «кто сей, пришедый от Едома, и почто червлены ризы его, яко от Восора!» (Ис. 63:1–2). Скажи и внешне, как он гласом того же пророка отвечает тебе, яко день воздаяния прииде... «лето избавления приспе» (Ис. 63:4); настал, то есть, давно предсказанный час искупления рода человеческого, пришло время удовлетворить за грехи его правде небесной и примирить его с Богом: «сего ради не ходатай, ниже Ангел, но Сам Господь спасе нас» (Ис. 63:9), спасе не благовестием токмо слова, не поданием токмо примера благого, как могли бы служить ко спасению и подобные нам человеки, а соделавшись за нас умиловительною жертвою, подъяв за нас самую смерть, коей подлежали мы все, яко преступники закона Божия.

Желаешь ли знать, кто требовал столь великой жертвы за грехи? – И он гласом святого Павла отвечает тебе (Рим. 3:22–24), что сего требовала правда Божия, нашими грехами раздраженная, что без сей очистительной жертвы мы не могли быть терпимы неприступною для грешников святостью существа Божия, что без сего торжественного удовлетворения закону весь порядок мира нравственного потерял бы свою силу и непреложность.

Вопроси далее с верою и любовью, что должно после сего делать человеку, искупленному от грехов и проклятия столь великою ценою, – что должно делать тебе самому, чтобы страдания и смерть Сына Божия не остались для тебя бесплодными? Ибо, не может же быть, чтобы кровь, пролиянная

на Голгофе, омывала и освящала каждого и нехотящего, против нашей так сказать, воли. И Господь, гласом того же апостола, скажет тебе, что для сего необходимы с нашей стороны, во-первых, живая вера в Божественные заслуги и ходатайственную смерть Его за нас (Еф. 2:8), а во-вторых, жизнь по сей вере, то есть жизнь чистая, праведная и богоугодная (Еф. 4:20–23), что без покаяния во грехах, без исправления нашего сердца и нравов благодатью Духа Святого, и смерть Спасителя останется без всякого плода за нас, и не только не спасет нас от гнева небесного, а послужит к вящему (большему) нашему осуждению (Евр. 6:4–9).

Приняв с благоговением сии вещания от гроба Господня, обратись потом, возлюбленный слушатель, к своей совести и своей жизни, и рассмотри: есть ли в тебе подобная вера в Спасителя, и есть ли жизнь достойная сей веры? Так ли ты мыслишь, желаешь и действуешь, как прилично христианину, и как предписал тебе мыслить, желать и действовать Спаситель твой? И если окажется что дело спасения в тебе еще и не начиналось, или и началось когда-либо, но потом забыто и оставлено; то подумай, что ожидает тебя, за которого умер Сам Сын Божий, и который, однако же, о сей смерти Его не думаешь, как бы ее не было, или бы она не касалась тебя, или составляла нечто не важное. Если мысль о толикой с твоей стороны неблагодарности к Икупителю твоему и представление ужасной участи, которая ожидает презрителей Крови Сына Божия, тронет тебя (а как не тронуть, если у тебя есть сердце?); когда ты увидишь, что нельзя более продолжать тебе своего преступного равнодушия к смерти Икупителя, за тебя подъятой; что непременно надобно сообразить (сподобить) с нею жизнь свою: то обратись паки к своей совести и спроси сам себя, что нужно тебе сделать и делать отселе, как вести себя, что оставить, что изменить, дабы престать быть христианином по одному имени. Сообразив все это, решившись на жизнь христианскую, стань у гроба Спасителя твоего, призови на помощь благодать Его, дай обет быть верным совести и Евангелию; и иди в дом твой, иди и, снова размыслив, снова призвав Господа на помощь, немедленно начинай дело спасения

своего – в твердой уверенности, что Господь не оставит тебя ни вразумлением, ни утешением, ни успехом благословенным.

Се, братие мои, предмет для собственного собеседования каждому из нас с почивающим во гробе Господом нашим! Се текст для проповеди, которую каждый должен сказать ныне сам себе! Видите, что должно быть и заключением сея проповеди! Это заключение, не как в наших проповедях, должно состоять не из слов, а из дел. От сея проповеди должна измениться вся наша жизнь. Если вы займетесь сим важным предметом сей же час, как должно; то не будете иметь нужды в нашем поучении, сами скоро сделаетесь в состоянии учить и назидать других: а если не обратите на сие внимание, если ограничитесь, и ныне как и прежде, обыкновенным слушанием песнопений и чтений церковных, несколькими поклонениями пред Святой Плащаницею и мимолетными воздыханиями; то хотя бы Ангел с неба сшел и возглаголал к нам, мы не получим плода от его проповеди; и, при всех наших благих, по-видимому, мыслях и чувствах, при всех наших поклонениях и даже слезах, останемся теми же, что были, грешниками, с прежними страстями в душе и язвами в совести. Посему собственным спасением вашим умоляем вас, братие, размыслить у сего гроба о том, к чему мы призывали вас, размыслить не поверхностно, не мимоходом, а так, как бы дело шло о вашей жизни и смерти: ибо точно здесь дело идет о жизни и смерти нашей, – жизни нескончаемой, смерти вечной. Здесь, в сем гробе, или наше вечное оправдание, или наше вечное же осуждение: отсюда путь или в рай или в ад! Выбирай любое; но одно из двух непременно избрать должен!

В самом деле, братие мои, если правосудие земное не оставляет без отмщения смерти и обыкновенного человека: то оставит ли без возмездия правосудие небесное Кровь Сына Божия, если мы окажемся ее презрителями? – Теперь можно, пожалуй, ограничиваться одним преклонением главы пред лежащим во гробе Судиею нашим, одним хладным лобзанием изображения язв Его; можно, пожалуй, взглянуть на них с равнодушием и отойти с надменным видом вольнодумца; можно чувствовать, думать и делать у сего гроба, что угодно:

Лежащий в нем, подобно обыкновенным мертвецам, не скажет теперь ничего; но надобно явиться пред сего Мертвеца и тогда, когда Он будет уже не во гробе, а на престоле славы и всемогущества; надобно будет пред Ним дать отчет там, где окружают Его уже не смиренные служители алтаря, а Херувимы и Серафимы. Имеяй уши слышати и ум внимати, да слышит и да внимает! Аминь.

## Слово пятое в Великий Пяток

«Есть же обычай... да единого вам отпущу на Пасху: хотите ли убо, (да) отпущу вам Царя Иудейска? Возопиша же... еси, глаголюще: не Сего, но Варавву. Бе же Варавва разбойник» (Ин. 18:39–40).

Вот, наконец, среди незаконного суда над Иисусом и глас о Нем народа, – тот глас, в пользу коего ныне по разным странам столько лживых и безумных возгласов! Вот, наконец, и приговор над Иисусом так называемого свободного собрания общественного, – тот приговор, мнимым беспристрастием коего так жалко прельщаются целые царства и народы! – И Пилат, подобно нынешним мудрецам, уверен был в превосходстве добродетели пред пороком, почему и почитал совершенно достаточным поставить только невинного Иисуса пред народным собранием наряду с Вараввою, дабы спасти Его от казни крестной; но что вышло? Вместо гласа Божия, каковым привыкли иногда называть глас народа, из уст иудеев раздался ужасный голос духа злобы: «не Сего, но Варавву»!..

Остановитесь, несчастные избиратели! Что сделал вам пророк Галилейский, что вы осуждаете Его так безжалостно на смерть? Не Он ли отверзал очи вашим слепцам, исцелял ваших прокаженных, изгонял бесов, воскрешал мертвых? Не Он ли поучал всех и каждого путям живота вечного? С другой стороны, чем заслужил вашу любовь и предпочтение пред Иисусом Варавва? Не от него ли столько времени трепетали грады и мирные веси? Не его ли проклинали доселе за разбой и убийства жены, лишённые супругов, матери, обезчадившие от детей? Не вы ли сами, наконец, молитесь ежедневно и в храме, и в домах ваших о пришествии Мессии, Который стоит теперь пред вами, ожидая вашего приговора?

Никто и ничего не может сказать напротив; и, однако же, все вопиют: не сего, но Варавву! Почему? Потому что божественное лицо и святое учение Иисусово не приходится по страстям и народным предрассудкам иудейским; потому что Он не удовлетворяет и не показывает желания удовлетворить тем

мечтательным ожиданиям, кои каждый создал в уме своем касательно лица и действий Мессии.

Нет сомнения, что несчастные избиратели иудейские следовали в сем случае даже не собственному, хотя бы и ошибочному, мнению, а чуждому наущению; нет сомнения, что фарисеями и книжниками внушено им теперь о лице и действиях Иисуса множество самых превратных понятий: что Он «друг мытарем и грешником»; что Он не хранит субботы (Ин. 9:16); что если изгонит бесы, токмо о Веельзевуле, князе бесовstem (Мф. 12:24); что если бы даже был невиинен, то «уне есть... да един человек умрет за люди, а не весь язык погибнет» (Ин. 11:50) – от мести грозных римлян, в случае признания Его за Мессию и Царя Иудейского. Но, братие мои, лучшим ли от всего этого делается беззаконный приговор, который народное собрание иудейское произнесло теперь над Иисусом? Менее ли отвращения и ужаса внушает к себе это злосчастное ослепление общественное? – Если Сын Божий, Спаситель человеков, отданный на суд народного мнения, не мог найти у него себе предпочтение пред Вараввою и осужден на смерть: то какая невинность и какая добродетель могут быть уверены, что глас ослепленного народа не принесет их в жертву если не своим, то чуждым страстям и прихотям?

Итак, видите, когда и где явилась уже во всей силе слепота мнений и приговоров народных, коим лжеименная мудрость возмнила ныне подчинить благоустройство обществ человеческих! Вопрос о сем решен еще на Голгофе, среди суда над Спасителем мира. – И что видим у тех народов, кои в недавние дни, возревновав примеру Пилата, имели безумие отдать общественное благо свое на мнение и суд всех и каждого? Сколько людей мудрых и добродетельных променено уже на Варавв и разбойников! Но иудеи, при всем ослеплении своем, все еще показали себя разумнее мудрецов нынешнего века: они испросили токмо свободу Варавве, но не ставили его во главу и вождя над собою. А в наши несчастные времена Вараввы из темниц прямо идут восседать на лифостротоне, и не омытыми от крови руками берут нагло жезл всенародного правления!..



Возблагодарим, братие мои, Господа за то, что мы далеки от сих безумных шатаний ума превратного, далеки и по месту, а еще более по духу, который господствует в благословенном Отечестве нашем. А между тем, собравшись ныне у подножия Распятого Спасителя нашего, Который пришел «умиротворить Крестом Своим» всяческая (Кол. 1:20), размыслим о том, яже христианину, при настоящих обстоятельствах, подобает творити, яко богоугодная и потому душеполезная, и яже отменати, яко богопротивная и потому душевредная.

Что волнует и мятет ныне несчастные царства и народы? Мысль, каким образом наилучше устроить общество человеческое, кому вручить в нем власть и силу: единому или всем и каждому?

Прежде всего, заметим, братие мои, что самый вопрос сей в очах истинного христианина есть уже безверие и богохульство. Как будто Промысл Божий, без воли коего не падает с главы нашей ни единого волоса, мог оставить судьбу целых царств на произвол случая, и не явил вседержавной воли своей о том, как и от кого им быть управляемыми? Не со всею ли ясностью сказано в слове Божиим, что Сам «Вышний владеет царством человеческим, и емуже восхощет, даст его»? (Дан. 4:14). Не Сам ли Бог глаголет устами Премудрого: «Мною царие царствуют, и сильнии пишут правду» (Притч. 8:15)? Не Сам ли Он посему воспретил всякое ослушание власти предержащей, говоря: «несть... власть, аще не от Бога... Темже противляйся власти Божией повелению противляется»? (Рим. 13:1–2). Что же после сего недоумевать и вопрошать о том, что решено и утверждено Самим Богом?

Но вообразим на время, что жребий царств и образ управления народов отдан на произвол самих людей: какому примеру всего лучше последовать в избрании его, как не примеру Самого Бога? Ибо царства человеческие, очевидно, не могут иметь учреждения лучше того, как учреждено Царство Божие. Но оно учреждено так, что везде в нем видны не только строгий порядок и подчиненность, но и единодержавие.

Чтобы совершенно убедиться в сем, пройдем мыслью по неизмеримому Царству Божией и, первее всего, взойдем, хотя и

недостойные, на небо. Видите ли несчетные сонмы Херувимов и Серафимов, неизмеримые лики Архангелов и Ангелов? Все светлы, все чисты, все могущественны, все блаженны: но все хранят неизменяемый порядок и подчиненность. Низшие приемлют озарение от высших, высшие – от высочайших, сии – от первых и старейших; и все соединены навеки под единою главою – Единородным Сыном Божиим, Который есть владыка Херувимов и Серафимов, началовождь Архангелов и Ангелов.

Не подобный ли порядок и чин усматриваются и на видимом нами небе? В середине – солнце, яко глава и царь; вокруг него, по непреложным законам, вращаются планеты; за ними текут спутники, или луны. Самые кометы, в их своеобразном беге, соблюдают зависимость свою от солнца: к нему единому возвращаются и от него единого, как бы получив новое назначение, уходят. Нарушья этот порядок – сия строгая подчиненность хотя на одну минуту, и весь мир наш сотрясется в самых основаниях своих.

Сойдем с неба на землю и посмотрим, что на ней. Здесь, после падения владыки земли, злополучного прародителя нашего, нет уже первобытного совершенства и согласия; и, однако же, везде является зависимость и подчиненность низшего высшему, везде закон единства. Нет между тварями земными ни одного, большего или меньшего отделения, которое не представляло бы собою некоего вида иерархии, по тому самому и называются они не безглавыми обществами, а царствами, в коих существа, одаренные превосходнейшими качествами, именуются даже царями.

Посмотрим при сем на самого человека: в теле его множество членов, но всеми управляет глава, и она едина. В душе его множество способностей, но над всеми царствует ум, и он един.

Между дикими животными господствует на земле безначалие и равенство: зато ни одно из них не может встретиться с другим живым существом, чтобы не нанести или не потерпеть смерти, по крайней мере, вреда и страха.

Сойдем, наконец, мыслию, при свете слова Божия, даже во ад (да дарует Господь, чтобы мы сходили туда одною мыслью, и

для того именно, чтобы не сойти туда когда-либо на самом деле!). Где более мятежа и безначалия, как во аде? Ибо отчего и произошли ад и геенна, как не вследствие мятежа на небе Ангелов против Вседержителя? Но и духи злобы поняли, что, при совершенном равенстве и безначалии, не может существовать никакое общество: и вот те, кои на небе не захотели повиноваться всемогущему Творцу и Благодетелю, во аде должны раболепствовать пред велениями сатаны-всегубителя!..

Видите теперь, чем держится весь мир, видимый и невидимый? Он держится повиновением и подчиненностью. Видите, прежде всего, какой главный закон господствует в Царстве Божием? Закон порядка и единодержавия. Как же после сего думать и утверждать, что царства человеческие могут существовать иначе, нежели как существует Царство Божие? Тем паче, когда устав царств земных изречен самим Владыкою неба и земли?

Посмотрим теперь на мир Божий с другой стороны. Явно, что он не таков, каким вышел из рук Творца, что в него вкралось зло, вредящее его совершенству и блаженству тварей. поскольку зло это не могло быть от Бога, то откуда произошло оно? От злоупотребления той самой свободой, которую так неразумно ставят ныне во главу угла. Возмутился против Бога на небе Архангел, и отторг вместе с собою, как выражается Тайновидец, «третью часть звезд» (Откр. 12:4), то есть Ангелов. Возмутился в Едеме против заповеди Божией первозданный человек, и, изгнанный из рая сладости, распространил вместе с собою по лицу земли грех и проклятие. Вот откуда зло в мире – от крамолы и мятежа!

Чтобы еще более убедиться в истине всего нами утверждаемого, воззрите, братие мои, наконец, на образ Божественного Страдальца, предлежащий теперь очам нашим! Для чего Сын Божий сошел с неба, претерпел страдания столь ужасные и умер на Кресте? Для того, чтобы примирить небо с землею, удовлетворить за грехи наши правде вечной, возвратить нам возможность паки «чадом Божиим быти» (Ин. 1:12) и наследниками Царствия Небесного; чтоб вместе с нами

восставить и все, через нас падшее и возмутившееся, и соединить, как выражается святой Павел, под единою главою (Еф. 1:10). Значит, Сын Божий воплотился и пострадал именно для того, дабы Крестом Своим изгладить столь ужасно тяготеющие над нами и всем миром последствия нашего мятежа едемского. Если бы злополучные прародители наши, прельщенные пагубным советом змия губителя, не возмечтали быть яко Бози и не восстали дерзновенно против заповеди своего Творца и Благодетеля, то на земле не было бы ни греха и проклятия, ни болезней и смерти; а посему не было бы нужды и в сей ужасной жертве всемирного искупления. Тогда Сын Божий являлся бы среди нас, как является в мире Ангельском, окруженный величием и славою; а теперь видите, чем увенчана Его глава – тернами! Видите, чем украшены его руце и нозе – язвами гвоздинными! Видите, чем проникнуто Его сердце – копием!

Помни же все сие, христианин, и, подобаясь Спасителю твоему, который, будучи Единородным Сыном Божиим, «не восхищением, – как говорит апостол, – непщева быти равен Богу, но Себе умалил, зрак раба приим... смирил себе, послушлив быв даже до смерти, смерти же крестныя» (Флп. 2:6–8), востекай и ты на высоту и духовную и вещественную, и частную и общественную путем не превозношения и гордыни, а веры, смирения, преданности и любви ко всему, что дано тебе в руководство свыше и поставлено над тобою Самим Богом. Аминь.

## Слово первое в Великую Субботу

Между священными законами, данными народу Израильскому через Моисея, есть закон и на тот случай, когда бы нашлось где-либо на поле тело человека убиенного, а между тем не было бы известно, кто убийца: – в сем случае старейшины ближайшего к мертвецу града должны были собраться к телу его, и, по принесении в жертву юницы, умыть над главою ее руки, и потом сказать над убиенным собратом своим: «руце наши не пролиаша крове сея, и очи наши не видеша: ...да не будет кровь неповинна на людех твоих Израили!» (Втор. 21:1–9).

И пред нас, братие мои, изнесено, как видите, тело Убиенного; а убийцы нет при нем! Мы собрались, по-видимому, для оплакивания мученической кончины сего Страдальца. Но это еще не доказательство нашей невинности. А убийцы? Разве они не делают иногда того же, не показывают сожаления, не проливают даже слез над жертвою их злобы?

Можем ли, убо, стать у сего гроба и, призвав во свидетели Бога, сказать: руки наши не проливали сей крови, и очи наши не видели?

Не проливали сей крови?.. А что же делали эти руки, когда соплетали клевету на брата своего, или сеть для обольщения невинности? – Не проливали крови сей? А что же другое делали, когда подписывали приговор яко преступнику тому, кто чист руками и сердцем, или составляли подлог и неправду в обязательствах и завещаниях? – Не проливали этой крови? А что же проливали, когда поднимались на угрозу бедным и сирым, на заушение тех, кои не могли ничем отвечать нам, кроме вздохов и слез?

Божественный Страдалец предан, умучен и умерщвлен не от кого другого, как от неправд и страстей человеческих: Он вознесен на Крест, яко жертва за грехи всего мира. Итак, чтоб быть невинным в ранах и смерти Его, надобно быть чистым от греха и беззакония. Но где и в ком сия чистота? Вопросим святого Иова – он отвечает: «кто бо чист будет от скверны;

никтоже, аще и един день житие его на земли» (Иов. 14:4–5). Спросим святого Давида – он вопиет: «вси уклонишася и ...неключими быша: несть творяй благостыню, несть даже до единого!» (Пс. 13:3). Спросим святого Павла – он повторяет то же: «вси... согрешиша и лишены суть славы Божия!» (Рим. 3:23). Спросим свою совесть: она говорит еще более, то есть, что мы сами вопрошающие о сем – есмы, если не первые, то далеко и не последние из грешников.

После сего нечего нам с старейшинами Израилевыми свидетельствовать о своей невинности. Надобно употребить над Сим убиенным Страдальцем те же слова, только в противном смысле, то есть, стать у сего гроба и сказать: наши, наши руки наложили сии язвы и пролили сию драгоценную кровь! «Сей грехи наша носит и о нас болезнует»! (Ис. 53:4). – В Иуде продало Его наше корыстолюбие; в учениках, Его оставивших, изменило Ему наше легкомыслие; в Пилате осудило Его наше неправосудие и лицепрятие; в разбойнике и книжниках глумились над Ним наше вольномыслие и кощунство; в воинах пронзила Его наша лютость и буйство; в Каиафе запечатали гроб Его наше нечестие и ожесточение: «Сей грехи наша носит и о нас болезнует»!

Без сомнения, Спаситель наш, приняв на Себя неправды наши, никогда не возвергнет их паки на нас: нет, Его любовь и милость к нам нераскаянны! Но, когда мы, освобожденные смертью Его от клятвы и казни за грехи наши, снова предаемся беззаконию; то они сами собою паки упадают на нас со всею их тяжестью, и мы снова являемся врагами Богу, виновными в смерти Сына Его, в крови и страданиях возлюбленного Спасителя нашего, еще более виновны, нежели судии, Его распявшие. Ибо они, распиная Его, не знали, наверное, Его Божественного достоинства: «аще бо быша разумели, – говорит апостол, – не быша Господа славы распяли» (I Кор. 2:8). А мы совершенно знаем, Кто Распинаемый, – что Он есть Единородный Сын возлюбленного Отца, сияние славы и образ ипостаси Его. Посему, презирая смерть Его, за нас подъятую, мы подлежим ответу, как Его убийцы.

Подлежать ответу в убийстве Сына Божия! – Чувствуешь ли ты, грешник, весь ужас сей мысли? Чтобы объяснить тебе это, вообрази, что близ дома твоего найден человек убиенный: что этот человек так важен, что все царство не стоит его единого. Представь за сим, что на тебя пало подозрение (только подозрение) в его убийстве, и правосудие готовится преследовать тебя, как убийцу. В какой бы ты при сем пришел страх! И каких не употребил бы мер, чтобы доказать или свою невинность, или вознаградить, если можно, содеянное? – Но, вот убиен, и кто убиен? Не простой человек, а Сын Царя Небесного: мы сами не можем не признать своего участия в Его мученической смерти, и что же мы делаем, вследствие сего? Не чувствуем даже важности (тяжести) своего преступления! Ибо, если б чувствовали хотя сколько-нибудь, то давно престали б быть рассеянными зрителями сих ран и сего венца тернового. Если бы чувствовали сколько-нибудь, то давно употребили бы все силы и средства на то, чтобы освободиться от грехов, кои делают нас виновными в Крови Спасителя нашего.

Но, при всем желании моем, я, скажешь, не могу уже возвратить прошедшего: грехи, мною содеянные, вечно останутся грехами. Правда, возлюбленный, что мы с тобою не можем возвратить прошедшего; но можем располагать настоящим, даже будущим, поколику оно имеет перейти в настоящее. Итак, сделаем то, что можем. Грехи и страсти человеческие умучили и вознесли на Крест Спасителя нашего: престанем убо грешить и быть рабами страстей: утвердим волю и желание свои в законе Господнем; начнем служить Богу живому и истинному, с тем же усердием, с каким служили доселе миру и страстям своим; сделаем, говорю, все это, и Кровь Сына Божия, пролитая на Кресте, хотя пролита от нас, то есть, от грехов наших, но не будет против нас, а за нас – в наше оправдание, в наше спасение, в нашу добродетель и заслугу; грехи наши останутся и тогда грехами, но разность в том, что коль скоро мы перестанем грешить, то они сделаются как бы чуждыми для нас, ибо их примет на Себя Искупитель наш, примет и изгладит Крестом Своим.

А без сего – жестокий властелин, сколько бы ты ни поклонялся сему Страдальцу, лютое бичевание, Им претерпенное, – от тебя, который, по слепому произволу лютого сердца своего, так беспощадно бичуешь подвластных тебе.

А без сего – этот терновый венец – от тебя, гордый и неразумный мудрец, который поставляешь жалкий ум и познания твои в том, чтобы глумиться безумно над предметами веры и нравственности христианской, потому только, что они выше понятий твоего бедного разума.

А без сего – эта рана в сердце Божественного Страдальца – от тебя, недостойный пастырь Церкви, который, имея права выну входить во святая святых, вносишь туда с собою мерзость запустения душевного, устами и руками совершаешь тайну спасения, а в сердце и мыслях делаешь тайну неправд и беззакония.

А без сего, то есть без исправления жизни и совести, без предания себя в волю Искупителя нашего, без соображения себя с Евангелием и примером Его, что бы мы ни делали, как бы набожны ни казались, все мы пред судом правды Божией обретаемся яко убийцы сего Божественного Страдальца: на всех нас Кровь Праведника сего!

Теперь мысль сия легко может казаться неважною для многих: никто не взыщет сей крови; мы приходим к жертве нашей и отходим, яко невинные. Но так не будет всегда. Настанет время, когда сей же Божественный Страдалец явится судиею всемогущим, когда сии руце вместо Евангелия примут молнию и громы на нераскаянных. Что будет тогда с тобою, бедный грешник? Что речешь? Чем оправдаешься? Куда скроешься? Где найдешь покров и защиту? «Страшно (есть) ...впасть в руце Бога живаго»! (Евр. 10:31). Сто крат страшнее впасть в сии руце за Кровь Сына Божия!

Познаем же, братие мои, благотворную силу сей святой и страшной тайны! Убоимся самого преизбытка любви Божией к нам недостойным. Окропленные кровью Завета Вечного, отвергнем грех и всякую нечистоту, да причастницы жизни вечной будем! Аминь.



## Слово второе в Великую Субботу

«Будет с миром погребение Его» (Ис. 57:2). «И будет покой Его честь» (Ис. 11:10).

Евангелист Ветхого Завета, великий провидец Исая, предызобразив пророчески страдания и смерть Искупителя мира, и показав, како праведный погibe, и никтоже приемлет сердцем, потом как бы в мирное довершение печальной картины, присовокупляет: «и будет с миром погребение Его»! А в другом месте своих дивных видений он предсказывает еще более, не только мир при гробе Спасителя, но и славу: «и будет покой Его честь»!

Трудно было исполниться и первому предсказанию Пророка, тем труднее – последнему. Можно ли было ожидать мира окрест гроба Иисусова после того, что совершилось у Креста Его на Голгофе? Если дышащих злобою первосвященников и книжников не мог удержать от злохулений и насмешек взор на скончавающагося в муках крестных Страдальца; то тем менее можно бы ожидать великодушия и пощады к бездыханному телу Его же, уже умершего. Напротив, почти необходимо надлежало предполагать, что ожесточенная злоба врагов Иисусовых поставит за долг себе обратить священные останки Божественного Страдальца в предмет всенародного поношения, приложит даже попечение о том, чтобы истребить все следы Его существования.

О чести же какой-либо при погребении Иисусовом, казалось, невозможно было и думать. Ибо какая честь Тому, Кто, яко мнимый враг Бога и Моисея, осужден был кончить жизнь Свою на Кресте среди злодеев? – И кто бы оказал ее? Разве ученики Иисусовы? Но они еще до смерти Учителя, «все оставльше Его, бежаша» (Мф. 26:56). При таких обстоятельствах и то уже было бы приятною неожиданностью, когда бы Пречистое Тело Иисусово не лишено было хотя того, что законом и обычаем предоставлялось телу каждого понесшего казнь смертную.

Но слово святого Провидца не могло пройти мимо. У гроба Иисусова должны были явиться не только мир, но и честь, им провиденные; – и они явились: сначала мир, а потом и честь.

В самом деле, посмотрите на погребение Господа в вертограде Иосифовом: что может быть его мирнее? Видя, как небольшое число друзей Его воздает Ему теперь последний долг, можно подумать, что сему погребению предшествовали не ужасы Голгофы, а кончина совершенно мирная и безмятежная. Вечерний покой вертограда, если прерывался теперь чем-либо, то разве тихими слезами погребающих, кои, вместе с драгоценным миром льются на тело возлюбленного Учителя, и разве некою поспешностью в действии, коей неотложно требовал наступающий покой субботний. Несравненно больше движения и больше шума было недавно при погребении Лазаря; хотя он умер на ложе своем, в объятиях сестер и друзей своих.

Откуда и как явился у гроба Иисусова этот покой неожиданный? Все сделал закон о праздновании дня субботнего, которое наступило вскоре по смерти Господа на Кресте. Этот закон связал собою, иначе ничем неукротимую, злобу врагов Иисуса; он заставил их удалиться немедля домой с Голгофы. К тому же самому содействовал и другой закон о пасхе, которую надлежало вкушать в тот вечер. Агнец пасхальный в сем случае оказал услугу Агнцу Божию, закланному на Кресте, отвратив от Него внимание врагов Иисусовых на себя. Мы видели, как они побоялись войти вчера в преторию Пилата, дабы не потерять чистоты, требуемой законом для вкушения пасхи. Тем паче страшно было для них по закону прикосновение к телу умершего; и вот почему нет никого из них при погребении Иисуса!

Но как же друзья Иисусовы не убоялись сего страха? Разве для них не существовал закон о пасхе и субботе? Существовал и для них; и они выполняют его, сколько можно: ибо о женах, бывших при погребении, замечается, что они не пойдут в субботу, то есть ныне, ко гробу Иисусову для помазания Тела Его именно потому, что это противно покою дня субботнего: «в субботу убо умолчала по заповеди» (Лк. 23:56). Но с другой стороны, сии погребатели пользуются снисхождением того же

закона, или паче обычая народного, коим позволялось ближайшим к умершему лицам погребать его пред самым наступлением суббот и пасх, дабы тело не оставалось непогребенным в продолжение праздника, чего закон не терпел ни под каким видом. В силу сего-то права действуют теперь Иосиф с Никодимом!

Но нас должно удивить в сем случае не столько это обстоятельство, сколько то, откуда и как явились эти погребатели в сие время. Ибо хотя Иосиф с Никодимом давно принадлежали к почитателям и ученикам Иисусовым; но из опасения своих собратьев по синедрionу, коего они были членами, никогда не смели выказать сего явно. Теперь же, смотрите, какая перемена! Доколе Иисус был жив и пользовался славою великого чудотворца, когда принадлежать к числу последователей Его составляло даже не малую честь: "Иосиф, – как говорит Евангелие, – был потаен – страха ради иудейска» (Ин. 19:38). А теперь, когда Иисус умер на Кресте; когда мнение о Нем превращено и помрачено в уме большей части народа; когда всякий знак любви к Нему, тем паче уважения, отзывался уже изменою синедрionу, и, следовательно, был крайне опасен: теперь Иосиф является всенародно учеником и почитателем Иисусовым; и не только является таким, но и что делает? Входит к игемону Римскому с просьбою взять тело Распятого, и, взяв его, погребает с честью. На все это требовалось много мужества; посему-то евангелист и говорит: дерзнув, «вниде к Пилату, и проси телесе Иисусова» (Мк. 15:43). Дерзнув, то есть отважившись на все. «Пусть, – как бы так рассуждал сам с собою Иосиф, – и Пилат и синедрion думают о мне, что угодно; пусть преследуют меня мои собратия; а я сделаю свое дело, воздам последний долг моему Учителю».

Любовь к Нему и уважение, столько времени сокрываемые в сердце Иосифа, теперь, как потоки, долго удерживаемые, проторглись со всею силою. Почему теперь, когда, по-видимому, надлежало ожидать противного? Может быть, причиной такой перемены в Иосифе были и знамения чудесные, происшедшие на Голгофе, кои убедили в святости Иисуса даже сотника

Римского; но более всего располагало к тому Иосифа самое сердце его, полное любви и уважения ко всему святому и возвышенному. Таковые сердца могут до времени таить, что в них есть доброго; но не могут рано или поздно не стать прямо за истину; и любят обнаруживать себя именно в минуту опасности, когда требуется больше самопожертвования, что было теперь и с Иосифом.

Уже во всем этом немало чести для Погребаемого. Ибо Тот, Кто яко преступник закона, распят на Кресте, будет погребаем с великим усердием, и даже, несмотря на краткость времени и стесненность обстоятельств, с немалым великолепием. Потому что Никодимом одних благовонных ароматов и масей принесено, «яко литр сто» (Ин. 19:39), такое, то есть, количество, какое употреблялось при гробе людей самых высоких и богатых. Но всего этого пророчеству мало. Погребается Царь, как провозгласил о том сам Пилат своею надписью на Кресте Иисусовом, и как не могли того сокрыть, при всем старании, враги Иисусовы, просившие Пилата переменить надпись. У гроба Царя должна быть почетная стража воинская: где взять ее? Этого не могут доставить никакой Иосиф с Никодимом. Будьте покойны: эту стражу доставят сами враги Иисусовы, и таким образом, не думая и не ведая, воздадут Ему честь истинно царскую. Видите ли, ко гробу Иисуса Назарянина уже спешат воины римские, те воины, при имени коих трепещет весь свет, побежденный их оружием и мужеством! Кто послал их? Пилат. Зачем и для чего? Затем, что первосвященники вспомнили теперь пророчество Иисусово о Его воскресении, то пророчество, которое пришло в забвение у самых учеников Его. Вы слышали вчера, как они ходили к Пилату с опасением, чтобы ученики Иисусовы не похитили тела Учителя, как Пилат, хотя – нехотя, дозволил им приставить ко гробу Его кустодию, как первосвященники, не удовольствовавшись сею стражею, положили еще печать на камне, заграждавшем вход в погребальную пещеру.

Лукавая и злобная мысль с их стороны была во всем этом: но мы должны смотреть не на то, что делают по безумию своему люди, а на то, что из действий их выходит, наконец, по

распоряжению Промысла. Каиафе думалось и хотелось кустодию и печатью своею положить конец благой памяти о Иисусе, а на самом деле все это послужило к большей Его чести и прославлению. Ибо не будь при гробе Иисусовом стражи римской, не лежи на камне печать: тогда воскресение Иисусово не было бы так достоверно и несомненно. И не Каиафа мог бы сказать тогда: что удивительного, если тела не нашлось в гробе? – Его взяли ученики ночью, так как это крайне легко было сделать. Но теперь нельзя уже сказать ничего подобного. Сами стерегли, сами печатали: стража и печати целы; а Погребенного нет. Где же Он? Воскрес, как Сам прорицал о том, и как свидетельствуют о том же бывшие на страже у гроба воины. Для врагов Иисусовых, как справедливо возглашает и Святая Церковь, осталось после сего одно из двух, – или Погребенного да дадут, или Воскресшему да поклонятся!

«И будет покой Его честь». Одного, по-видимому, недоставало к сей чести теперь – того, что при погребении Иисуса не присутствовал никто из ближайших учеников Его. Но самый этот недостаток служил к полноте: ибо показывал, что, без чрезвычайного тайного предраспоряжения свыше, Тело Господа имело остаться вовсе без погребения. С другой стороны, присутствие теперь в вертограде погребальном учеников Иисусовых нисколько не придало бы важности действию. Ибо, что удивительного, что ученик погребает учителя? Даже могло бы некоторым образом ослабить будущее действие воскресения и дать повод врагам Иисусовым – в подкрепление клеветы – указывать на то, что Он и погребаем был собственными Его учениками. Но теперь нет места подозрениям: из учеников никого не было при погребении, не было, впрочем, не по холодности и недостатку любви к Учителю, а, между прочим, потому, что Он Сам предварительно запретил им вдаваться, во время смерти Его, без особой нужды, в опасность. Зато они все окажут любовь свою другим, лучшим образом, – тем, то есть, что каждый – в свое время и в своем месте -положит за Него душу свою.

Таким образом, в час погребения Господня все благорасположилось так, что священнодействие сие, вопреки

всякому ожиданию, произошло не только в тишине и мире – и «будет с миром погребение Его», – но и с особенною честью: «и будет покой Его честь»! А это все потому, что после смерти на Кресте, – когда Самим Страдальцем провозглашено: «совершишася» (Ин. 19:30)! – не было уже нужды ни в новых ранах, ни в новом уважении и безчестии. К чему он теперь?

Крестом и смертью Богочеловека окончено и совершено все, что было необходимо для нашего спасения: рукописание грехов человеческих изглаждено; правда и закон удовлетворены: слава Божия восстановлена; благодать и царство для рода человеческого заслужены. Вместе с сим должно было кончиться и уничиженное состояние нашего Икупителя и уступить место состоянию славы и величия, которое и началось теперь у самого Его гроба: «и будет покой Его честь»!

Признаем убо с благоговением, братие мои, что гроб Иисусов, подобно Кресту Его, окружен был своего рода знамениями, кои тем отраднее для сердца, что являются совершенно неожиданно и в ту пору, которую Сам Спаситель назвал «годиною и областью темною» (Лк. 22:53). Возблагоговеем пред сими знамениями и почерпнем из гроба Иисусова дух веры и терпения, дух мужества и упования на Промысл Божий, никогда не оставляющий верных рабов Своих, и среди самой тьмы страстей человеческих блюдуший их яко зеницу ока. Если мы верные последователи Иисуса Распятого, и Дух Его живет в нас: то истина и правда должны быть для нас дороже всего на свете; а кто дорожит таким образом правдою и истиною, тот редко не подлежит вражде и гонениям от мира. Но что бы ни делала с нами злоба человеческая, хотя бы возносила на крест, хотя бы самый гроб наш печатала печатью Каиафы; доколе мы верны Господу, дотоле, несмотря на все, мы совершенно безопасны: ибо Господь и Владыка наш не подобен земным покровителям и заступникам, коих вся сила кончается и исчезает у гроба. Нет, Он обладает и мертвыми так же, как живыми, или лучше сказать, пред Ним нет мертвых, все живы; действие Его могущества во всей силе, можно сказать, и

открывается токмо за пределами сей жизни, которая сама, во многом еще, отдана на произвол страстей человеческих.

Посему, оканчивая слово наше над сею Плащаницею Спасителя нашего, и мы скажем вам Его же собственными словами: «не убойтесь убо от убивающих тело, души же не могущих убить. Убойтесь же... могущаго и душу и тело воврещи в дебрь огненную: ей, глаголю вам, того убойтесь!» (Мф. 10:28; Лк. 12:5). Аминь.

## Слово третье в Великую Субботу

Ныне, возлюбленные, день погребения Господа, день великий и священнотайный. Важен был седьмой день творения, ибо в него, как поведает Моисей, «почи Бог ...от всех дел Своих, яже сотвори в предшествующие шесть дней» (Быт. 2:2). Настоящая суббота еще важнее; ибо в нее почил от Своих дел Сын Божий, по совершении всех дел посольства Своего на земли, после второго творения.

Первое творение было делом одного всемогущества: рече и быша, повеле и создашася. Второе творение было уже делом не одного всемогущества, а всех совершенств Божиих, преимущественно свободы и любви. Первое творение не стоило никакого усилия Творцу, второе стоило великих усилий Сыну Божию, и что я говорю: усилий? – стоило мучений – самых ужасных, смерти – самой лютой. Велик убо настоящий день покоя, священнотайно пребывание Его во гробе.

Деятельность Сына Божия, по-видимому, вся прекратилась с Его смертью на Кресте: тело Его, подобно прочим мертвецам, соделалось бездушным, недвижимым, ничего не чувствующим: так Он снят со Креста, так помазан мастьми благовонными, так погребен, так запечатан в Своем гробе. Но когда видимо все прекратилось, невидимо в ту же пору все началось. Послушайте, как изображает Святая Церковь эту новую, незримую, великую деятельность, почивающего во гробе, Господа: «Во гробе плотски, во аде же с душою, яко Бог, в рай же с разбойником, и на престоле был еси, Христе, со Отцем и Духом, вся исполняяй, неописанный!»

Вот, что делал и где был почивавший в малом вертограде и еще в меньшем гробе Иосифове! Настоящий день был для Него днем покоя по плоти, но величайшей деятельности по духу и Божеству. Измученная плоть осталась во гробе, не разлучаясь с Божеством, ее проникавшим. Пресвятая душа, также не разлучаясь Божества, сошла во ад, для возведения оттуда всего, способного взойти горе. Дух, исполненный Божеством, явился в раю, куда вошел едва ли не первый, благоразумный



разбойник. Наконец, Божество Сына пребывало, как и всегда, на престоле «со Отцем и Духом». Подлинно, исполнено деятельностью и присутствием Богочеловека все и вся.

Но, наполнено ли, возлюбленный, Господом наше с тобою сердце? Что там: рай или ад? Без Господа и Его благодати и рай – не рай, а с Господом и Его благодатью и ад будет не ад. Если внутри тебя, в душе твоей, произрастают древа райские, – добродетели и вера, то благодари Почивающего во гробе: это Его насаждение, – благодари и прими Его в своем рае, как Иосиф в вертограде, представь Ему твое сердце вместо ложа погребального. Если же ты, по несчастью, допустил в душу свою пламень страстей, неумирающий червь самолюбия и похотей, хлад и тартар сребролюбия и бесчувствия; то будь уверен, что Он посетит ныне и твой внутренний ад, ты услышишь от Него – в совести твоей – слово жизни, воззывающее тебя из бездны, в коей находишься.

Не пренебреги, возлюбленный, ее гласом, в каком бы виде ты ни услышал слово спасения. Если когда благовременно выходить через покаяние из внутреннего ада, то в нынешний день, когда Спаситель изводит из ада даже и тех, нераскаянных в свое время, грешников, кои противились проповеди Ноя, егда ожидаше их Божие долготерпение пред потопом. Аминь.

## Слово четвертое в Великую Субботу

Есть на нынешний день проповедь, которую никто на земле не слышал и слышать не будет, никто на земле не читал и читать не будет, которая, однако же, достойна того, чтобы пред нею возблагововели и земля и самое небо.

Какая это проповедь? Та, о коей свидетельствует святой апостол Петр в своем послании. "Христос, – пишет он, – единою о гресех наших пострада, праведник за неправедники, да приведет ны Богови, умерщвлен убо быв плотию, ожив же духом, о немже и сущым в темнице духовом сошед проповеда, противльшымся иногда, егда ожидаше Божие долготерпение, во дни Ноевы» (1Пет. 3:18–20), «да суд убо примут по человеку плотию, поживут же по Бозе духом» (1Пет. 4:6).

Видите теперь, Кто говорил в нынешний день проповедь? Сам Господь и Спаситель наш, умерший за нас на Кресте.

Видите, где говорена она? Во аде, когда по разлучении пречистой души Его от тела Он сошел духом Своим в это узилище душ умерших.

Видите, кто были слушателями сей проповеди: души несчастных современников Ноевых, кои противились Божию долготерпению, когда проповедовал Ной и угрожал от лица Божия потопом.

Видите, наконец, какая цель была этой единственной проповеди: чтобы эти несчастные, понесши суд и наказание и волнами потопными и заключением трехтысячелетним во аде, воспользовались нисществием в него Спасителя, и ожили по Богу духом.

Будем ли ожидать, чтобы и нам когда-либо, подобно современникам Ноевым, произнесена была проповедь уже не на земли, а во аде?

Но возлюбленный Спаситель наш, Который един имеет ключи ада и смерти, раз только, по уверению слова Божия, сходил во ад со Креста, в день настоящий.

Будем ли воображать, что Он для нас паки сойдет туда уже не со Креста, а с престола славы Своея? Нет, Он явится всем

уже тогда, как предстанет пред Ним на Суд весь род человеческий, в конце мира; явится уже не для проповеди, а для произнесения суда последнего.

Будем убо содевать спасение свое на земли: будем пользоваться теми средствами, кои предоставлены нам ко спасению в слове Божиим и таинствах Святой Церкви.

Кто может сказать, что сих средств недостаточно? – Посему к тому, который, живя среди сих средств, погубит нерадением душу свою, к тому со всею силою и справедливостью должны быть обращены слова – к древнему Израилю: погибель твоя, Израиль, от тебе бысть.

От чего да спасет всех нас умерший для спасения нашего Господь! Аминь.

## Слово пятое в Великую Субботу

Не знаем, братие, куда ваши мысли склоняются от сей Плащаницы, а наши – к нашему собственному гробу. И наша жизнь, думается нам, так пройдет, как прошла теперь čtyрeдeсятница; и для каждого из нас наступит потом великий пяток смерти; а за сим – Великая Суббота успокоения в недрах земли, – Великая – по самому продолжению ее для нас. Ибо Господь низшел во гроб токмо на три дня; а нам долго, долго надобно будет оставаться под землею. Размышление о сем так полезно для души нашей, что иные из добрых христиан почитают за долг иметь у себя наготове и на виду свои гробы, а мы, по крайней мере, в настоящий день перенесемся мыслию к нашему гробу, и посмотрим, что будет тогда с нами.

И на нашу главу, когда мы будем лежать во гробе возложат венец; ибо Церковь не лишает самого последнего из сынов своих сего знака окончания подвигов земных. Из чего бы вы хотели, чтобы составился для вас венец сей? Из роз и кринов райских? Пусть украшаются ими достойные! Что касается до нас, то лучше, чтобы этот венец, подобно венцу Спасителя, соплетен был из тернов, то есть, из скорбей и лишений, кои понесены во имя Его. Доколе мы ходим во плоти, эти терны противны нашему внешнему человеку, ибо бодут главу его: а в час смерти – это наилучшее украшение для души! По сим священным тернам на главе Ангелы Божий всего скорее признают нас за истинных последователей Распятого и отверзут нам рай, стяжанный Крестом Его.

Будут, вероятно, на нас во гробе нашем и язвы. О, если бы они происходили не от одной руки врача, и не от свирепости токмо болезни! Если бы между сими ранами нашлось хотя несколько из тех язв, коими хвалился некогда святой Павел, говоря: «аз бо язвы Господа Иисуса на теле моем ношу!» (Гал. 6:17). Увы, и мы носим в продолжение нашей жизни многие язвы, и душевные и телесные, но их нельзя назвать Господними! – Ибо кто их возлагает на нас? Или собственная наша плоть с ее страстями и невоздержанием; или мир за наше

раболепство его безумным правилам и прихотям. Не с такими язвами являться пред Господа! Их должно врачевать покаянием, доколе есмы на земли живых.

Явятся, вероятно, и при нашем гробе какой-либо Иосиф с Никодимом для воздания нам долга последнего. Кто бы ни были они, да покажут свое усердие к нам и да почтут память нашу не множеством ароматов, не напрасными издержками на украшение гроба и могилы нашей, а усугублением о грехах наших молитв Церкви и дел благотворения. Ибо что пользы для души в пышности убранств надгробных? Пред престолом Судии всевидящего для ней нужен будет не тленный покров из золота и серебра, коим покрываются гробы, а драгоценная риза заслуг Христовых, единая могущая прикрыть наготу духовную.

Наконец и наш гроб, подобно гробу Спасителя нашего, будет запечатан печатью. Благодарение Господу, что это уже печать не Каиафы, а матери нашей, Святой Церкви! Но чтобы сия священная печать ее имела над нами всю силу, и могла хранить прах наш неприступным для духов злобы поднебесной, для сего требуется, чтобы мы в продолжение жизни сохранили нерушимо ту печать освящения, коей она же, Святая Церковь, запечатлела нас при купели Крещения, и чтобы поступали во всем, как истинные и верные чада ее. А если мы будем христианами только по имени, небрежа о исполнении святых Уставов Церкви; если в нас не будет внутреннего душевного союза, родственного пособия и единого духа с сею нашею Матерью, то святая печать ее не будет иметь силы над гробом нашим; спадет с него, как спадают печати с веществ, не могущих держать их на себе.

Таковы, братие мои, мысли, с коими стояли мы утром над сею Плащаницею, воспевая песни исходные Зиждителю нашего спасения. Кто хочет, пусть разделит их с нами и продолжит их для себя. У гроба Спасителя, после Его смерти, ни о чем так ближе и приличнее нельзя помышлять, как о конце собственного жития на земли. Аминь.

## Примечания

<sup>1</sup> - Из Великого Канона Андрея Критского, в понедельник первой седмицы Великого Поста – Редакция «Азбуки веры»

<sup>2</sup> - Утреня. Степенны, Антифон 1 – Редакция «Азбуки веры»

<sup>3</sup> - Из Великого Канона Андрея Критского, – Редакция «Азбуки веры»